

Международный
научно-практический междисциплинарный журнал

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 3

Январь-июнь 2003

№ 1

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

УЧРЕДИТЕЛИ: *Институт психологии Российской академии наук,
Владимир Лепский (Россия)*

При участии *Института Человека РАН и Института рефлексивных
процессов и управления*

Выходит два раза в год
(на русском и английском языках)

№ 1, 2003, январь-июнь, том 3

Главный редактор: В.Е.Лепский (Россия)
E-mail: lepsyky@online.ru (lepsyky@psychol.ras.ru)

Члены редакционного совета:

С. Амплеби (США), Б.И.Бирштейн (Канада), А.Л.Журавлев (Россия),
В.П.Зинченко (Россия), В.А.Лефевр (США), Г.В.Осипов (Россия),
В.Ф.Петренко (Россия), Д.А.Поспелов (Россия), И.В.Прангишвили (Россия),
В.В.Рубцов (Россия), В.С.Степин (Россия), А.А.Стрельцов (Россия),
Ю.Е.Фокин (Россия), Ю.П.Шанкин (Россия)

Члены редакционной коллегии:

Д.Адамс-Веббер (Канада), О.С.Анисимов (Россия), К.К.Богатырев (США),
В.И.Боршевич (Молдова), О.И.Генисаретский (Россия), И.Е.Задорожнюк
(Россия), Г.Г.Малинецкий (Россия), В.А.Петровский (Россия),
С.П.Расторгуев (Россия), В.М.Розин (Россия), Г.Л.Смолян (Россия),
Т.А.Таран (Украина)

Члены редакционно-издательской группы:

Б.М.Бороденков (руководитель), В.И.Белопольский, В.Н.Крылова (Россия)

*Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7309 от 19 февраля 2001 г.*

Адрес редакции: 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, комн. 430
Факс: 282-92-01

E-mail: lepsyky@online.ru (lepsyky@psychol.ras.ru)
<http://www.reflexion.ru>

***Журнал издается при поддержке Бориса Бирштейна
(доктор философии и экономики, профессор)***

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Присланные в редакцию рукописи не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Главного редактора</i>	4
------------------------------------	---

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

<i>Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. (Россия). О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти</i>	5
<i>Бириштейн Б.И. (Канада). Русский характер в аспекте рефлексивного осмысления</i>	28

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФЛЕКСИИ

<i>Розин В.М. (Россия). Рефлексия, мышление, квазирефлексивные структуры</i>	40
--	----

ВИРТУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Носов Н.А. (Россия). Виртуал и рефлексия	58
---	----

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Лефевр В.А. (США). Закон само-рефлексии: возможное общее объяснение трех различных психологических феноменов</i>	64
<i>Петровский В.А. (Россия), Таран Т.А. (Украина). Модель рефлексивного выбора: трансактная версия</i>	74
<i>Кайзер Т.Б., Шмидт С.Е. (Германия). Рекрутирование членов террористических организаций и теория рефлексии</i>	92

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭТЮДЫ

<i>Рабинович В.Л. (Россия) Человек, играющий в почти одноименном романе Достоевского: «В казино чужие все»</i>	102
--	-----

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Семинар «Рефлексивные процессы и управление»	116
II Международная Конференция «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций»	123
Научный Конгресс с международным участием «Экоэтика — XXI век»	123
IV Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»	123

НОВЫЕ КНИГИ

<i>Лефевр В.А. Алгебра совести (издание на русском языке)</i>	124
<i>Пятигорский А. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии</i>	124
<i>Супертерроризм: новый вызов нового века</i>	124

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Институт рефлексивных процессов и управления	125
Журнал «Новости искусственного интеллекта»	126

От Главного редактора

Ключевая тема настоящего номера – высокая социальная цена теории рефлексивных процессов и практики рефлексивного управления, особенно с учетом стратегических ориентиров современной России.

Сколь трудно при этом избежать ошибок – даже при больших успехах – свидетельствует победа США над Ираком. Казалось бы, события 11 сентября 2001 г. должны были резко повысить цену рефлексивного анализа не только спонтанных, но и ожидаемых действий. Но этого не произошло, а расчет на то, что само приближение открытости, присущей демократической системе, решит много проблем, оказалось неверным. По двум параметрам: так и не была учтена инаковость «другого» – носителя отличной этической системы, на чем постоянно акцентируют внимание ведущие рефлексологи, и не предусматривались меры по сохранению глубоких культурных слоев – достоинства всего человечества. И то, что воспринималось, как ликование от встречи с демократией, обернулось многомиллионными демонстрациями религиозной направленности, равно как и массовыми грабежами. Разхищены ключевые для памяти человечества ценности культуры, а, значит, подорваны и корневые истоки становления его рефлексивных процедур. Оказалось, что их можно было хранить в условиях репрессивных режимов, не исчезла надежда, что они сохранятся и при демократических процедурах, а вот в промежутке... По отношению к ним произошел пожар, о котором так убедительно написал в начале своей книге «Алгебра совести» Владимир Лефевр – но не как метафора, а как реальность... Вековые ценности культуры стали виртуальными – каковым пока остается так и не найденное в Ираке новейшее оружие...

Международное сообщество рефлексологов, включая его мощный отряд в Америке, предвидело возможность такого хода событий, и все же предупреждениям его экспертов принимающие решения лица не вняли в должной мере.

А ведь мы – не провозвестники беды. Мы люди, которые обладают ресурсом предвидения – для целей ее предотвращения. Читатель может убедиться в этом, знакомясь со статьями о стратегических ориентирах развития России, где выдвигается идея создания второго контура управления страной – общественного по своей природе и не дублирующего, но дополняющего деятельность исполнительной власти. Со статьей об особенностях русского характера в качестве важного ресурса выживания страны. С материалами «круглого стола» по вопросам оптимизации подготовки дипломатов Российской Федерации. Со статьями по, казалось бы, сугубо академическим – философским, математическим и т. д. – аспектам изучения рефлексивных процессов.

Мы, рефлексологи всего мира, не бессильны, потому что с опорой на рефлексию мыслим стратегически. Мы помогаем друг другу преодолевать ошибочные последствия не только поражений, но и побед. Это внушает надежду на мощь не силы, а ума.

Владимир Лепский

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЧТО ДЕЛАТЬ И КУДА ИДТИ

© К.Х. Ипполитов, В.Е.Лепский (Россия)

Институт проблем безопасности
и устойчивого развития,
Директор,
кандидат юридических наук

Институт рефлексивных
процессов и управления,
Генеральный директор,
доктор психологических наук

1. Введение

Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Это объективная реальность, с которой придется считаться каждой политической организации, любому политическому деятелю, претендующим на роль руководителя общенационального масштаба.

Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем первом Послании Федеральному собранию (июнь 2000 г.) отметил: «Развитие общества немыслимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальные. Не менее важны духовные и нравственные цели... Главное понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть». Со времени постановки этой задачи прошло около трех лет, однако в происходящих и в настоящее время изменениях тактические задачи и цели явно доминируют над стратегическими.

На практике, безусловно, удалось добиться относительной социальной стабильности, укрепления властной вертикали, сравнительно скромного и весьма неустойчивого экономического роста. Но из системного кризиса страна еще не вышла.

Сегодня у России нет стратегического плана и долгосрочной программы развития, которые были бы известны и разделялись обществом, нет критичного анализа того, что с ней происходило в последние 15 лет. И если мы сами, россияне, не определим свой путь развития, то его определят за нас другие.

2. Анализ сложившейся ситуации

Если попытаться кратко охарактеризовать основные итоги реформ последнего десятилетия, то они могут быть обозначены следующим образом:

В духовной сфере – это отсутствие государственной идеологии, деформация системы норм, установок и ценностей как следствие утраты критериев адекватной оценки социальной действительности; отказ от национальных и культурно-исторических традиций на фоне массированного проникновения в общественное сознание шаблонов западной «массовой культуры»; бурный рост стереотипов и новых форм мифологического сознания, деструктивных элементов религиозных верований и культовых организаций; неадекватное отношение общества и государства к месту и роли таких социокультурных институтов, как наука, образование, воспитание, и т.д.

В социальной сфере – это крайне низкий уровень жизни большинства населения, превышение смертности над рождаемостью, прямая угроза генофонду страны; дезинтеграция прежней социальной структуры без какого-либо замещения ее более прогрессивными формами социальной защиты населения; нарастающая детская беспризорность, эскалация преступности, алкоголизма, наркомании, проституции; рост и обострение межэтнической напряженности, проявлений националистических и шовинистических предрассудков; разрушение многих форм общностей, ранее выполнявших функции законодателей норм и критериев оценки различных типов социальных взаимодействий, продолжающиеся процессы маргинализации значительных групп населения и многое другое.

В сфере экономики – это супермонополизированная экономика, по сути своей нерыночная; сырьевая ориентация развития экономики как основной признак ее отсталости; низкая привлекательность для внешних инвесторов; тенденция невосполняемой утраты потенциала производства «высоких технологий»; высокая зависимость от импорта замещения продовольствия и товаров первой необходимости как угроза национальной безопасности страны, и т.д.

В политической сфере – это отсутствие последовательности во внешней и, особенно, внутренней политике, и отсюда – низкий уровень доверия населения к государству, что проявляется в «протестном»

голосовании и низкой явке избирателей; нарастающий процесс деполитизации общества, понижение «независимого» статуса партий; усиливающаяся тенденция прямого государственного вмешательства в процесс формирования ячеек и учреждений гражданского общества; низкий уровень политической, правовой и информационной культуры общества, и т.д.

В сфере государственного управления – это запредельный уровень коррупции чиновников; отсутствие механизмов и культуры стратегического и оперативного управления, явление «перехвата» управления; нарастающая тенденция вмешательства исполнительной власти в деятельность судебных органов, а также СМИ и политических партий; рост политической ангажированности государственных служащих, политизация государственной системы управления; отсутствие общественного («народного») контроля за властными структурами, и т.д.

Масштаб кризиса и острота проблем позволяют понять, почему многие исследователи и рядовые граждане весьма пессимистически оценивают перспективы России на будущее, а в общественном сознании и повседневной практике управления доминируют психология и логика *выживания*.

Богатая и недавно мощная страна – «сверхдержава» – оказалась бедной, духовно сломленной и отодвинутой в разряд развивающихся государств. Став жертвой краха сразу двух проектов – коммунистического и либерального, она мучается в поисках объединяющей ее национальной, а точнее, общественной идеи.

Россия сегодня столкнулась с угрозой разрушения её своеобразной национальной цивилизации, гибели российского народа как суперэтноса. Здесь присутствует и провоцируется национализм, направленный на разобщение народов; разрушение генофонда, самоидентификации и психологии русского народа; уничтожение культурно-исторических ценностей, дезорганизация общества. Сложилась обстановка её превращения в третьестепенную державу, что несет в себе угрозу будущему страны, распада территориальной целостности страны, её бытия в целом. То есть происходит разрушение основных цивилизационных ценностей, которые на всем протяжении исторического развития России обеспечивали её независимость, самобытность, уникальность, делали её необходимым стабилизирующим балансом развития человечества.

Выход из состояния духовного и социального кризиса не только необходим, но и возможен, если Россия – несмотря на все трудности, препятствия и риски – найдет модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, потребуется выработать стратегию и предложить полити-

ку развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России [1].

3. Потенциал для развития

Сегодня Россия обладает громадным потенциалом для развития, который адекватно не оценивается и не используется для решения стратегических проблем.

Во-первых, это *уникальность географического и геостратегического положения* России в мире как моста между Западом и Востоком, Севером и Югом (в традиционно-цивилизационном толковании этих понятий). Представляя собой общность множества народов и культур, возникшую естественным, органичным, а не миграционным способом, Россия исторически не только по местоположению, но и духовным складом своим готова к диалогу, сосуществованию и сотрудничеству с другими мирами, сообществами и цивилизациями.

Во-вторых, это *природные богатства*, по которым Россия во много раз превосходит развитые страны и Запада и Востока. По сохранности естественных экосистем Россия занимает одно из первых мест в мире [4].

В-третьих, это *цивилизационные ценности* России, сложившиеся на протяжении её тысячелетнего развития: многообразие форм собственности, принцип народовластия, система местного самоуправления, приверженность российского народа к общинности, патриотизм, тяга к социальной справедливости, государственность и др. [5].

В-четвертых, это *культурно-духовные особенности* развития страны, которые выражаются не только в высочайшем уровне развития науки, образованности населения, способности генерировать новые идеи, производить и поставлять интеллектуальные продукты высокого класса, но и в характере самой духовной атмосферы, эту способность всячески стимулирующей. Всемирное признание духовной широты и умственной энергетики России заметно выделяет ее среди других стран.

В-пятых, это *принадлежащие России материальные ценности* за рубежом, а также ценности, приватизированные незаконным образом, в том числе вывезенные за границу.

В-шестых, это *ядерный щит* России, который гарантирует ей на некоторое время безопасность от прямой силовой агрессии со стороны других стран и группировок.

Сегодня этот потенциал в достаточной степени не инвентаризирован и не используется должным образом для развития России.

4. Постановка вопроса «Что делать?»

Проблема российской стратегии в XXI веке неразрывно связана, а точнее, является неотъемлемой частью более общей и глубокой проблемы: устойчивого развития России. А это уже скорее доктринальный, теоретический уровень разработки и решения всех проблем. Поэтому вполне естественно, что на передний план выходят вопросы, связанные с пониманием устойчивого развития страны и с его обеспечением.

В связи с этим нельзя обойти один из вопросов, имеющих первостепенное значение с точки зрения идеологии развития: какую цель предусматривает устойчивое развитие и российская стратегия как частный случай общей проблемы? Его в последние 15 лет ставит перед собой российское общество в целом, политические и общественные организации в частности, государственные и политические деятели в особенности, и фактически он озвучивается в формуле: «Что делать?»

Каждый из субъектов государственно-политических отношений в соответствии со своими политическими взглядами, политическими позициями и интересами предлагает определенный набор конкретных действий, нередко формируемых как система мер или ее приоритетов. В этих предложениях есть немало совпадающих позиций, но имеют место и резкие расхождения, что практически не оставляет скольконибудь значимого поля для выработки компромиссного решения.

Но что объединяет все эти позиции, взгляды, предложения – так это полное отсутствие цели развития. Никто не хочет или не может дать четкого, определенного ответа на главный вопрос: куда идти, т.е. каков вектор общественно-политического развития страны? Это главный вопрос; только ответив на него, можно будет говорить о том, что делать, т.е. конкретные предлагаемые меры в этом случае приобретают предметный, целевой, осмысленный характер, лишенный откровенных политических пристрастий и амбиций.

Но, чтобы ответить на главный вопрос, необходимо определиться с той социально-экономической, политической и духовной основой, которая объективно определяет вектор общественно-политического развития страны, т.е. позволяет ответить на вопрос: «Куда идти?».

Представляется, что такую основу необходимо искать в изучении всей более чем тысячелетней истории России как непрерывного развития без каких-либо купюр, отказа от каких-либо периодов или этапов этого развития - какими бы сложными и даже трагическими они не были.

Иначе говоря, необходимо обратиться к российской цивилизации, как неотъемлемой части цивилизации мировой. Концентрированно эта цивилизация выражена, применительно к России, в таком понятии,

как «бытие народа» (на Западе более широкое применение приняли такие термины, как «образ жизни», «менталитет»). И если мы останавливаемся на этом понятии, то исходим из двух моментов:

Во-первых, понятие «бытие» имеет глубокую русскую природу и отражает сложившееся на Руси, а затем и в России, оно вбирает в себя социальные, духовные, культурные и психологические аспекты жизни населения в целом, его отдельных социальных групп и семьи как первичной ячейки общества;

И, во-вторых, понятие «бытие» отражает устойчивые, в определенном смысле консервативные элементы, изменение которых происходит эволюционным путем, на протяжении длительного периода; даже переходя в новое качество, эти элементы тесно связаны с их прошлым содержанием, что делает их «узнаваемыми», легко отличимыми и позволяет тем самым рассматривать их как сущностные характеристики развития страны.

И не случайно З.Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в «холодной войне» и «смутное время», переживаемое Россией, довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа. Столь же неслучайно, что эти элементы российского бытия уже на протяжении длительного исторического периода и в настоящее время являются объектом нападок, разрушения, критики и отрицания.

Для сохранения, укрепления и развития российского бытия, которое и стало, как свидетельствует особенно опыт последних десятилетий, основным объектом разрушения сил направляемых извне в союзе с солидаризировавшимися с ними силами внутри страны, нужна иная политика. Она должна быть основана, прежде всего, на защите и укреплении тех ценностных ориентиров, которые и составляют суть российского бытия и российской цивилизации.

5. Ценностные ориентиры развития России

К числу базовых ценностных ориентаций (элементов), выдержавших, несмотря ни на какие невзгоды, испытания временем, необходимо отнести следующие:

- многообразие форм собственности;
- народовластие;
- общинность, соборность, коллективизм;
- стремление к социальной справедливости и социальному порядку;
- патриотизм;
- государственность;
- семья как первичная ячейка общества.

Многообразие форм собственности – государственной, общественной (муниципальной), коллективной и частной, формирование и развитие которых имеет свои исторические особенности. В России на протяжении веков формировались условия для утверждения в обществе взгляда на правомерность существования:

- национализированной (государственной),
- общественной (общинной, муниципальной),
- социализированной (коллективной),
- частной (приватизированной) собственности.

И проблема заключается не в том, чтобы утверждать приоритет той или иной формы собственности, а в том, чтобы, наконец, признать право каждого гражданина в соответствии со своими взглядами, традициями, опытом определить свою приверженность ее конкретной форме собственности. И государство должно защищать этот выбор, не позволяя групповым и иным корпоративным интересам навязывать свою волю и свое решение проблемы собственности. Все эти формы собственности без исключения в том или ином виде и объеме существовали до 1917 г., при этом общественная (общинная) собственность имеет, пожалуй, наиболее длительную историю.

Появление и развитие социализированной (коллективной) собственности имело принципиально важное значение – по своему содержанию она в наибольшей степени отражала стремление людей к социальной справедливости и согласию как основе социального порядка. Именно она, будучи коллективной собственностью работающих граждан, обеспечивает материальную и социальную базу благосостояния ее владельцев (а не отдельного лица или группы лиц). Освобождение от наемничества и выступление людей в качестве коллективных собственников делает труд осмысленным и действительно свободным.

В этой связи необходимо отметить, что основная ошибка большевиков заключалась именно в том, что, провозгласив приоритет общественной собственности («земля – крестьянам, фабрики – рабочим»), на деле они этот лозунг так и не реализовали. Народная собственность (коллективная), так же как общественная или частная, была превращена в государственную, в этом качестве она не отвечала по своей сущности ни понятию «народная собственность», ни социалистическому содержанию. Опосредованное, косвенное владение собственностью через государство, как выразителя общих интересов и прав в вопросах собственности, не соответствовало ни уровню развития производительных сил, ни сложившимся в процессе веков производственным отношениям в городе и деревне, ни собственно непосредственным интересам народа, ни, соответственно, психологическому настрою народа.

Идею народного государства вытеснила идея всевластного бюрократического государства, присвоившего себе право распоряжаться результатом труда производителя. В конечном итоге, с экономической точки зрения, мы получили классический пример госкапитализма, основанного на всеобщем господстве государственной собственности и всевластии номенклатурно-бюрократического аппарата, что должно было привести к острому противоречию с социалистической политической формой. Это произошло в 80-е годы XX века и, в конечном итоге, явилось одной из основных причин краха социализма и распада СССР.

Тем не менее необходимо признать, что *коллективная собственность доказала свою жизнеспособность*. Вопрос заключается не в том, чтобы запретить или разрешить ее существование, а в том, чтобы признать ее равноправной с любой иной формой собственности, обеспечивая и защищая, как и другие формы собственности, ее свободное развитие.

Коллективная собственность как социализированная собственность пробивает себе дорогу и становится реальной экономической силой в ряде развитых стран Запада, как, например, в Швеции, Финляндии, Испании, Италии и других странах. Именно ее формирование, объемы производства, место в экономике страны является одной из сущностных характеристик различных моделей социализма. Эти процессы отражают общемировую тенденцию, которая заключается в изменении отношения к коллективной собственности. От полного ее отрицания до Второй мировой войны развитые западные страны постепенно пришли не только к признанию, но даже к стимулированию ее развития. Наиболее заметно этот процесс шел в скандинавских странах, особенно в Швеции, что наряду с другими факторами оказало значительное влияние на формирование понятия «шведская модель социализма».

Радикально изменилась позиция по этому вопросу и в США. В соответствии с государственной программой здесь планируется к середине XXI века до 50% промышленных предприятий перевести в коллективную форму владения.

В основе этой программы лежат две фундаментальные причины:

- во-первых, как отмечают американские специалисты, на предприятиях коллективной собственности производительность труда, организованность, трудовая дисциплина выше, чем на предприятиях частного владения;
- во-вторых, развитие социализированной собственности позволяет решать многие социальные проблемы, облегчает бремя, лежащее на плечах государства в проведении социальной политики.

В основе всего этого процесса лежит стремление сузить возможность социальных конфликтов, вырваться за *рамки социальной ограниченности капитализма*.

Для России эта проблема имеет принципиальное значение, так как:

– Исторически в нашей стране коллективные формы собственности и коллективные формы труда имели и продолжают иметь много приверженцев среди населения; на этой основе сложился определенный образ жизни значительных групп населения города и деревни. Насильственное или искусственное разрушение этого образа жизни неизбежно на первых порах (а этот период будет длительным) влечет, и уже повлекло, изменение социального статуса значительных групп граждан, их маргинализацию и, как следствие, стремительный рост люмпенизированных слоев населения и люмпенской психологии – социальной основы всех экстремистских взглядов и действий, равно как и расширение преступности.

– Нарушение равновесия в решении проблем собственности вызывает обострение социальных противоречий, в основе которых лежит значительный разрыв в доходах между узким слоем наиболее обеспеченных людей и основной массой населения, общее понижение жизненного уровня, падение уровня социальной защищенности различных групп населения.

– И, главное, отказ от мировой тенденции, отставание от мировых процессов ставит перед Россией уже в ближайшем будущем необходимость преодолевать это отставание, при том, что она в данном отношении – при всех имеющихся издержках – обладает наиболее значительным опытом и традициями.

Особое значение для России представляет проблема *общественной собственности*, имеющая, пожалуй, наиболее длительную историю. И общинное землепользование, и земское имущество, по существу, всегда рассматривалось как достояние конкретного общества (сообщества) – жителей самоуправляющейся территории, профессионального сословия (казачье общинное землевладение и землепользование).

Положение в этом вопросе в настоящее время остается сложным и противоречивым. В результате проведенной приватизации «по Чубайсу» сообщества так и не получили собственности. Провозглашенное Конституцией право населения на муниципальную собственность и настойчивые попытки Президента решить эту проблему наталкиваются на сопротивление бюрократического аппарата, искажающего и саботирующего уже принятые решения. «Дикая приватизация» лишила гражданина России его конституционного права владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью; она заставила его просить то, что ему принадлежит по праву. По-преж-

нему земель, объектами жилья, образования, медицины, детскими учреждениями, спортивными сооружениями, расположенными на земле самоуправляющихся территорий «от имени и по поручению» народа распоряжается государственный чиновник федерального или регионального уровня.

Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как от полноты и корректности его решения зависит судьба гражданского общества. Она формируется на основе самоуправляющихся структур – территориальных, профессиональных, культурных, национальных, религиозных, творческих и т.д., среди которых местное самоуправление является ведущим, главным, т.к. именно оно обеспечивает первичные социальные потребности общества и делает действительно независимым политическое поведение граждан.

Таким образом, в процессе разгосударствления собственности были ущемлены и даже проигнорированы интересы личности и общества. Однако наиболее тяжелый удар был нанесен по интересам государства. Прежде чем начинать разгосударствление собственности, необходимо было определить, что есть и будет находиться в руках у государства. Именно государственная собственность делает государство равноправным субъектом экономических отношений, с одной стороны, позволяет ему эффективно защищать интересы общества в целом, обеспечивать правопорядок, стабильность (в том числе социальную) и безопасность – с другой

Как свидетельствует мировой опыт, государственный сектор экономики определяется по следующим критериям:

- отрасли, являющиеся нерентабельными или малорентабельными, но без которых страна не может обеспечить свою жизнедеятельность (традиционные виды транспорта, в том числе железнодорожный, связь, почта, телеграф, угольная промышленность и т.д.). Совершенно очевидно, что ни частный, ни коллективный капитал вкладывать средства в развитие этих отраслей не будет;
- наукоемкое и капиталоемкое производство, включая фундаментальную науку, требующее значительных финансовых затрат. Прибыль от этого производства может быть получена, как правило, в отдаленной перспективе, что сдерживает инвестиции в это производство со стороны частного и коллективного капитала. Но без этих отраслей невозможны научно-технический прогресс, создание новейших технологий, а значит и прогрессирующее экономическое развитие страны, экономическая безопасность (авиакосмос, энергетика, электроника и т.д.).
- оборонная промышленность, обеспечивающая военную безопасность страны.

Для России с ее пространствами и суровыми климатическими условиями естественные монополии также должны быть государственной собственностью, так как они обеспечивают сохранение не только единого экономического пространства, но и политическую целостность территории, т.е. являются инфраструктурой и вследствие этого служат интересам всего общества, а не отдельных его социальных групп.

Таким образом, государственная собственность отстаивает единую инфраструктуру страны, составляет основу научно-технического прогресса, обеспечивает обороноспособность и безопасность страны, ее экономическую, а в конечном итоге и политическую независимость.

Оценивая все происходящее в сфере собственности, можно констатировать отсутствие политики разгосударствления и последовательное разрушение тех отраслей, которые составляют инфраструктуру экономики и обеспечивают жизнедеятельность страны, ее оборону, безопасность и экономическую независимость. Причина этого кроется, прежде всего, в том, что «отцы приватизации» преследовали не цель обеспечения роста благосостояния населения, а совершенно конкретную политическую задачу: формирование крупного частного собственника как гарантии необратимости процесса капитализации общества.

С началом реформ Россия оказалась в условиях первоначального накопления капитала. А в этих условиях роль государства совершенно иная – это «ночной сторож». Его основная функция – защищать процесс перераспределения собственности, даже если механизм этого процесса становится криминальным и лишает полностью государство социальной ответственности за общество, освобождает его от управляющей функции. Свидетельством неудачи соответствующей политики является:

- лишение собственности миллионов российских граждан;
- растаскивание и разбазаривание народного достояния;
- незащищенность отечественного производителя, оставленного в условиях открытой экономики без поддержки и защиты своего государства;
- передача за бесценок в руки иностранного капитала передовых базовых предприятий;
- постоянно растущий разрыв в доходах между небольшой частью населения (около 10%) и основной массой населения (более 90%);
- нахождение за чертой бедности около 33 млн. человек;
- отсутствие закона о собственности и нежелание его принять – закона, который должен развернуть конституционное поло-

жение о многообразии форм собственности и их равенстве перед законом, определить понятия, принципы, критерии и механизмы формирования всех форм собственности;

- отсутствие личной безопасности у большинства граждан России.

Таким образом, между государством, узурпировавшим права личности и общества, совершающим над ними правовой произвол, государством, отказывающимся нести ответственность за социальное и правовое положение своих граждан и не желающим бороться с преступностью, разница невелика. И в том, и в другом случае жертвой оказывается личность, ее достоинство, ее собственность, ее жизнь, наконец.

Любой государственный или политический деятель, любая политическая или общественная сила, выбравшие иную модель процесса разгосударствления собственности, несомненно, сумеют найти поддержку в различных слоях населения страны, в том числе и среди национально ориентированных представителей частнопредпринимательских структур, особенно среди средних и мелких предпринимателей.

В этой модели должно быть заложено:

- равноправие различных форм собственности, направленное на достижение главной цели – повышение благосостояния населения, общества в целом;
- следование традиции преемственности при решении вопросов собственности, исходя при этом не из политической целесообразности, а из исторически складывавшейся приверженности различных социальных и профессиональных групп населения той или иной ее форме, которая отвечает их образу жизни и позволяет реализовать себя как личность, не теряя при этом достоинства и самоуважения (социальный статус личности).

Народовластие, основой которого является местное самоуправление.

Система местного самоуправления – это система власти и управления, которая строится снизу вверх, основана на экономической и организационной самостоятельности и инициативе населения.

Без собственности (общественной, муниципальной), без властных полномочий в пределах самоуправляющейся территории народное самоуправление превращается в очередной миф, а его органы – в своеобразные полуобщественные, полугосударственные группы, лишенные властных полномочий. Поэтому ни о какой полной демократии без формирования народовластия на всей территории РФ не может быть и речи. Право народа решать свою судьбу, определять свое бытие ос-

тается нереализованным без народного самоуправления, основанного на общественной собственности и располагающего властными полномочиями в пределах самоуправляющейся территории.

Приверженность российского народа общинности, соборности, коллективизму, понимание сопричастности каждого члена социума общему делу, ответственность не только за свою судьбу, но и за состояние общества, традиция взаимовыручки в дни испытаний и трагедий.

Общинность, соборность, коллективизм определяют самобытность русской культуры, уникальность российской цивилизации и ее коренное отличие от западной, атлантической цивилизации, духовной основой которой является безудержный индивидуализм.

С началом капитализации России эта ценностная ориентация российской цивилизации стала одним из основных объектов нападок и уничтожения. Возрождение этой духовной ценности, открытая защита и стимулирование ее развития неизбежно вызовут симпатию различных социальных слоев и групп к силе, ее возрождающей. В числе ее сторонников будет и Русская православная церковь, для которой соборность – одна из основ религиозного православного учения.

Стремление к социальной справедливости и социальному порядку как способу достижения согласия и мира в обществе, как основы нравственности. Идея социальной справедливости во все времена оставалась актуальной и легко воспринималась народными массами. *Выраженная в разных религиозных учениях, взятая на вооружение различными политическими и общественными движениями (в том числе социалистическим и коммунистическим) в России и в мире в целом, эта идея составляет сверхзадачу человечества.* И если та или иная общественная сила в России претендует на роль общенациональной, она обязана возродить данную идею в своей программе и сделать ее практической задачей.

Патриотизм, обеспечивающий целостность и величие народа, его внутреннюю способность преодолеть все тяготы и невзгоды ради сохранения своего бытия, своей земли и общности, своего Отечества.

Государственность, проявляющаяся как вера населения в способность государства выразить интересы и волю народа, страны в целом (а не отдельных социальных и национальных групп) защитить эти интересы, развить основные духовные и материальные ценности российского общества. Дух общинности, стремление жить и действовать сообща являются доминантой этого процесса.

Семья как первичная ячейка общества, в которой концентрируется весь опыт, традиции и ценности развития цивилизации и проявляется бытие народа. Разрушение семьи, ведущееся уже на протяжении длительного времени – одна из основных причин сокращения генофонда

нации, девальвации нравственности, болезней общества. В последнее время политический режим понял эту простую истину, что проявилось прежде всего в значительно возросшей сумме оплаты на рождающихся детей. Но этого мало. Потребуется еще целый ряд экономических, социальных, политических, духовных и пропагандистских мер для изменения неблагоприятной ситуации. В числе этих мер важнейшее место занимает судьба женщины-матери, изначально в силу природы являющейся продолжателем человеческого рода, носителем добра и сострадания. Лишение семей материальной основы существования в первую очередь ударило по женщине, превратив ее в живой товар и объект прибыли. Эмансипация женщины состоит не в том, чтобы обеспечивать ее работой и продвигать в общественно-политическую деятельность. Этот выбор должен оставаться за женщиной, и только за женщиной. Основная же проблема заключается в том, чтобы признать труд женщины-матери столь же полезным и ответственным, как любой другой, оплачивать ее нелегкую, пожизненную работу по сохранению семьи и подрастающего поколения. В этой связи необходимо в первую очередь остановить поток информации в СМИ и кино, унижающий достоинство женщины и рекламирующий ее как живой товар во имя получения прибыли.

В целом же российская история свидетельствует, что любой политический режим, который действовал в направлении защиты и развития цивилизационных ценностей или, по крайней мере, большинства из них, шел по восходящей и укреплялся. Но любой режим, предававший забвению заботу об этих ценностях или действующий вопреки им, рано или поздно был обречен на исчезновение.

6. «Куда идти?»

Итак, вернемся к главному вопросу: «Куда идти?». Как показывает опыт последних 12-15 лет, Россия в силу различных причин объективного и субъективного характера не может выбрать вектором своего общественно-политического развития капитализм.

Социальная ограниченность капитализма, его акцент на внешних формах демократии, а не ее сущности, внедрение индивидуалистской идеологии, принявшей откровенную форму «эгоцентризма», отрицание соборности, общинности, коллективизма, конъюнктурно трактуемая социальная справедливость – все это и многое другое объективно входит в противоречие с ценностными ориентациями российской цивилизации, с российским бытием. Утвердившийся сегодня в России «дикий капитализм» лишь в выпуклой, доступной, яркой форме высветил именно те крайности, пороки и недостатки, которые неприемлемы для народа России. Если же Россия их принимает, если они

становятся ее цивилизационными ценностями, – то мы будем иметь дело уже не с Россией, а с какой-то иной, непонятной нам страной или рядом самостоятельных государственных образований, некогда являвшихся Россией.

В то же время мы не можем вернуться к тому социализму, который сложился в СССР. Попытка построить социализм вне преемственности с предшествующим историческим развитием России на основе догм и стереотипов классовой борьбы и диктатуры пролетариата – все это привело к деформации, искажению социализма, созданию чудовищного государственного монстра, стремившегося жить не по законам общественного развития, а в соответствии с внутренними потребностями и политической целесообразностью, с интересами господствовавшей государственно-партийной номенклатуры, которая в 60-годы XX века окончательно сложилась как класс. Поэтому и стали его основными трагическими вехами всеобъемлющая государственная собственность, диктат государства и присвоение им прав личности и общества, массовые репрессии, борьба с инакомыслящими, милитаризация экономики, утверждение уравнилельного принципа распределения доходов, приведшего к равенству в нищете, и т.д.

Итак, ни капитализм, ни социализм в его советской модели не могут быть выбраны в качестве вектора общественно-политического развития, так как в обоих случаях основной жертвой политики во всех ее проявлениях, формах и направлениях становится рядовой гражданин. То есть необходимо избежать социальной узости капитализма и экономической ограниченности советского социализма. Необходимо искать иной, третий путь развития, о котором в российском обществе говорят уже не один год, но дальше разговоров дело не идет.

Нередко вопрос сводится к выбору не вектора общественно-политического развития, а к выбору формы власти: демократия – диктатура – монархия и т.д. Но форма власти – это, во-первых, производная более глубоких процессов и, во-вторых, только средство решения политических, экономических, военных и иных задач на определенный период времени.

Представляется, что третий путь может и должен быть воплощен в идее конвергированного общества, развитие которого определяется не партийными программами, а закономерностями общественного развития как нашей страны, так и мира в целом [2].

Идея конвергенции предполагает взаимопроникновение отдельных элементов (а не механическое установление) разных общественно-политических систем (капитализма и социализма), ведущих к взаимному изменению характера систем и к их сущностному, содержательному сближению.

Первая попытка теоретического и практического решения данной проблемы была предпринята в России в 20-е годы прошлого века, когда здесь попытались совместить, казалось бы, несовместимое – НЭП и коммунизм.

После Второй мировой войны страны Западной Европы, стремясь решить экономический и социальный кризис, без особых колебаний приняли и внедрили в практику ряд социалистических положений, в частности:

- был создан государственный сектор экономики;
- сформировалась коллективная собственность;
- было введено экономическое и социальное планирование не на директивной, а программной основе;
- была выработана социальная политика.

При всех негативных позициях и отрицательных оценках теория конвергенции получила на Западе совершенно конкретное и реальное выражение: модели социализма (шведский, испанский, итальянский и т.д.) вошли в программные положения различных западных и центрально-европейских социалистических и социал-демократических партий [7].

Россия сегодня, может быть, более, чем какая-либо иная страна, выстрадала эту идею. Она идет к ней, имея уже за спиной опыт капитализма под властью самодержавия, опыт казарменного социализма, а теперь и опыт первоначального накопления капитала, т.е. раннего капитализма.

Иначе говоря, перед Россией уже в 1991 г. открывался третий путь развития: формирование конвергированного общества с опорой на собственный экономический, научно-технический и людской потенциал с использованием отечественного опыта и национальных тенденций. Речь идет о «российской модели социализма», имеющей право на жизнь так же, как «шведская», «испанская», «китайская» или какая-либо иная.

В России эта задача отличалась еще и тем, что при построении модели надо было идти не от частной собственности, а от разгосударствления всеобщей государственной собственности к многоукладности. С учетом российского опыта, российских традиций, психологии различных групп населения этот путь вполне приемлем для подавляющего большинства населения. И именно в этом кроется ностальгия по прошлому у значительных групп населения (а таких много – больше, чем собственно коммунистического электората), которые отвергают и не приемлют трагические и преступные явления советского периода, но сохраняют интерес и верность многим сторонам социализма, видя в них гарантии социального и общественного порядка.

«Российская модель социализма» по сравнению с другими моделями имеет еще одно важное преимущество: она нравственна, так как тяга к социальной справедливости генетически заложена в народе, и она не случайно является одной из ценностных ориентаций российской цивилизации.

Та сила, которая сумеет дать программное воплощение этой идее и провести хорошо продуманную организационную и пропагандистскую работу, получит и реальные возможности привлечь к себе широкие социальные, профессиональные, национальные слои российского населения и тем самым стать действительно реальной общенациональной силой.

Реальное воплощение этой идеи, построенной на балансе интересов внутри страны и на международной арене, и явится основным смыслом и содержанием устойчивого развития страны, а, значит, и осуществления российской стратегии развития, формирования стратегической элиты России.

7. Проблема субъектов развития

Самый трудный и драматический вопрос – о субъектах исторического действия, готовых взять на себя бремя ответственности за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов (или претендентов на статус таковых), которые выражают не только желание, но и обладают волей, чтобы осуществить проект на практике.

Трудность данного вопроса связана с тем, что общество и страна давно уже поражены болезнью бессубъектности, поразившей в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, слои или классы, общественные и политические сообщества, институты). Главные симптомы этой болезни: блокировка рефлексии, неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиваться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Эти симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками [3].

Уже исследованы и обозначены механизмы появления этой болезни и разрушения государственности. Это – внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям), затягивания страны в кредитную зависимость, доминанты сырье-

вой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновение в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие. Приходится констатировать, что после развала КПСС, соответственно, разрушения, пусть не самых эффективных, но работающих механизмов принятия и реализации государственных задач и решений, новых действенных механизмов управления страной, многосложного общественного хозяйства создано не было.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех акторов процесса российской трансформации.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у *Президента* Российской Федерации. В своей активности и инициативности он явно стеснен высочайшим уровнем коррупции и «продажности» во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Поэтому он вынужден часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. Основным властным ресурсом президента остается его высокий рейтинг среди населения – ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый. Сейчас это позволяет сохранять режим личной власти и ограничивать действия оппозиции, где «правые» бдительно следят за тем, чтобы политический курс был достаточно «либерален», а «левые» – чтобы он был более «социален». Но отношение населения к первому лицу государства уже иное, чем при Ельцине, которому долго верили, не требуя серьезных аргументов и практических подтверждений. Это отношение стало более рациональным: если обещаешь – выполни, иначе доверие может иссякнуть. Для судьбы российских реформ это обнадеживающий признак.

Администрация Президента по сути не представляет собой единой команды. Ни одна из сталкивающихся в ней группировок не имеет собственного «проекта будущего», и потому борьба между ними воспринимается в первую очередь как схватка за властные ресурсы. Отсутствие публичной дискуссии подменяется «сливом» информации и «пиар-акциями» через доверенных журналистов, чтобы поддержать интерес общественности к борьбе за влияние в окружении главы государства. Поэтому вряд ли можно рассматривать эти группировки в качестве полноценных субъектов государственного управления.

Российская бюрократия, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Но такое положение не может длиться вечно. Оно опасно не только для общества, но и для самого государства, так как в силу бесконтрольности чиновничий аппарат стремительно криминализируется и подвержен широкой и глубокой коррупции, что в сочетании с организованной преступностью и мощной «теневой» экономикой создает угрозу окончательной криминализации и государственных, и общественных ключевых структур.

Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти – как в центре, так и на местах. Отсюда утрата чувства социальной ответственности за судьбу реформ и страны. По большому счету, бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в сколько-нибудь серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики, режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» – угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня – за Путина. Пагубность их имитации «бурной деятельности» – по сути на пустом месте (никакой стратегии развития, кроме «поддержки» президента, они предложить не могут) – заключается, в частности, в дискредитации и без того малопопулярного понятия «центризма», которому в данном случае придается явно негативный смысл.

Политические партии и движения, за редким исключением, носят бутафорский характер, ибо легко просматривается и угадывается их связь со структурами, которые являются инициаторами их появления и функционирования. Партии явно не разделены и не структурированы по культурно-мировоззренческим ценностям (принципам): они скорее выступают в качестве инструмента социально безадресной политехнологии, чем играют самостоятельную политическую роль. Их программы, манифесты и лозунги вызывают больше вопросов, чем дают ответов, и потому они не могут восприниматься как субъекты, готовые в любой момент взять власть и управлять страной.

Финансово-промышленные группы практически обладают неограниченным влиянием на все сферы жизнедеятельности страны. Супермонополии безраздельно доминируют в российской экономике, надежно защищены от конкуренции со стороны как отечественного среднего и мелкого бизнеса, так и зарубежных транснациональных компаний. Устроенные по модели капитализма прошлого века, они стремятся зак-

репить свое экономическое и финансовое могущество посредством сращивания с властью и ее структурами, диктуя свои правила игры и в политической сфере. Парадоксально, но факт: именно монополии сегодня в России реально обладают статусом «субъектов», во многом определяющих ее нынешнее состояние и характер развития. Однако им, хорошо организованным и очень влиятельным, явно не хватает чувства самосохранения и прозорливости, чтобы вовремя определить надвигающуюся угрозу – не только стране, но и их собственному существованию.

Средний класс. Численность тех, кто позиционирует себя как средний класс с 1999 по 2002 годы, выросла почти вдвое, хотя по показателям качества жизни многие из них не отвечают мировым стандартам. Но они связаны между собой по критерию приоритетных целей своей жизни – творческая самореализация, образование, интересная работа и т.д. По социологическим меркам, средний класс уже сегодня представляет неплохой потенциал для упрочения общественной стабильности. Он еще не заявил себя как социально и экономически активная сила общества, но в условиях перехода страны к правовому типу порядка его стремление и готовность жить по легальным юридическим правилам и нормам может сыграть консолидирующую роль, а его самого можно превратить в дееспособного субъекта ускоренного и устойчивого развития страны, точнее он сам в состоянии стать таковым. Именно средний класс настроен на инновационную стратегию развития, способен сломать сложившуюся коррупционную модель «контракт-отношений» с бизнесом и предложить альтернативу, в которой частный интерес соединяется с общественным, а личное благо – с благом страны.

Научные и культурные элиты, ранее обозначаемые понятием «интеллигенция», ныне разобщены, расколоты и подавлены своей невостремованностью. Даже в науке, которая всегда задавала эталонные механизмы формирования разного рода сообществ, серьезно подорваны консолидация и кооперативный эффект снижения сил. К тому же интеллектуальная, творческая элита поражена сегодня бациллами конформизма и своекорыстия, а большинство интеллигентов (ученых, учителей, врачей, «технарей», музейных и библиотечных работников) унижены своей неустроенностью. Но если предпринимаемые ныне, пока очень робкие, шаги и меры по исправлению этой стратегической ошибки реформаторов-неолибералов получают более интенсивное развитие, субъектный потенциал данного ресурса российского развития заметно и качественно повысится.

Что касается *населения* в целом, точнее, преобладающей части российского общества, в массе своей «деклассированного» и «деполити-

зированной», то и здесь наблюдаются серьезные сдвиги и изменения субъектного характера. Они образуют сложный и весьма противоречивый сплав качеств и черт «среднестатистического» индивида. Так называемое «протестное движение», в том числе забастовочное, носит спорадический и плохо организованный характер, оно настолько идейно и политически слабо структурировано, что ожидать в ближайшие годы его превращения в мощную социальную силу, способную оказать серьезное воздействие на течение событий и ход развития, вряд ли следует. Хотя это пока единственная массовая почва, на которой может образоваться организованное социальное движение, способное выдвинуть собственную альтернативу нынешнему почти «застойному» курсу [1].

Такая расстановка сил с учетом их субъектного потенциала позволяет ответить на вопрос: *кто объективно и субъективно может быть заинтересован в успехе проекта российского развития?*

Прежде всего, конечно, подавляющее большинство простых граждан страны, понесших от неолиберального эксперимента наибольший урон и заплативших неимоверно высокую цену.

Далее, патриотически настроенная элита отечественных спецслужб и армии, предпринимателей и части гражданской бюрократии, не связанных особыми отношениями с олигархами и теневыми структурами бизнеса.

Безусловно, можно и нужно опереться на обескровленный, но до конца еще не уничтоженный военно-промышленный комплекс, сохранивший определенный технологический и кадровый потенциал, который было бы грех не использовать (даже преступно этого не делать!) в интересах экономического развития страны.

Особая роль выпадает на долю научной элиты, не мыслящей своего существования без фундаментальных исследований и открытий, столь необходимых для новой «экономики знаний», но при этом сохраняющей свою привязанность к отечественной культуре и образу жизни. Сюда можно отнести и основную массу работников сферы образования.

Этот человеческий и профессиональный потенциал нуждается в поддержке и задействовании со стороны *государства и власти*, отвечающих «персонально» за необратимость хода реформ, определение целевых ориентиров и принятие стратегических решений. Необходима организация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении проекта создания демократической, богатой и процветающей России.

Столь глубокие изменения возможны в том случае, если будут происходить серьезные сдвиги в самосознании социальных групп, в формах

и степени их самоорганизации, если изменится моральный климат в стране и будут созданы благоприятные условия для становления *развитого гражданского общества*.

Безусловно, создание таких условий и формирование соответствующего политического курса является прерогативой государства и власти. Но особая ответственность падает на интеллектуалов, которые проиграли в прошлом и явно проигрывают сегодня государственной бюрократии в состязании за умы граждан.

Определенный оптимизм поддерживают результаты социологических исследований, фиксирующие преобладание у населения «модернистских» настроений. Но люди, которых можно отнести к «модернистам», не знают, что их в стране много, что они составляют большинство [6]. Их огромный динамический потенциал и прорывная сила не осознаны, не признаны, не востребованы. Новые отвечающие на вызов времени умонастроения не оформлены, не структурированы, не проговорены внятно, не нашли для себя подходящего языка. Все это, конечно, дело элиты. Ее задача – выстраивать стратегические ориентиры и кристаллизовать то, что расплылось в воздухе; это и цеховая задача ее самосохранения.

К сожалению, российские элиты сами находятся в атрофированном состоянии, страдают низкой общественно-политической культурой. Все более актуальной становится задача формирования и консолидации *новой элиты*, ядро которой могут составить представители российских элит, не оторвавшиеся от страны и народа, не утратившие своей государственной, гражданской, культурной и этнической идентичности. В основном это представители научных, культурных и политических сообществ, малого и среднего бизнеса, военных. Именно они призваны формировать идеологию новой России и формировать ориентиры российского развития с учетом лучших традиций прошлого и образов будущего. Эта «роевая» интеллектуальная работа уже идет, она находит своих энтузиастов и тоже нуждается в самоорганизации.

Думается, назрела потребность в создании Сетевого Клуба стратегической элиты России, который взял бы на себя функции формирования стратегии российского развития, повышения уровня общественно-политической, управленческой и духовной культуры элиты, стимулирования процессов создания разнообразных институтов гражданского общества, контроля и поддержки процессов выработки внешнеполитических и внутренних долгосрочных целей и решений, экспертизы крупномасштабных проектов, а также выработки и цивилизованного давления на власть с целью совершенствования механизмов управления страной. Фактически речь идет о создании второго контура управления Россией, общественного по своей природе и назначению,

не дублирующего, а дополняющего и обогащающего деятельность исполнительной власти.

Президентом такого Клуба мог бы стать Президент Российской Федерации. Тем самым повысится статус самого Клуба, а Президент получит в свое распоряжение качественно новый властный ресурс. В перспективе возможно создание сетевого общественного движения «Стратегия России», ориентированного на стимулирование и поддержку социально конструктивных механизмов самоорганизации и самоуправления широких слоев населения [3].

Реализуемость и эффективность предлагаемых институтов гражданского общества связана с возможностями создания в условиях сегодняшних реалий России механизмов встраивания их в структуру всех ветвей власти, обеспечения их поддержки и безопасности. Нам представляется, что это задача крайне сложная, но не безнадежная. Попытки сделать первые шаги на пути к ее решению уже предпринимаются и дают некоторые основания для оптимистических прогнозов.

Литература

1. О стратегии российского развития /Отв. ред. В.И.Толстых. -М.: Русский путь. 2003.
2. Ипполитов К.Х., Лужков Ю.М. Конвергированное общество. Мечта или реальность? – М. 1999.
3. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление, т. 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru)
4. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., «Прогресс-Традиция», 2000.
5. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. Подходы к формированию концепции и доктрин национальной безопасности России // Мир и безопасность. № 6. 2002. С.24-27. (www.reflexion.ru)
6. Самоидентификация россиян в начале XXI века / Исследование ВЦИОМ по заказу Клуба «2015», 2002.
7. Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе. – М.: Academia. 2000.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В АСПЕКТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

© Б.И. Бирштейн (*Канада*)

Доктор экономики и философии,
бизнесмен,
экономический советник нескольких
стран СНГ

11 сентября 2001 года силы, избравшие терроризм инструментом своей идеологии, расскледи нашу жизнь на «до» и «после», актуализировав понимание необходимости всеобщей борьбы против вселенского зла, угрожающего земной цивилизации.

Суть происходящего, на мой взгляд, следует видеть через осознание того, как могло случиться, что террористы попытались диктовать свои условия миру. Только поняв ошибки, мировое сообщество сможет найти механизмы исправления их, что потребует предельно глубокой рефлексии. Следующий аспект – это мировое партнерство в борьбе с терроризмом, сотрудничество в экономике и новый взгляд на глобализацию как предпосылку успешной стратегии и тактики в противостоянии общему врагу. И здесь проявляется тема, на первый взгляд, далекая от данной проблемы, – суть русского национального характера, место рефлексии в нем. Ибо без участия носителя этого характера – русского народа и народов Российской Федерации – борьба против глобального терроризма практически невозможна.

Говоря о партнерстве в борьбе с терроризмом, надо, прежде всего, рассматривать линию союзничества США – Россия. И не только потому, что вчерашние участники «холодной войны» стали по одну сторону баррикад. Дело также в опыте противостояния терроризму, накопленном Россией, знании региона, где гнездятся фундаментализм и радикализм, в геополитическом положении России и сути ее исторически сложившейся государственности: на территории страны проживают сотни тысяч мусульман, с которыми испокон веков складывались позитивно окрашенные отношения.

Чтобы противостоять угрозам, стать под одни знамена, США и Россия в первую очередь должны очень хорошо, подробно знать друг

друга: сильные и слабые стороны, характер, ментальность, типизированную реакцию на различные ситуации, состояние души и духа. Поэтому, столь важна тема – национальный русский характер. Важна для россиян, чтобы вновь осознать силу и могущество своей исторической сути, важна для американцев, дабы не заблуждаться на счет своего обретенного партнера. Исследуем предмет разговора [3].

Почему, говоря о «тайне Путина», не только зарубежные, но и российские исследователи не связывают феномен его популярности в России и авторитета за рубежом с пресловутой тайной русского характера? Какова в нем роль рефлексивности на уровне народа и его лидеров? Что нужно открыть и обсудить в этом характере и в механизме рефлексивности, чтобы достичь взаимопонимания с носителями других национальных характеров?

Именно понимание сути данных вопросов может многое объяснить в истории российского государства и определении его перспектив. А, значит, и в том, что происходит сейчас в этой стране. Философ и богослов-мученик Павел Флоренский, расстрелянный в сталинских застенках в 1937 году, утверждал, что вера – это не познание истины, а служение ей. Исходя из этого, можно принять положение известных мыслителей XIX века, что отношение к вере не соотносится у русского человека с его пониманием государственности и законов его общественного развития. Поэтому познание русского характера (кстати, как и английского или французского) должно идти не от божественного повеления, а от психологически-исторического контекста, в рамках которого он формируется как общественный продукт.

Почему сегодня так много пишут и на Западе, и в России о русском характере? Да потому, что понимание этого феномена позволит проникнуть в механизмы развития и поступательного движения России, поможет использовать потенциал ее рефлексивности.

Национальный характер (в данном случае не конкретно русский) как общественный продукт образуется в результате взаимодействия генетических и традиционно-культурных, географических и социально-политических тенденций развития этноса. В конструировании национального характера роль реактива, обуславливающего ход процесса созидания, играют, конечно, способ существования и конструирования мыслей, особенности умственного отношения к жизни индивидуума как части целого и как своеобразного «строительного материала» в общей схеме идеи.

Интересна в этом плане характеристика двух основных способов существования человека и его отношения к жизни у известного психолога и философа Сергея Рубинштейна, гонимого в Советском Союзе за идеализм. Ученый широкого западного образования, он еще в 1913

году высказал мысли, многое объясняющие в поведенческих проявлениях личности в обществе: «Человек и его психика формируются и проявляются в изначально практической деятельности и потому должны изучаться через их проявления в основных видах деятельности (в труде, познании, традициях, культуре и т.д.)» [6]. В своей рукописи «Человек и мир» он создает новую для науки дисциплину – культурно-философскую антропологию. В центре существования Рубинштейн видит человека в единстве его жизни, развития, деятельности, творчества. Исследователи трудов философа и психолога подчеркивают, что понятие бытия здесь еще больше усложняется, расслаиваясь на существование и сущность, на существование и становление. В этом и надо искать истоки формирования национального характера, равно как и потенциала рефлексивности народа.

Научные концепции С. Рубинштейна многое объясняют в психологии общественного сознания современной России, подчеркивает Владимир Лепский: «В изменяющемся обществе особенно актуален способ существования человека как субъекта жизни – рефлексивный способ» [5]. Все это очень важно, чтобы понять феномен «национальный характер» как философско-психологическое явление и социально-этнический продукт. Исходя из теории рефлексивного управления, нужно понять, что познание национального характера выявляет способы воздействия общества на личность – а также то, что и сама личность в параметрах своей деятельности становится составляющей процесса изменения всех структур общества.

Известный на Западе автор Хоскинг, определяя особенность национальной сути русских, отмечает, что нынешнее тяжелое положение России заставило некоторых говорить о закате этой страны как великой державы. Однако Россия, продолжает он, одна из самых живучих стран в истории, и вряд ли стоит на свой страх и риск игнорировать этот факт или не знать об этом.

Действительно, Россия – не просто географическое пространство. Россия – это ее народ, люди, которые строят на ее огромных просторах свою государственность, продолжают традиции предков, формируют новые поведенческие и духовные лекала. Поэтому нужно иметь в виду, что симбиоз черт и сути национального характера определяет развитие и будущее России в свете рефлексии. Именно он, характер, во многом обозначает задачи общества в стимулировании и поддержке рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни (деятельности). «Загадка» России, а значит, и общественного сознания россиян, механизмы национального характера, значение присущего ей способа рефлексивного управления разрабатываются и изучаются сегодня на межгосударственном уровне. Участники, на-

пример, одного из международных форумов, затрагивающего тему России, заявили, что названный уже выше Хоскинг оказал большую услугу тем, кто хочет лучше понять эту страну и ее народ. Без такого понимания – нравится это кому-либо или нет – не может благополучно развиваться человечество. То же самое, но другими словами, утверждал и Киссинджер – один из опытейших и авторитетных политиков мира, призванный недавно помочь решению ряда затянувшихся межэтнических конфликтов.

Но вернемся к месту религии в формировании русского национального характера, к выдвинутому положению о том, что отношение к вере не соотносится с его пониманием государственности и законов общественного развития. Здесь следует внести некоторые коррективы. Христианство принято во многих славянских странах, и национальные характеры поляка, болгарина или русского, бесспорно, отличаются один от другого. Но в них есть и нечто единое, сформированное общей традицией, а отличия – уже за счет таких составляющих феномен национального характера, как исторические факторы, культура, религия.

Национальный характер – это и дух, и определенность поступков, и поведение, и восприятие окружающей действительности; кроме этого – и наполненные разной содержательностью процессы рефлексивного управления личностью в обществе. Например, глубоко сидящая в натуре японца религиозность способствует его созерцательности, мудрости, отношению к жизни типа: процесс – все, конечная цель – ничто. Воинственность же японцев, отношение их к другим нациям складываются уже не только из религиозных верований, но и из других факторов и особенностей жизни островитян

Философские подходы к русскому характеру в связи с этим недостаточны, надо вникнуть в рефлексивную составляющую этого понятия, конкретизировать переход от общего настроения к частному деянию, от желаемых образов к конкретным жизненным коллизиям. В данном случае в качестве объекта мысли можно выделить то, что называется «загадка власти в России» как отражение особенностей русского характера.

Снова обратимся к классикам философской мысли. Когда-то тоже гонимый в Советской России Николай Бердяев (1874–1948), эмигрировавший в 1922 году в Берлин, а затем в Париж, пытаясь объяснить истоки коммунизма вообще и российского в частности, шел от определения сути национального характера. «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный, Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. И в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи...

Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. ... У русских «природа» – стихийная сила, сильнее, чем у западных людей» [1].

Тот же Петр I, по справедливому замечанию философа, действовал в России совершенно «по-большевистски». Его приемы очень знакомы нашим современникам. Не любя московское благочестие и лицемерие, он был жесток к староверию. Он в прямом смысле каленым железом выжигал на Руси отсталость, дикие традиции, замешанные еще со времен татаро-монгольского ига. Его реформы внедрялись карательными методами, но они были необходимы России. Он радикально изменил тип цивилизации России, усилил государство, прорубил ему «окно в Европу» и т.д. Его власть как образчик западного просвещенного абсолютизма требовалась тогда России. Туда хлынуло не только западное просвещение, но и «западная экономика», конечно, с поправкой на эпоху и ее особенности.

Методы Петра I – созидателя, его стихийная сила, его природа были жестоки, но в представлениях петровской эпохи правомочны. Можно ли оправдать теорию о петровском времени суждениями типа: десятки тысяч жизней были положены во благо российской государственности? В моральном аспекте вряд ли, но эту же теорию проповедовали и в 1917-ом году в ходе Октябрьского переворота, и во время сталинского деспотизма – опять-таки, с поправками на то, что десятки тысяч жертв прошлого умножились и превратились в десятки миллионов.

Принесли ли они пользу России, как когда-то новации Петра? И можно ли внести в «фонд» национального характера утверждение: Цель оправдывает средства? Многие сегодня на основе отдельных фактов истории утверждают, что этот постулат, очень далекий от православия, является составляющей национального характера русских. Но ведь те, кто проповедовал идею «тысячи жизней за процветание России», и русскими-то не были: начиная от царской династии, где всех только с большой натяжкой можно отнести даже к полурусским, и кончая интернациональным присутствием в революции вождей и лидеров.

Необходимо вносить «рефлексивный зазор» между революционными идеями и конкретными представлениями личностей (или лучше групп и общественных объединений) об их воплощении в жизнь. И все это воспринимать, естественно, с поправкой на эпоху, социальные представления и т.д. Робеспьер во время великих французских событий 1793 года был ничуть не менее жесток, чем его российские преемники через сто с лишним лет. Да и само понятие «цель оправдывает средства», трансформированное уже потом в чисто русское: «лес

рубят – щепки летят» – идет от иезуитов, ничего общего не имеющих с русской ментальностью. Тут-то и сработал тот самый фактор, о котором шла речь выше – Бердяевское утверждение, что Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. И оно помогает понять, откуда же взялось утверждение, что жестокость искоренения инакомыслия – чисто русское явление. Здесь некоторые интерпретаторы явно спутали идею власти с идеей национального характера вообще и на эмоционально-психологическом уровне в частности. Рефлексивное управление власти и рефлексивная суть национального характера лежат в разных плоскостях восприятия объективной действительности.

Русская революция оправдывала себя историческими примерами (правда, это было потом и в теоретических трудах). Здесь пускались в ход примеры Французской революции и других феноменов, когда насилие опосредовано ускоряло развитие государства, когда не берутся в расчет пропорции насилия и блага, инструменты действий и их последствия для общества. Главное – достижение цели, поставленной субъектами действия. Владимир Ленин бросил как-то совсем неглупую фразу, которую благополучно забыл не только он, но и те, кто, бия себя в грудь, назывались его последователями: не имея возможности воплотить в жизнь провозглашенные лозунги, отмени их! А вот на деле большевики это делать и не умели.

Русскому национальному характеру присуща «религиозность санкций царской власти в народе, которая была так сильна, что народ жил надеждой, что царь (любая власть – Б.Б.) защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду» [1]. Этот тезис, выдвинутый уже названным философом, еще раз свидетельствует о жажде справедливости и неагрессивности русского народа. Справедливости, а не насилия и жестокости. Возвышенный дух, вера в верховную силу и справедливость – стали и силой, и ахиллесовой пятой русского характера. Отсюда и «наивный аграрный социализм», который был всегда присущ ему. Это точно замечено не только Бердяевым.

Данная наивность – не от ограниченности, а от духовной широты натуры, опять-таки, веры в высшие добро и справедливость, а также специфической рефлексивности народа. Противоречивость его характера, духа, ментальности, традиций исходит не столько от генетической программы, сколько от традиции, заложенной в нем законами исторического развития. «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, так и народ, которому чужда национальная гордость и часто даже – увы! чуждо национальное достоинство.

Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм... потому, что это народ универсального духа, более всех способный и к всечеловечности, и жестокости, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный», – писал Николай Бердяев [2].

Рефлексивность русских часто подводит их. Те, кто хорошо знает национальный характер нации, спокойно могут управлять не только поступками личностей, но и общественным сознанием. Но... и в этом случае ахиллесова пята перевоплощается в защитные доспехи, противоречивый характер в критических условиях выдвигает другие плоскости своей сути. Манипуляция общественным сознанием длится историческое мгновение. Уникальным внутренним слухом национального характера схваченные сигналы опасности мобилизуют все генетически и традиционно заложенное в нем: высокий свободный дух, жизнеспособность, готовность следовать по исторически уготовленному пути, чтобы устранить пагубные последствия манипуляции собой. В истории народа встречаются унижения, но никогда еще не было порабощения духа.

Можно ли такой народ искушать пренебрежением, не считаться с ним или рискнуть управлять, ломая через колено даже во имя благих целей? Риторический вопрос. Это уже поняли многие на Западе. Чего еще не уяснили некоторые аналитики и политики, так это того, что Россия изначально была готова к восприятию западного порядка, понятного ей и спроецированного на нее с учетом исторических корней. Восприимчивая к преобразованиям, она рефлексивно воспринимала и саму атмосферу, их сопровождавшую. Широкая бесшабашность приглушала чувство опасности и казалось, что общество не противится механизмам, вносившим эти обновления в Россию. Кровавые новации Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, разведенные эпохами и различными историческими реалиями страны, они нанесли столько вреда, что польза была часто похоронена под грудями искалеченных тел и судеб, ибо никто из них не умел сочетать природу естественного государственного управленческого насилия, несущего порядок и законность в организации общественной, а значит, и частной жизни, с правом на свободу личности. Существование государств с их законами – уже насилие, но разумное, противодействующее правовому нигилизму и попранию общественных интересов. Такое насилие должно служить, как это ни парадоксально, защите прав гражданина. А вот этого как раз и не было.

Опять «секреты и загадки русских»? Во многом да, но надо помнить: заблуждения, рефлексивность, бесшабашный порыв, – все это затрагивает только верхние слои общественного сознания. Глубинная суть оставалась естественным, исторически предопределенным «наци-

ональным продуктом». Ураган, срывающий верхние ветви деревьев в лесной чаще, бессилён вырвать их корни и уничтожить массивы. Ураган проходит, и здоровое тело дерева репродуцирует свои кроны.

Россию всегда привлекала демократия. И как рок преследовал ее генетически заложенный испуг перед государственным насилием, хотя жесткое узурпаторство русского абсолютизма, а потом деспотизма часто по привычке воспринималось как данность, знакомая и понятная. Но это всего лишь мимикрия сознания – не более того. Поэтому разумное, но малознакомое государственное начало пугало свободный дух национальной вольницы, противоречиво и причудливо заложенной в ядро национального характера. И при этом – противоречие русской природы – народ чтит сильное начало власти.

Какого же насилия боится Россия, кто и что сформировали в ее народе исторический страх этого насилия? Обратимся к «чисто российской» философии «непротивления злу насилием», которая отразилась в учении Льва Толстого. Его и Федора Достоевского сегодня воспринимают на Западе не только как писателей-классиков мирового значения. Толстой признается мыслителем, выразившим, по мнению многих, суть русского характера и философию predeterminedного уклада жизни человечества вне национальных и географических рамок. Герои его литературных произведений стали символами действительно русского характера, но его философия «непротивления злу насилием» принимала уродливые антигосударственные формы. «Право и государство он считает организованным насилием, имеющим целью защитить своекорыстные, мстительные, порочные стремления. Патриотизм, любовь к Родине, по его учению, есть нечто «отвратительное и жалкое». В случае нападения на Родину, нужно отдать врагу все, что он отнимает. Пожалеть его (врага – *Б.Б.*) за то, что ему не хватает своего, и он вынужден отбирать это у других» [1]. Философы Владимир Соловьев, Иван Ильин, Николай Лосский, труды которых популярны сегодня на Западе, видят в этих суждениях противоречия Толстого-писателя Толстому-философу, воспевшему в своем великом романе гордость русского народа, разгромившего Наполеона, добывшего победу, возможную благодаря героическому сопротивлению иноземцам не только армии, но и каждого россиянина.

Трагедия Толстого в расслоении его рефлексии: реалист в искусстве и заблуждающийся мыслитель в жизни. Утверждая необходимость отдавать все врагу в теоретических размышлениях, он создает гениальный апофеоз мужественному и яростному сопротивлению народа пришедшим завоевателям.

Это уже потом придумывались теории, по которым нашествия Наполеона и других иностранных армий, стремление многих государств

подмять под себя Россию на всем её историческом пути развития трактовались как упущенные шансы русских. По логике этих теорий, Франция, завоюя она Россию, принесла бы ей дух западной свободы и путь его развития. Более чем заблуждение! Дух свободы Франции после разгрома наполеоновского нашествия поднял декабристов, а русская ментальность осталась там, где она и должна была быть – в России.

Если вернуться к философии непротивления, то можно обнаружить: утверждая право врага на овладение территорией соседа, Толстой проявляет исконную духовную двойственность русской интеллигенции, которая выражается в суждениях и других величайших классиков. Здесь и начинается драма русского духа, который не всегда полно осмысливается носителем его рефлексивности.

В трудах философа Ильина мировоззрение Толстого умышленно переводится, для наглядности ошибок в суждениях писателя, в плоскость практического действия: «Когда злодей обижает незлодея и разворачивает душу ребенка, то это означает, что так угодно Богу; но когда незлодей захочет помешать в этом злодею, то это Богу не угодно. Но прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося, кто вовремя ударит по руке прицелившегося (на убийство – Б.Б.)... кто собьет с ног поджигателя, ... кто бросится с оружием на толпу, насилующую девочку... Сопротивление злу силою и мечом допустимо не тогда, когда оно возможно, а когда оно необходимо». «Путь силы и меча, – говорит Ильин, – есть в этих случаях путь обязательный и в то же время несправедливый... Только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ею, найти и соблюсти в ней Должную Мэру, помнить о ее направленности и о ее духовной опасности и найти для нее личные и общественные противоядия» [4].

Вряд ли эти философские мысли именно такой фигурой речи формулируются в сознании граждан России. Это удел интеллигенции – сфокусировать идеи в национальную доктрину и в готовом виде отдать ее народу, генетический код которого подготовит их к восприятию. Но тут-то и «собака зарыта», как подмечено в русской поговорке. Идея демократии как системы со своей логикой цивилизованного насилия (иначе не будет государства, общечеловеческого порядка и развития) пока еще чужда российским демократам. Классический пример: «если ты свободен убить меня, то я свободен защищаться; если ты идешь против всех, все тоже имеют право избавить себя от тебя», т.е. право личности, соотносимое с правом общества – никак не укладывается в идею «свободы по-русски» последних десятилетий. Вечное соотношение прав государства и свободы личности в России существует как

риторический вопрос, на который Запад давно уже нашел ответ. Насилие демократии над злом еще не воспринято в российском обществе как должное и даже возможное. Отсюда дикий капитализм и вечное противостояние государственному порядку.

Многие «младодемократы» сделали из природной противоречивости русского характера жупел, помогающий им в достижении своих амбициозных и политических устремлений. Идеологические лозунги таких общественных деятелей и стряпаются на основе знаний этих особенностей русского сознания, часто замешанного на непрочной рефлексивной основе и, естественно, подверженного рефлексивному управлению. Тут-то и ловится на их классический крючок весь электорат, как уже в наши дни называется народ, призываемый избрать себе политического предводителя.

Уинстон Черчилль как-то сказал: нет ничего более отвратительно, чем демократия, но ничего лучшего человечество не придумало. Однако вот это лучшее и не прививается пока в противоречивом российском общественном сознании. Именно в данной плоскости лежит сегодняшняя «тайна» России: извечная мечта народа о крепкой власти, соизмеряемой со справедливостью – но... и с вековым страхом насилия. И соотношение пропорций насилия и добра – как народная мечта, приходят в противоречие с интеллигентским её пониманием и амбициозными притязаниями многих власть предержащих. Демократия и государственность еще не сосуществуют в России в их цивилизованных формах, а на Западе не верят, что в России это смогут совместить, подключив к этому все законы рефлексивности.

Грех сбрасывать со счетов многие естественные различия интересов Востока и Запада, которые традиционно тянутся и в третье тысячелетие. Но эти различия не должны искажать представления о том, что расшатывание российской государственности – трагично не только для России, что ее стремление к целостности в полной мере соответствует интересам Запада. Пришло то время, когда экономические, экологические, геополитические, религиозные интересы мира так тесно связаны, что выпади такое крупное звено, как Россия – вся система обрушится в пропасть.

Особенно это актуально сегодня, когда терроризм стал глобальной угрозой западному миру, к которому во всем объеме своих интересов и традиций относится и Россия. Цивилизации брошен вызов уничтожения, и она, отринув заблуждения философов о непротивлении злу насилием, должна не только дать отпор, но и уничтожить корни и возможности терроризма как глобального земного катаклизма.

Везувий разрушил только Помпею. Но человечество это помнит века. Терроризм стремится разрушить земную цивилизацию. И о ней

некому будет вспоминать. Здесь уже не до философских обоснований, теоретических выкладок, политических фарсов и межгосударственных интриг. Или человечество объединяется против общего врага - или гибнет. И Россия в этой альтернативе – одно из важнейших звеньев. Ее история, ментальность, национальный характер, тяготение к демократии, ее внутренняя мощь вопреки внешней слабости – все это тоже шанс для Запада.

Государство – это не только народ, но и власть, им управляющая. Вне теории она имеет конкретное лицо. Личность, стоящая во главе России, – всегда субъект межгосударственной значимости. Сегодня это – Владимир Путин. Значит, его фигура – объект интереса со стороны мирового сообщества.

Президента великой страны можно оценивать только с точки зрения политического разума и адекватности его деятельности интересам этого сообщества. В этом плане Владимир Путин – удачная фигура власти не только для России, но и для Запада. Его позиция в антитеррористических намерениях цивилизованного мира – политически корректна, но и целостна с интересами Запада.

Намерения Путина, не желающего повторять чужие ошибки, готового в силу своего мировоззрения, сложившегося и в России, и на Западе, соединить воедино понятия «насилие» демократии и свобода личности, вызывает неоднозначную реакцию и в стране, и за рубежом. Некоторые россияне настороженно воспринимают этого нового, не похожего на других Президента; другие просто не верят, что в России он возможен.

«Тайна Путина», может, и заключается в том, что он нащупывает в своей стране это чувство соизмеримости между «злом» насилия демократии и добром свободы личности во имя цивилизованной России и ее прочного места в западном мире. Его внутренняя и внешняя политика может стать единой концепцией, подчиненной торжеству демократии и совместной победе цивилизованного человечества над силами, покусившимися на существование мирового сообщества. Выполни Президент России свое предназначение - и образ власти станет олицетворением национального русского характера: противоречивого, но мощного и созидательного.

Познавая сильные и слабые стороны национального русского характера (а любой национальный характер по сути своей всегда несет в себе величие духа и исторические ошибки прошлого, взлеты судьбы народа и горечь поражений), можно прийти к убеждению, что Россия должна идти рука об руку с Западом, но что этой страной нельзя управлять по заимным извне моделям – тогда ее движение к желанным западным ценностям будет менее болезненным. Россия

должна стать партнером США и других государств не только в борьбе с терроризмом, но и в стремлении усилить поступательную энергию, работающую на развитие мировой экономики во благо всему человечеству.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М. 1990.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. 1994.
3. Бирштейн Борис. Партнерство ради жизни. – Ch.: Universul, 2002. 127 с.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / Путь к очевидности. – М., 1993.
5. Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность субъекта в изменяющемся обществе / Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). – М.: Институт психологии РАН. С. 98-99.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.

РЕФЛЕКСИЯ, МЫШЛЕНИЕ, КВАЗИРЕФЛЕКСИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

© В.М. Розин (Россия)

Институт философии РАН,
заведующий лабораторией,
доктор психологических наук, профессор

Известно, что понятие рефлексии ввел Локк. Хотя это понятие широко использовалось в философии и науке, как специфическое мыслительное образование обсуждаться оно стало не раньше второй половины XX столетия. В тоже время исследователи единодушно пишут о том, что рефлексия появилась уже в античности. Например, в прекрасной статье А.П.Огурцова «Рефлексия» читаем: «Проблема рефлексии впервые была поставлена Сократом, согласно которому предметом знания может быть лишь то, что уже освоено, а так как наиболее подвластна человеку деятельность его собственной души, самопознание есть наиболее важная задача человека» [6, с. 446]. И разве не рефлексиию представляют собой платоновские и аристотелевские описания способов мышления?

Например, в «Федре» Платон описывает два основных способа диалектического размышления: «способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрознено» и способность «разделять все на виды, на естественные составные части» [7, с. 176]. И уж точно рефлексия просматривается в определении Аристотелем разума: «разум мыслит самого себя, раз мы в нем имеем наилучшее, и мысль его есть мышление о мышлении» [1, с. 215]. Можно привести и еще один пример аристотелевской рефлексии. В «Физике» ему нужно разрешить апорию Зенона, утверждавшего, что не существует движения, поскольку любой отрезок, изображающий путь, делится до бесконечности, а в бесконечное время никакой путь не может быть пройден. Вместо того, чтобы обсуждать, что собой представляет движение, Аристотель начинает анализировать, как мыслит Зенон, то есть выходит в рефлексивную позицию. Дальше он показывает, что Зенон,

строая апорию, использует в своем рассуждении разнородные модели (понятия): пути, который изображается геометрическим отрезком и делится до бесконечности, и времени движения, которое измеряется уже не отрезком, а натуральным рядом чисел. Чтобы снять апорию, Аристотель предлагает ввести новое понятие времени, которое бы подобно пути изображалось геометрическим отрезком и делилось до бесконечности; тогда, как он пишет в «Физике», «бесконечность пути проходится бесконечностью времени» [2, с. 107]. Указанные здесь три момента – смена предметной точки зрения на «рефлексивную», анализ понятий, используемых Зеноном, и построение нового понятия времени движения, являются вроде бы типичными характеристиками рефлексивной работы.

Однако заметим, что приведенный анализ аристотелевской работы – это ведь реконструкция, причем сделанная с использованием современного понятия рефлексии. Аристотель не был знаком ни с понятием рефлексии, ни с идеями нового времени о том, что можно перестраивать понятия и развивать мышление. Более того, именно Аристотель в работе «О душе» впервые обсуждает, а по сути конституирует представление о мышлении. Потребовалось не менее двух столетий, чтобы греки стали рассуждать, направляя и контролируя свою мыслительную деятельность с помощью аристотелевских правил и категорий, и поэтому мышление для них стало реальностью. В этом смысле Аристотель не мог рефлексировать мышление Зенона, поскольку такой реальности еще не существовало.

Понимать эти противоречия можно по-разному: или *рефлексия уже была, но почему-то не осознавалась*, или *обнаружение рефлексии до нового времени – незаконная модернизация*, или, говоря о рефлексии, исследователи очень широко ее истолковывают. Например, если под рефлексией понимать просто самопознание или осознание своих действий вне контекста и специальных задач рефлексивного анализа, то да, действительно, тогда рефлексия уже была в античности. Но похоже, что понятие рефлексии – это все же нововременное понятие, предполагающее особые задачи и особый тип объяснения (дискурса). В этом отношении можно согласиться с М.Хайдеггером и М.Фуко, которые стараются показать, что рефлексия представляет собой способ объяснения, связанный с новоевропейской субъективностью и мышлением – способ, нацеленный на развитие сложившихся структур мышления [6, с. 449].

Со своей стороны, я уточнил особенности этого способа объяснения и мышления следующим образом. Рефлексия, во-первых, предполагает выход из сложившегося мышления, предмета, реальности и возможность как бы из другой плоскости представить (описать, схематизировать) материал того, что было в том месте, откуда рефлексии

рующий вышел. Во-вторых, рефлексия – это установка на развитие, изменение, продуктивное мышление и так далее, противостоящие установке на воспроизводство сложившихся способов работы. В-третьих, рефлексия предполагает специфическое объяснение собственной работы и мышления, а именно: в реальности деятельности и развития. Рефлексивное объяснение развития предполагает, с одной стороны, «универсумизацию», то есть задание такого целого, которое совмещает в себе и то, что развивается, и механизм развития, с другой стороны, особую логику естественного и искусственного, когда естественное объясняется через искусственное, и наоборот [8, с. 57].

Если согласиться с таким пониманием рефлексии, то придется признать, что античные представления о самопознании, способах мышления, даже функциях разума – это не рефлексия, а «квазирефлексивные структуры». Чтобы понять, что они собой представляют, оставим на время понятие рефлексии и обратимся к реконструкциям античной культуры и мышления. В данном случае речь идет об исследованиях мышления, выполненных в рамках Московского методологического кружка (ММК).

Прежде всего, важно понимание ситуации, в которой мышление складывается. Еще в конце 60-х годов Г.П.Щедровицкий высказал гипотезу, что мышление складывается при нормировании процессов мысли. Мои исследования позволили не только подтвердить ее, но и раскрыть пути и механизм формирования мышления. Предпосылками мышления выступают: *изобретение* на рубеже VII-VI в. до н. э. *рассуждений, формирование античной личности, разрешение проблем, возникших в связи с произвольным построением рассуждений*.

До античной культуры знания создавались не в рассуждениях и обязательно проверялись в практике хозяйственной и социальной жизни. Например, утверждения, что «у такого-то человека – душа» или «это поле – прямое (имеет форму прямоугольника)», были получены: первое – в рамках анимистической картины мира (то есть представления, что в теле человека живет неумирающая душа), второе – в рамках общественной практики земледелия, кстати, тоже опирающейся на мифологическую и религиозную практику. Получая первое знание, древний человек не рассуждал подобно современному: «так как все люди имеют души, то и этот конкретный имярек имеет душу». В данном случае он опирался на «коллективную схему» души.

Знание «у этого человека душа» представляет собой описание данного человека с помощью указанной схемы, эквивалентное утверждению, что «душа еще не покинула этого человека». Соответственно, источником общих мифологических или религиозных представлений считался не человек, а духи или боги. Они и сообщали эти представле-

ния избранным людям (шаманам или жрецам). Абсолютно все знания должны были пройти испытание практикой социальной жизни, в противном случае они просто не закреплялись в культуре. Если говорить здесь о познании, то оно представляло собой *освоение действительности* (то есть природных и социальных явлений и самого человека) *в рамках сложившихся картин мира, задаваемых коллективными схемами и мифами*; отметим также, что познание практически не осознавалось.

При этом знания наряду с другими «институциями» (картиной мира, властью, хозяйством, воспитанием, обществом) задавали и обеспечивали организацию общественной жизни, и в этом отношении знанию можно приписать характеристику «прагматической адекватности» действительности. Но заметим, что сама действительность конституировалась на основе перечисленных институций и знаний (назовем такую действительность «социальной реальностью»). Иначе понимался в древнем мире и человек: он был достаточно основательно интегрирован в социальной системе, в принципе, никакой самостоятельности от него не требовалось, да и она не допускалась. В античной культуре, где, как известно, мифологические и религиозные начала ослабевают, а государство имеет ограниченное влияние, впервые складывается *самостоятельное поведение человека* и, как следствие, первая в истории человечества личность.

Вспомним, поведение Сократа на суде. С одной стороны, он идет на суд и соглашается с решением общества, назначившим ему смерть. С другой – Сократ предпочитает оставаться при своем мнении. Он твердо убежден, что его осудили неправильно, что «смерть – благо» и «с хорошим человеком ничего плохого не может быть ни здесь, ни там, и что боги его не оставят и после смерти». Сократ как личность, хотя и не разрывает с обществом, тем не менее идет своим путем. И, что существенно, не только Сократ признает мнение суда, то есть общественное мнение, но и афинское общество выслушивает достаточно неприятные для него речи Сократа и даже, как нам известно, через некоторое время начинает разделять его убеждения. Отчасти Сократ уже осознает свое новое положение в мире. Например, он говорит на суде: ведь «Сократ не простой человек», а также: «где человек себя поставил, там и должен стоять, не смотря ни на что другое и даже на смерть».

В теоретическом плане здесь можно говорить о формировании *самостоятельного поведения*, которое невозможно без создания «приватных схем» (например, представлений, что Сократ не простой человек, что он сам ставит себя на определенное место в жизни и стоит там намертво). Приватные схемы выполняли двоякую роль: с одной стороны, обеспечивали (организовывали) самостоятельное поведение, с другой – задавали новое видение действительности, включавшее в себя два

важных элемента – индивидуальный взгляд на мир и особое самосознание (ощущение себя личностью). Назовем такую действительность **«персональной реальностью»**. Кстати, заметим, что формула «Познай самого себя!» – это не схема рефлексии, а требование к индивиду – перейти к самостоятельному поведению, выстроив соответствующие персональные представления о мире и себе.

Каким же образом античная личность взаимодействуют с другими, если учесть, что каждый индивид видит все по-своему? Например, средний гражданин афинского общества думает, что жить надо ради славы и богатства, а Сократ на суде убеждает своих сограждан, что жить нужно ради истины и добродетели. Этот средний афинянин больше всего боится смерти, а Сократ доказывает, что смерть – скорее всего благо. Мы видим, что основной «инструмент» Сократа – рассуждение и построение схем; с их помощью Сократ *приводит в движение представления своих оппонентов и слушателей, заставляя меняться их видение и понимание происходящего, мира и себя*. Одновременно с помощью рассуждений и схем Сократ реализует свои убеждения и представления. Структура рассуждений содержит такое важное звено как схему типа «А есть В» («Все есть вода», «люди – смертны», «боги – бессмертны», «кровь есть жидкость» и т. п.), позволяющую переходить от одних представлений к другим (от А к В, от В к С, от С к Д и т. д.).

Собственно рассуждения появляются тогда, когда человек, во-первых, *научается строить новые схемы типа «А есть В» на основе других схем типа «А есть В» с общими членами, пропуская эти общие члены* (например, на основе схемы «А есть В» и «В есть С» создавать схему «А есть С»; Сократ – человек, люди – смертны, следовательно, Сократ – смертен»), во-вторых, *истолковывает эти схемы как знания о мире, то есть о том, что существует*. Именно рассуждение позволяло приводить в движение представления другой личности, направляя их в сторону рассуждающего. Так, Сократ сначала склоняет своих слушателей принять нужные ему знания типа «А есть В» (например, то, что смерть есть или сладкий сон или общение с блаженными мудрецами), а затем, рассуждая, приводит слушателей к представлениям о смерти как блага.

Другими словами, рассуждения – это инструмент и способ согласования поведения индивидов при условии, что они стали личностями и поэтому видят и понимают все по-своему. Параллельно рассуждения вводят в оборот и определенные схемы и знания (утверждения о действительности), которые по своей социальной роли должны обладать свойством прагматической адекватности (истинности). То есть рассуждения должны выполнять три функции: *давать знания, адекватно отображающие действительность («социальную реальность»)*, *обеспечивать реализацию личности как в отношении ее самой («персональная реальность»)*, так в

отношении других и социума (еще один аспект социальной реальности, который мы сегодня относим к *коммуникации*).

Но рассуждать можно было по-разному (различно понимать исходные и общие члены рассуждения, по-разному их связывать между собой), к тому же каждый «тянул одеяло на себя», то есть старался сдвинуть представления других членов общества в направлении собственного видения действительности. В результате, вместо согласованного видения и поведения – множество разных представлений о действительности, а также парадоксы.

Из истории античной философии мы знаем, что возникшее затруднение, грозившее парализовать всю общественную жизнедеятельность греческого полиса, удалось преодолеть, согласившись с рядом идей, высказанных Сократом, Платоном и Аристотелем. Эти мыслители предложили, во-первых, *подчинить рассуждения законам (правилам)*, которые бы сделали невозможными противоречия и другие затруднения в мысли (например, рассуждения по кругу, перенос знаний из одних областей в другие и др.), во-вторых, *установить с помощью этих же правил контроль за процедурой построения мысли*.

Дополнительно решались еще две задачи: правила мышления должны были способствовать получению в рассуждениях только таких знаний, которые *можно было бы согласовать с обычными знаниями* (то есть вводился критерий опосредованной социальной проверки), и, кроме того, они должны были быть *понятными и приемлемыми* для остальных членов античного общества. Другими словами, хотя Платон и Аристотель настаивали на приоритете общественной точки зрения (недаром Платон неоднократно подчеркивал, что жить надо в соответствии с волей богов, а Аристотель в «Метафизике» писал: «Нехорошо многовластие, один да властитель будет»), они одновременно защищали свободу античной личности. Конкретно, последнее требование приводило к формированию процедур разъяснения своих взглядов и обоснования предложенных построений.

Уже применение к реальным предметам простых арифметических правил (операций) требует специального представления эмпирического материала. Для этого, подсчитав предметы, нужно получить числа; в свою очередь, чтобы подсчитать предметы, необходимо хотя бы мысленно их сгруппировать, затем поочередно выделять отдельные предметы, устанавливая их соответствие определенным числам. «Количество» и есть такое специальное представление действительности, выступающее для античного мыслителя как «сущность счета».

Такие же «сущности», задающие для мыслящей личности саму реальность, необходимо было построить для применения введенных Аристотелем правил мышления (они, как известно, в основном

сформулированы в «Аналитиках»). Например, применение правила совершенного силлогизма к конкретному предмету, скажем, Сократу («Сократ человек, люди смертны, следовательно, Сократ смертен») предполагает возможность рассмотреть Сократа и людей как сущности, находящихся в определенном отношении (Сократ как *вид* является элементом *рода* людей, принадлежит ему, но не наоборот). В данном случае Сократ и люди задаются категориями вид и род.

Схематизируя подобные отношения, обеспечивающие применение созданных правил, Аристотель в «Категориях», «Метафизике» и ряде других своих работ вводит категории: «род», «вид», «начало», «причина», «материя», «форма», «изменение», «способность» и другие. С их помощью предметный материал представлялся таким образом, что по отношению к нему, точнее объектам, заданным на основе категорий, можно было уже рассуждать по правилам. *Схемы и описания изучаемых явлений, созданные с помощью категорий и одновременно фиксирующие основные свойства рассматриваемого предмета, причем такие, использование которых в рассуждении не приводило к противоречиям, получили название понятий.* Например, в работе «О душе» Аристотель, анализируя существующие рассуждения о душе человека и ее состояниях, с помощью категорий создает ряд понятий – собственно души, ощущения, восприятия, мышления (последнее, например, определялась как «форма форм» и способность к логическим умозаключениям). Важно, что именно категории и понятия задавали в мышлении подлинную реальность, причем эта реальность оказывалась идеальной и конструктивной.

Впрочем, уже Платон отчасти понимал, что размышления предполагают перевоссоздание действительности. В «Пире» знания о любви он собирает и связывает не так, как они были связаны до этого в мифологии и практике, относя их к идее любви. Например, в «Федре», описывая способы диалектического размышления, Платон говорит: «Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе... Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части» [7, с. 176]. В данном случае *единая идея любви – это любовь как идеальный объект, любовь, сконструированная Платоном.* Такая любовь позволяет не только рассуждать без противоречий, но и любить по-новому (в плане реализации античной личности), позволяет она, уже как эзотерическая концепция, осуществлять себя в любви и самому Платону.

Хотя Аристотель собирает и связывает знания иначе, чем Платон, используя для этого правила, категории и понятия, в целом он продолжает намеченную Платоном линию на перевоссоздание действительности. То, что Аристотель называет наукой – это и новый способ получения знаний о действительности и задание новой реальности. В работе «О душе», например, душа – это идеальный объект, сконструированный Аристотелем, он позволяет рассуждать без противоречий, блокировать мифологическое понимание души, реализовать новое понимание человека, обосновать при рассуждении использование правил и категорий.

Создание правил мышления, категорий и понятий, позволяющих рассуждать без противоречий и других затруднений, получать знания, которые можно согласовывать с обычными знаниями, обеспечивая тем самым социальный контроль, а также понимать и принимать все предложенные построения (правила, категории и понятия), венчает длительную работу по созданию мышления. С одной стороны, конечно, мыслит личность, выражая себя в форме и с помощью рассуждений (размышлений). С другой – мышление, безусловно, представляет собой общественный феномен, поскольку основывается на законах социальной коммуникации, включая в себя стабильную систему правил, категорий и понятий.

Теперь я могу пояснить, что собой представляли квазирефлексивные образования. С одной стороны, эти были нормы мышления, с другой – конструкции, создаваемые с целью обоснования введенных норм. Почему же они сегодня выглядят как рефлексивные построения? Дело в том, что античная норма, которая закрепляет определенный не приводящий к противоречиям и отвечающий опыту способ мышления, воспринималась как описание существующего бытия. И одновременно, именно как норма. Например, в «Топике» Аристотель трактует созданные им правила мышления как «средства» и «способ», на основе которых строятся непротиворечивые рассуждения и умозаключения; в «Аналитиках» и «Об истолковании» он говорит, что это учение и исследование. Современный исследователь, отождествляющий античное мышление с современным, совмещает эти две разные трактовки в понятии рефлексии.

Другая проблема, как я показываю, возникала при замыкании (обосновании) античных философских систем: здесь нужно было продемонстрировать, что построенные нормы исходят не от человека (в этом случае каждый мог бы предлагать свои нормы), а от трансцендентального, общезначимого источника, которым в то время мог выступать только бог. Вот Аристотель и задает в «Метафизике» такого бога, который оправдывает его нормотворческую деятельность. Но, опять же,

одновременно этот бог понимается как бытие. Как же совместить обе эти трактовки? Разрешая эту проблему, Аристотель изобретает схему божества, который есть «единое, деятельность и мышление о мышлении». Внешне эта схема похожа на схему рефлексии. Однако, заметим, у Аристотеля мыслит не субъект, а разум. Разум же это не человек, и его мышление, по Аристотелю, есть просто «совпадение знания и предмета знания». Аристотелевское «мышление о мышлении» должно объяснить не развитие знания и мышления, как в новое время, а оправдать принятие построенных Аристотелем норм мышления.

В статье «Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече» [10]) охарактеризованную в работах Аристотеля конструкцию античного мышления я назвал «семиотической машиной», имея в виду, что с этого периода рассуждения и другие способы получения знаний строились в рамках институций, подобных аристотелевскому органону. Я утверждал, что периодически в развитии мысли и способах построения знания возникают ситуации, требующие «остановки мысли», создания «машин мышления» (одна из последних принадлежит Канту). Как правило, это ситуации, в которых возникают противоречия и другие заторы в мышлении, например, когда складываются принципиально новые способы построения знаний, критикуются как неэффективные старые способы и т. п.; создание машин мышления необходимо и для массового распространения в культуре новых способов получения знаний [11]. Одно из важных следствий их построения – перевоссоздание существующей действительности; самим мыслителем эта работа понимается как адекватное познание (открытие) существующего мира, в современной методологической реконструкции – это конституирование на основе схем новой реальности.

Но помимо машин мышления вводилось представление о «мышлении-встречи», «мышлении-событии». Мышление как событие и как встреча – *это определенная форма жизни личности, осуществляемая с помощью рассуждений и размышлений, создающая условия для встречи данной личности с другими*. Одновременно это может быть и *форма социальной жизни, реализуемая через творчество личности и размышления* [11]. Например, реализуя себя в мышлении, Сократ и Галилей порождают персональную реальность, которая, однако, дальше воспринимается обществом как точка роста социальной реальности. В ситуациях становления новой культуры и новой действительности мышление и жизнь личности совпадают, через них осуществляется и само становление.

Если машина мышления строится именно так, чтобы достичь возможности мыслить, в некотором смысле не думая, то мышление как встреча и событие – это всегда **уникальное негарантированное**

действие; состоится оно или нет зависит не от законов мышления, а от того, как «здесь и сейчас» сойдутся различные элементы и обстоятельства. Тем не менее, после того как мышление состоялось, событие случилось (почему как раз здесь и на этом человеке - это всегда тайна), можно отрефлексировать и структуру мысли, попытаться понять, что ее обусловило и предопределило. Понятно, что полученные при этом знания могут быть использованы при осуществлении новых действий и разворачивании порывов мысли, но в качестве чего? Не законов мышления, а всего лишь для сценирования и конституирования новой мысли, понимая, что помимо этих «знаний о состоявшемся мышлении» действуют и другие не менее существенные и обычно слабо осознаваемые факторы.

Анализ показывает, что смена типов культуры (например, переход от античности к средним векам и далее к Возрождению, а затем и к новому времени), а внутри них решение новых социальных проектов обуславливает не только перемену машин мышления, но и формирование ситуаций мышления-встречи, мышления-события. Например, в средние века задачи мышления кардинально изменились. Главным теперь становится не познание областей бытия и упорядочение рассуждений, что было характерно для античности, а критика на основе христианских представлений античных способов объяснения и понимания мира и человека, а также уяснение и объяснение новой реальности, зафиксированной в текстах Священного писания. Обе эти задачи можно было решить только на основе мышления, поскольку формирующийся средневековый человек перенимает от античности привычку рассуждать и мыслить, а также потому, что новая реальность хотя и выглядела привлекательной и желанной, но была достаточно непонятной. Что собой представлял Бог, как он мог из ничего создать мир и человека, почему он одновременно Святой Дух, Отец, и Сын, как Бог воплотился в человека Христа, что собой Христос являл Бога, человека или их симбиоз, как понимать, что Христос воскрес? Эти и другие сходные проблемы требовали своего разрешения именно в сфере мысли.

Как показывает С.С. Неретина, на средневековое мышление существенно влияли два фактора: сервиллистская роль мышления по отношению к христианской религии (задачам спасения) и необходимость удовлетворить «логике» отношений «сакральное - мирское». Действие первого фактора приводит к этической нагруженности средневекового мышления, а второго – к присущей средневековым понятиям «двуосмысленности» [5]. Когда, например, Иустин (II век) пишет, что «Бог не есть имя, но мысль, всаженная в человеческую природу, о чем-то неизъяснимом», то здесь «мысль» понимается двояко: как относящая-

ся к Богу и к человеку; в первом своем значении понятие «мысль» указывает на трансцендентальную сущность, во втором – на содержание обычного человеческого мышления. Средневековое мышление основывается на двух типах схем: заимствованных из Священного писания и переосмысленных на их основе схемах античного мышления.

Соответственно, двусмысленны также средневековые категории и онтология. Чтобы создать новую машину мышления и вообще осуществлять индивидуальную и социальную жизнь, средневековые мыслители, начиная от отцов церкви и философов, размышляют подобно Августину, Бозецию, Абеляру, создавали мыслительное пространство и поле, в котором только и может разворачиваться средневековая жизнь (неверующие приходят к Богу, начинают действовать в соответствии с требованиями христианства, готовятся к Страшному суду и встрече с Творцом и прочее).

Переход к средним векам знаменует собой также переструктурирование коммуникаций и самостоятельного поведения: человек ориентируется теперь не только и не столько на себя, но – не меньше – на другого человека, бескорыстную помощь (любовь к ближнему), а также на целое (общину, государство, Град Божий). Этическая нагруженность (например, та же идея христианской любви) и двусмысленность средневековой мысли как раз и обеспечивают этот новый тип коммуникации и личности. Аналогично и в последующих культурах: меняются личность, коммуникация, мышление.

Посмотрим теперь, как замышляется подход, который сегодня, можно истолковать в качестве *предпосылки нововременного мышления, методологии и рефлексии*. В «Великом восстановлении наук» Френсис Бэкон утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само мышление предварительно должно быть подвергнуто сомнению и «новому суду» [3, с. 76, 293]. Но каким образом мышление может направлять мысль, на что оно само при этом опирается – ведь Бог уже не участвовал непосредственно в социальной «игре», не определял поведение человека? Дело в том, что мышление (ум, разум) в это время аналогично природе начинает пониматься двояко: в естественном и искусственном залогах, то есть и просто как природная способность человека и как способность, так сказать, искусственная, иначе говоря, окультуренная, «стесненная» искусством. «С XVII в., – пишет Косарева, – начинается эпоха увлечения всем искусственным. Если живая природа ассоциировалась с аффектами, отраслями, собственными «поврежденной» человеческой природе, хаотическими влечениями, разделяющими сознание, мешающими его «центростремительным» усилиям, то искусственные, механические устройства, артефакты ассоциировались с систематически-разумным устройством

жизни, полным контролем над собой и окружающим миром. Образ механизма начинает приобретать в культуре черты сакральности; напротив, непосредственно данный, естественный порядок вещей, живая природа, полная таинственных скрытых качеств, десакрализуется» [4, с. 30].

Именно такое окультуренное («законно приниженное») мышление вводится Бэконом и рассматривается как руководящее начало на том пути, который должен вывести человека из хаоса и помочь овладеть природой. Обратим внимание на два момента. Во-первых, начиная с эпохи Возрождения, когда элиминируется непосредственное участие Творца в управлении мышлением человека, возникает сложнейшая проблема понять, как, **«стоя в мышлении, не выходя из него, управлять мышлением?»** Во-вторых, законное принижение человеческого духа, Бэкон, вероятно, понимает именно в ключе управления, как иначе можно понимать употребляемые им термины «направить», «обезопасить» мышление, «принижение» мышления?

Но окультуренное, законно приниженное, «стесненное искусством» мышление Бэкон понимает еще и одним образом: оно подчинено новой логике, ориентированной на создание инженерии, и очищено критикой, позволяющей усвоить новые представления. Последнее требование – естественное условие развития мышления: чтобы мыслить по-новому, необходимо преодолеть традиционное сложившееся мышление и представления. Новая логика вкупе с критикой традиционного разума и есть, по Бэкону, то искусство, которое превращает «предоставленный сам себе разум» в разум (мышление), которым человек может руководствоваться. Более того, задача построения «науки о мышлении», которую сформулировал Бэкон в своих трудах, показывает: *формирующий инженерный подход распространяется им на само мышление*. Вероятно, Бэкон считает, что мышление, как и все остальное, – это одно из природных явлений, а следовательно, законы мышления можно описать в новой науке. В этом случае на основе выявленных законов можно будет строить и эффективные методы.

В своей программе Ф.Бэкон фактически формулирует две разные задачи: создать «науку о мышлении», позволяющую описывать методы, и, используя эти методы, построить новые науки. Если вторую задачу начинает решать сам Бэкон, а потом ее, но иначе, продолжает Декарт и за ними многие другие философы и ученые, то первая задача вплоть до XX столетия, так и не была в философии решена. В начале 60-х годов Г.П. Щедровицкий, критикуя традиционную логику и противопоставляя ей содержательную логику как программу исследования мышления, пишет: «Естественным и вполне закономерным итогом разработки логики в этом направлении явилась формула: логика исследует

не мышление, а правила формального выведения, логика - не наука о мышлении, а синтаксис (и семантика) языка... Одной из важнейших особенностей содержательной логики является то, что она выступает как эмпирическая наука, направленная на исследование мышления как составной части человеческой деятельности» [13]. Но еще раньше в работе «Языковое мышление и его анализ» (1957) Г.П. Щедровицкий обсуждает методы исследования мышления.

Однако можно заметить: чтобы приступить к исследованию мышления, последнее, во-первых, должно рассматриваться как противопоставленное познающему субъекту, как объект изучения, во-вторых, должны были сформироваться методы научного исследования мышления; последние же стали обсуждаться и разрабатываться только во второй половине прошлого столетия. Кроме того, вероятно, исследование – задача не философа, а ученого.

Перечисленные здесь идеи *имманентного мышления, содержащего инстанцию управления мышлением, создания науки о мышлении, описания методов, критики, построения на основе закономерностей мышления методов и новых наук* можно считать предпосылками не только методологии, но и рефлексии. Именно в контексте этих идей формируется схема рефлексии, ориентированная **на объяснение способов построения новых знаний** – задача, которую с самого начала формулирует Ф.Бэкон. При этом как раз и было использовано представление о субъективности в новоевропейском понимании. Субъект – это тот, кто, с одной стороны, действует, приобретая новый опыт, с другой – кто периодически осмысляет свои действия и опыт, превращая их в новые знания и значения. При этом и первое и второе включаются в субъект – в одном случае как бытие, в другом как репрезентация и сущее. Как писал Хайдеггер по поводу традиционной метафизики, отождествлявшей бытие с сущим, рефлексия с репрезентацией (представлением): «Субъектность, предмет и рефлексия взаимосвязаны... По своей сути *repraesentatio* опирается на *reflexio*» [12, с. 184].

Однако, даже Кант, не говоря уже о Бэконе и Декарте, все же понимает мышление как **реальность существующую, а не создаваемую**. Потребовалась революция мысли, произведенная К.Марксом, чтобы выйти на другое понимание сначала бытия, а затем, но значительно позднее, и мышления. Маркс утверждает, что мир – это продукт культурно-исторического процесса и общественной практики людей, что главная задача – не объяснить мир, а его переделать. За этими тезисами Маркса стоит и новая революционная практика, и новые социально-инженерные (технологические) способы мышления. Рассмотрим на примере истории ММК один из вариантов формирования концепции методологии и рефлексии.

Первоначально речь здесь идет не о методологии, а о «содержательно-генетической логике». Однако, идеи критики существующего мышления, построения науки о мышлении, исследования мышления как деятельности уже сформулированы, не менее четко артикулирована и установка на перестройку мышления в различных дисциплинах и науках в рамках социально-инженерного подхода. Необходимо отметить: представители содержательно-генетической логики понимали деятельность частично психологически, но больше по Марксу – как развивающуюся общественную практику. Свою же роль в науке они истолковывали сходно с позицией, идущей от Аристотеля через Ф.Бэкона и Декарта вплоть до Канта, а именно как *нормирующую деятельность мышления*. За этим стояли представления о единой реальности и единой системе норм, которые строятся на основе законов мышления.

Если Аристотель и Кант, с целью оправдать эти претензии, апеллировали к тому, что через них действует сам Разум (Бог), то представители ММК были просто абсолютно уверены, что они подобно Марксу – носители самого современного мышления (ведь и начинали они свою деятельность – вспомним кандидатскую диссертацию А.А.Зиновьева – с анализа мышления Маркса). Наконец, эта позиция подкреплялась и усиливалась ориентацией на естественную науку (в связи с чем, возможно под влиянием ранних методологических работ Л.С.Выготского, формулировалась программа построения логики как точной эмпирической науки); известно, что естественнонаучный подход предполагает принятие единой реальности (идея природы) и описывающих ее законов, на основе которых создается инженерная практика.

На втором этапе развития ММК задача построения науки о мышлении отставляется в сторону и ставится новая – построения теории деятельности. При этом казалось, что поскольку мышление – это один из видов деятельности, то, создание такой теории автоматически позволит описать и законы мышления. Правда, оказалось, как пишет Г.П.Щедровицкий в 1987 г., «что анализ деятельности ведет в совсем в другом направлении и сам может рассматриваться как ортогональный к анализу мышления и знаний» [14, с. 282]. В середине же 60-х это еще не выяснилось, напротив, Г.П.Щедровицкий считает, что единственной реальностью является деятельность, которую можно не только исследовать, но и организовывать и строить. Почему в качестве реальности берется деятельность? С одной стороны, потому, что представители ММК считали мышление видом деятельности, с другой – потому, что они в жизни по отношению к себе и другим специалистам отстаивали активную марксистскую и одновременно нормативную позицию.

Вот здесь и манифестируется методология как **программа переустройства и исследования деятельности** (включая мышление как частный случай деятельности), **стоя в самой деятельности**. Как же это возможно? Г.Щедровицкий отвечает: опираясь на понятие рефлексии, системный подход и собственно методологическую работу по организации новых форм и видов деятельности. Если рефлексия позволяет понять, как деятельность меняется и развивается («Рефлексия – один из самых интересных, сложных и в какой-то степени мистический процесс в деятельности; одновременно рефлексия является важнейшим элементом в механизмах развития деятельности» [15, с. 271]), то системный подход – необходимое условие организации деятельности; «*категории системы и полиструктуры* определяют методы изучения как деятельности вообще, так и любых конкретных видов деятельности» [15, с. 242].

Можно показать, что понятия рефлексии, появившиеся примерно в этот же период в других дисциплинах, тоже предполагают идеи развития деятельности и имманентную трактовку мышления и деятельности. Но, как правильно отмечает А.Огурцов, к началу 80-х гг. произошла зафиксированная многими философами «девальвация рефлексии» [6, с. 449]. Спрашивается, почему? В частности потому, что к этому времени во многих направлениях философии преодолевается имманентная трактовка мышления. Например, Г.П. Щедровицкий, четко противопоставивший «натуралистический» и «деятельностный» подходы, распространил последний на само мышление, а также деятельность: они тоже являются объектами и поэтому должны быть распределены. Эта интенция подкреплялась и результатами социокультурных и псевдогететических исследований мышления и деятельности, которые велись, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия. В результате в самой методологии намечается подход, по сути, отрицающий возможность конституировать мышление, стоя в самом мышлении (конституировать деятельность, стоя в деятельности). Методологи утверждают: мышление и деятельность обусловлены культурой, социальной коммуникацией, творчеством самих мыслителей (сравни с концепцией Канта), требованиями современности (отсюда значение проблематизации).

На третьем этапе (80-е – начало 90-х годов) развития ММК Г.П.Щедровицкий признает, что деятельность – это, оказывается, еще не вся реальность – важную роль в формировании последней играют, например, процессы коммуникации; что мышление так и не было проанализировано; наконец, что методолог не может сам подобно демиургу создавать новые виды деятельности, поэтому требуется разворачивать организационно-деятельностные игры, которые представляют собой «средство деструктурирования предметных форм и способ выращи-

ния новых форм организации коллективной мыследеятельности» [14, с. 297-298].

Более того, можно утверждать, что именно возникающие коммуникации во многом определяют и структуру мышления. Действительно, в новое время потребовалась естественнонаучная и инженерная мысль, чтобы передать власть новоевропейской личности, основывающей свои действия и жизнь на вере в законы первой природы. Потребовалась гуманитарная мысль, чтобы дать слово личности, по Бахтину («Рядом с самосознанием героя, вобравшем в себя весь предметный мир, в той же плоскости может быть лишь другое сознание»); социально-психологическая мысль, чтобы создать условия для личности и коммуникации, по Шегурани, основанных на идее согласованного поведения и ожиданиях (когда все основные структуры личности – «Я-Образы», ценности, мотивация и прочее формируются в ответ на требования и ожидания Других); постмодернистская мысль и деконструкция, чтобы возвести вокруг личности стену до небес, а также блокировать претензии других на власть. Сегодня формируются новая коммуникация и личность: помимо задач приведения другого к себе и самовыражения, все более настоятельны требования приведения себя к другому (встречи-события), а также ориентация самостоятельного поведения человека на *других*, сохранение *природы*, культурного разнообразия, безопасное развитие *человечества*.

Существенно меняется структура мысли и условия для мысли-встречи и мысли-события, когда в контексте становления культур формулируются и начинают осуществляться новые «социальные проекты». Одним из первых можно считать задачу Аристотеля и его школы: нормировать рассуждения и доказательства и затем заново, опираясь на построенные нормы, получить знания об отдельных областях бытия. Второй проект – перестройка античного органа и мировоззрения на основе текстов Священного писания. Третий, относящийся к XVI-XVII вв., не менее грандиозный – овладение силами природы, создание новых наук о природе и новой практики (инженерной). Четвертый, складывающийся уже в настоящее время – *перевод цивилизации на путь контролируемого и безопасного развития*. Сакраментальный вопрос: удастся ли этот проект реализовать без прохождения «точки Конца Света»?

Распад существующей культуры или становление новой создают широкое поле для мышления-встречи, мышления-события. Как правило, в этот период необходима критика традиционных способов мышления и представлений, формирование новых подходов. Например, современные исследования все больше подводят нас к пониманию, что картина в которой человек и мир разделены, неверна. Сегодня мир – это созданные нами технологии, сети, города, искусственная среда,

которые в свою очередь создают нас самих. Говоря о работе человека над собой, я имею в виду одновременно и работу, направленную на изменение нашей деятельности и жизни, что невозможно без изменения культуры и социума как таковых.

Другая современная ситуация, требующая критической рефлексии – неразличение персональной и социальной реальности, а также знаний в функции продуктов и средств мышления и как задающих реальность. Гипертрофированное и эгоцентрическое развитие современной личности и ее понимание реальности, как существующей безотносительно к культуре, деятельности и познанию, обуславливают толкование персональной реальности в качестве социальной. Далее, поскольку персональных реальностей столько, сколько и мыслящих личностей, социальную реальность приходится редуцировать к языковым играм и локальным (персональным) дискурсам.

«Размыкание мышления», то есть отказ от имманентной его трактовки, естественно, повлек за собой и кризис рефлексии, девальвацию этого понятия, о чем точно пишет А.Огурцов. «Метафизика субъективности, рассматривавшая рефлексии как мышление о мышлении, противопоставляется в современной философии онтологической интерпретации актов понимания, неотторжимых от той действительности, с которой они сопряжены и которую они выражают. Мышление трактуется как мышление-в-потоке жизни, а дистанцирование, с которым связан акцент на рефлексивной трактовке мышления, рассматривается как ограниченное и требующее деконструкции» [6, с. 446]. Нетрудно заметить, что представление о «мышлении-в-потоке жизни» вполне отвечает нашей концепции «мышления-встречи», «мышления-события», а идея деконструкции рефлексии – идее «контекстной рефлексии» и требованию «распредмечивания рефлексии» как необходимого этапа рефлексивного мышления [8; 9].

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – М.-Л., 1934
2. Аристотель. Физика. – М., 1936
3. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М. 1971.
4. Косырева Л.М. Методологические проблемы исследования развития науки: Галилей и становление экспериментального естествознания // Методологические принципы современных исследований развития науки, Р.С. – М., 1989.
5. Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995.
6. Огурцов А.П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 3. – М., 2001.
7. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993.

8. *Розин В.М.* О необходимости различения понятий «схема рефлексии», «рефлексивная работа», «контекст рефлексии» // Рефлексивные процессы и управление. 2001, № 1.
9. *Розин В.М.* Понятие рефлексии в философии и современной методологии // Рефлексивной управление. Институт психологии РАН. М., 2000.
10. *Розин В.М.* Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. – М., 2001. № 5.
11. *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. – М., 2000.
12. *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М., 1993.
13. *Щедровицкий Г.П.* О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., 1995.
14. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системо-структурное строение, смысл и содержание // Там же.
15. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Там же.

ВИРТУАЛ И РЕФЛЕКСИЯ *

© Н.А. Носов (Россия)

Институт человека РАН
Доктор психологических наук

В исследованиях рефлексии предполагается, что человек, осуществляющий акт рефлексии, может его осуществить, т.е. рефлексия рассматривается безотносительно к рефлексирующему человеку – хотя очевидно: если человек находится, например, в крайне изможденном состоянии, он по чисто физическим причинам не может рефлексировать. Существуют и другие условия осуществимости рефлексии. Рассмотрим один из них – механизм виртуального блокирования рефлексии.

Из психологии давно известно, что подчас в совершенно нормальных условиях человек, находящийся в нормальном физическом и психическом состоянии, не совершает акт рефлексии, даже несмотря на то, что рефлексивная бесконтрольность приводит к его гибели. Например, в психоанализе считается, что у человека иногда срабатывает инстинкт смерти и человек совершает смертельное поведение, хотя сознательно совершать действия, приводящие к смерти, он не собирался. Таким образом объясняются в психоанализе ошибки человека-оператора – шофер автомобиля или летчик совершает действие, приводящее к катастрофе вследствие действия инстинкта смерти.

Подобного рода объяснение вполне было бы приемлемым, если бы человек не обладал рефлексией. Допустим, в соответствии с положениями психоанализа, бессознательный инстинкт проявляется и блокирует сознание. Но у человека остается способность рефлексии – наблюдение

---

* Статья поступила в редакцию, когда Николай Александрович Носов был жив. Редакция сочла целесообразным убрать ссылки на конкретные протоколы и заменила конкретные фамилии на вымышленные. На наш взгляд, это не должно повлиять на смысловое содержание статьи. Редакция надеется, что поднятые в статье проблемы привлекут внимание специалистов, в первую очередь, криминалистов и юристов, а ученики Н.А.Носова продолжат разработку поставленных в ней задач.

ния ...за своими действиями, понимания того, что совершаемое им действие является опасным. И при этом человек остается еще дееспособным, т.е. имеет возможность, даже в случае проявления инстинкта смерти, совершить действия, блокирующие смертельные действия. Не только психоанализ, но и все другие направления современной психологии не могут объяснить, почему нормальный (не психически больной) человек, совершая действия, направленные против него самого, не может им противостоять? Почему, другими словами, в некоторых случаях блокируется способность рефлексии?

Рассмотрим реальный случай блокирования рефлексии и попытаемся дать ему объяснение с виртуальной точки зрения на примере конкретного судебного разбирательства.

Н-ским районным народным судом гражданка Сидорова была осуждена по ст. 103 УК РСФСР. 31 мая 1994 года Сидоров у себя дома со знакомым Петровым употреблял спиртные напитки. Утром 1 июня Сидорова, увидев, что муж и Петров вновь употребляют спиртные напитки, потребовала прекратить это. Сидоров попросил накормить его, но Сидорова отказалась. Тогда он взял из холодильника кусок колбасы, однако Сидорова отняла его. По этой причине между ними возникла очередная ссора, во время которой Сидоров, оскорбляя жену, дважды ударил ее рукой по лицу и вышел покурить. Сидорова взяла со стола кухонный нож, пошла за мужем и с целью убийства ударила его ножом, причинив тяжкие телесные повреждения в виде проникающего колото-резаного ранения грудной клетки сзади с повреждением печени и диафрагмы, от которых потерпевший скончался.

Определением судебной коллегии по уголовным делам соответствующего областного суда приговор оставлен без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос о переквалификации действий осужденной на ст. 104 УК РСФСР.

Президиум Н-ского областного суда протест удовлетворил, указав следующее. Как видно из дела, вывод суда о совершении Сидоровой умышленного убийства мужа, т.е. преступления, предусмотренного ст. 103 УК РСФСР, необоснован.

Сидорова, признав свою вину, показала на предварительном следствии и в суде, что муж злоупотреблял спиртными напитками, по хозяйству не помогал. 31 мая 1994 года в их квартире муж и знакомый Петров всю ночь употребляли спиртные напитки. Утром 1 июня 1994 года они продолжали пьянствовать. Она потребовала прекратить это, в связи с чем у нее с мужем возникла ссора. Муж оскорблял ее. Затем он взял из холодильника колбасу, но она отняла, заявив, что продукты оставила для детей (у нее трое несовершеннолетних детей), и тут муж дважды ударил ее по лицу и пошел из кухни в прихожую. Она, не

помня себя, схватила со стола какой-то предмет, побежала за ним и ударила его этим предметом в спину. Пришла в себя, когда увидела кровь на рубашке мужа. Попросила Петрова сбегать за медсестрой. Эти показания Сидоровой не опровергнуты.

Свидетель Петров в суде подтвердил, что, когда Сидорова отняла колбасу у мужа, заявив, что оставила ее для детей, Сидоров ударил жену по лицу и ушел из кухни в прихожую. Сидорова сразу вышла за ним. Через некоторое время она вернулась на кухню и сказала, что чем-то «ткнула» мужа, попросила его, Петрова, сбегать за медсестрой. Сидорова в это время была сильно взволнована и плакала.

Показания Сидоровой о совершении убийства мужа в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, суд признал несостоятельными, ссылаясь на то, что Сидорова после совершенного убийства вела себя нормально. Она попросила Петрова сообщить о случившемся медицинскому работнику, вытерла кровь с лица потерпевшего и на полу, переоделась и по приходе медсестры ушла к своим родителям.

Однако эти действия Сидоровой не свидетельствуют о том, что она не могла находиться в момент убийства мужа в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Далее суд сослался на то, что перед тем, как нанести удар ножом в спину мужа, Сидорова вышла с ножом из кухни за мужем не сразу, а спустя несколько минут (т.е. реакция ее была не внезапная), однако это не соответствует материалам дела.

Из показаний Сидоровой видно: побудительным мотивом ее возмущения явилось то, что, когда она во время ссоры отняла у мужа продукты, которые она оставила для детей, он дважды ударил ее по лицу и ушел из кухни, она, не помня себя, схватила со стола какой-то предмет и тотчас вышла за ним, а не спустя несколько минут. Это обстоятельство подтвердил свидетель Петров, пояснив, что, находясь на кухне, он видел, как Сидоров ударил жену по лицу и ушел из кухни, Сидорова сразу же вышла следом за ним.

Суд сослался на акт судебно-психиатрической экспертизы, согласно которому Сидорова психическим заболеванием не страдает и признана вменяемой; она могла отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Однако эксперты-психиатры не решают вопроса о том, находилось ли лицо в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или нет. Это компетенция суда. Вывод суда о соответствующей квалификации действий виновного лица должен быть сделан на основании совокупности добытых доказательств по делу.

Таким образом, обстоятельства происшедшего, указанные в показаниях Сидоровой, подтвержденные очевидцем событий — свидетелем

Петровым, свидетельствуют о том, что Сидорова совершила умышленное убийство своего мужа Сидорова в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного физическим насилием со стороны потерпевшего, в ее действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 104 УК РСФСР.

Как видно из дела, Сидорова ранее не судима, в содеянном раскаялась, на ее иждивении находятся трое несовершеннолетних детей, по месту работы и жительства она характеризовалась положительно, по месту отбытия наказания ей дан также положительный отзыв. В связи с изменением квалификации действий осужденной Сидоровой на ст. 104 УК РСФСР она, как имеющая на иждивении несовершеннолетних детей, подлежит освобождению от наказания на основании п. «в» ч. 2 Постановления Государственной Думы от 19 апреля 1995 года «Об объявлении амнистии в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

По-человечески можно понять Президиум областного суда, амнистировавший Сидорову, — жаль и несовершеннолетних детей, и саму Сидорову, страдавшую от пьянства мужа. Но юридически доводы суда высшей инстанции необоснованны — он исходит из доказательства от противного, считая доводы Приволжского районного народного суда Астраханской области о том, что Сидорова не могла находиться в состоянии аффекта, неубедительными, и делая отсюда вывод, что она могла находиться в данном состоянии. Непосредственного доказательства того, что Сидорова действительно находилась в состоянии аффекта, Президиум Астраханского областного суда не приводит.

В данном случае это и невозможно сделать, поскольку традиционно считается, что аффект имеет последствие, т.е. после убийства Сидорова должна была еще некоторое время находиться в каком-то измененном состоянии — переживать происшедшее событие. (Недаром Президиум в своем Постановлении учит суд низшей инстанции, как проводить расследование — за неимением убедительных аргументов апеллирует вообще к несостоятельности областного суда. Это, кстати, типичный случай рефлексивного управления).

Другими словами, объяснение блокирования состоянием аффекта психологически некорректно, а кроме того, даже если бы и было состояние аффекта, остается непонятным тот же момент, что и при психоаналитическом объяснении: почему заблокировано не только сознание, но и рефлексия?

Если рассматривать это убийство с виртуальной точки зрения, то оно видится в другом свете. Следовало бы собрать свидетельские показания соседей и знакомых о моральном и, возможно, физическом

истязании Сидоровым своей жены. Скорее всего, это было бы нетрудно сделать. Истязания физически более сильного и морально безответственного перед детьми и женой человека естественно вызывают в слабом ответные формы реакции. Но, поскольку Сидоровой явно нечего противопоставить мужу в качестве защиты себя и своих детей (это тоже, наверное, легко выявить в процессе следствия), моральная и физическая беззащитность автоматически порождает психические формы ответных реакций. Многолетние истязания породили у Сидоровой автономный виртуальный образ, в котором она дает себе отдушину, давая сдачу своему мужу. Описание поведения Сидоровой явно об этом свидетельствует. Во-первых, физическое насилие со стороны мужа — ударил свою жену, — приведшее к измененности статуса психики; во-вторых, ясность сознания до и после события убийства и отсутствие переходных процессов от ясности к затуманенности сознания и обратно; в-третьих, Сидорова пошла не убивать мужа, а ответить физическим действием, т.е. побить его; в-четвертых, произошло расслоение единой реальности на две: виртуальную, в которой она наносила побои первым попавшимся в руки предметом (чем-то ткнула мужа), и константную, в которой она действовала ножом вполне адекватно именно ножу, нанеся проникающую колото-режущую рану.

В этом смысле не Сидоровой следует предъявлять обвинение в совершении убийства в состоянии аффекта в результате «длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» (наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок по ст. 107 УК РФ), а Сидорову — в принуждении к убийству самого себя. Но такой статьи нет. Но, если признать существование психологической виртуальной реальности, то, соответственно, следует включить ее в юридические отношения.

Ничего удивительного в этом нет. Во-первых, признание существования психологической виртуальной реальности дает объяснение многим трудно квалифицируемым видам правовых нарушений, во-вторых, оно дает основания для борьбы (аретеи) с определенными видами преступлений [1].

Даже в таком психологически неполном описании происшествия, какое приведено выше, можно усмотреть все признаки виртуала [2].

1) О непривычности здесь неуместно говорить, поскольку это единичное событие.

2) Спонтанность поведения здесь очевидна — состояние мгновенно возникло и так же мгновенно исчезло.

3) Действие Сидоровой явно фрагментарно — построено на одном образе нанесения удара своему мужу.

4) Объективированность проявляется в том, что Сидорова не описывает никаких своих эмоциональных переживаний и говорит лишь о том, что «чем-то ткнула мужа».

5) Для того, чтобы говорить об измененности статуса телесности, следовало бы выяснить, соответствует ли сила ножевого удара природной физической силе Сидоровой или нет. Скорее всего, удар был значительно сильнее, чем естественная физическая сила Сидоровой — убила человека одним ударом, не имея никакой практики оперирования ножом как холодным оружием.

6) Измененность статуса личности очевидна — Сидорова решилась избить человека, что для нее, судя по характеристикам, совершенно не свойственно.

7) Измененность статуса сознания совершенно очевидна.

8) Измененность статуса воли тоже очевидна — все совершилось само собой.

Таким образом, коллизия между судом высшей инстанции и судом низшей инстанции, между моралью и правом, разрешается за счет определения поведения Сидоровой как вынужденного, но совершенного не в аффекте, а в виртуале.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что виртуал является одним из механизмов блокирования рефлексии, и проблема соотношения мощи рефлексии (как способности блокирования виртуала) и мощи виртуала (как способности блокирования рефлексии) — весьма интересный вопрос и с теоретической, и с практической точек зрения.

Литература

1. Носов Н.А. Аретя // Виртуальные реальности / Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 4., — М.: Ин-т человека РАН, 1998, с. 67-77.
2. Носов Н.А. Виртуальная психология. / Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 6. — М.: Аграф, 2000. 432 с.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

ЗАКОН САМО-РЕФЛЕКСИИ: ВОЗМОЖНОЕ ОБЩЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕХ РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

© В.А. Лефевр (США)

Калифорнийский университет,
Ирвин, США, профессор

Многовековая философская идея о том, что у человека есть образ себя, у которого есть образ себя (образ второго порядка), обретает новую жизнь в математической модели обладающего рефлексией субъекта. Одно из предположений, лежащих в основе модели, заключается в том, что субъект стремится генерировать такие образцы поведения, чтобы устанавливалось некоторое подобие между самим субъектом и его образом второго порядка. Показывается, что эта модель позволяет дать единое объяснение трем разным экспериментально наблюдаемым феноменам:

- (a) нелинейное соотношение между магнитудной и категориальной оценками одних и тех же стимулов (*Parducci, Stevens, Galanter*),
- (b) избегание величины 0.5 при оценке стимулов, равно отстоящих от двух образцов на психологической шкале (*Poullton, Simmonds*)
и
- (c) формальное соответствие между частотой выбора определенной альтернативы и подкреплении, обнаруженное в некоторых экспериментах с животными и людьми (*Herrnstein, Baum*).

Полученные результаты позволяют выдвинуть гипотезу, что рефлексивная метафора представляет собой общий принцип регуляции и у человека, и у животных.

Со времени Локка способность человека мысленно представлять свои собственные мысли и чувства была центральной темой западной философской мысли [1, 2]. Эту способность принято называть рефлексией. Субъект, обладающий рефлексией, может быть изображен в виде человечка с образом самого себя в голове (рис. 1).

Этот образ может содержать мысли и чувства включая описание самого себя, т.е. эта фигура не только видит себя, но и видит себя видящим себя.

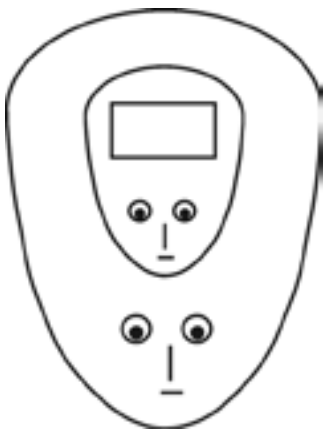

Рис. 1. Субъект с рефлексией. Во внутреннем мире субъекта находится образ себя со своим собственным внутренним миром. Образ себя традиционно рассматривался как результат сознательной конструктивной деятельности. В рамках формальной модели субъекта с рефлексией образ себя является не продуктом интеллектуальных усилий человека, а генерируется автоматической работой его когнитивной системы. [6, 13].

Хотя идея рефлексии играла важную роль в психологии девятнадцатого века, она не вошла в основное русло психологии века двадцатого. Главной причиной было то, что понятие образа себя не было обосновано ни с опорой на ясные определения психологических феноменов, ни с опорой на анализ морфологических или функциональных структур мозга [3].

Несмотря на это, термин «образ себя» и другие, эквивалентные ему, широко использовались в психологии личности и социальной психологии благодаря их практическому удобству. Ситуация стала изменяться в семидесятые годы, когда стало ясно: метафоры, похожие на ту, что дана на рисунке 1, могут быть выражены на языке функций, а поэтому использоваться для формального описания поведения. Это открыло перспективу попыткам связать интроспективный мир с объективно наблюдаемым поведением [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

Данные позволили предположить, что структура внутреннего мира на рис. 1 демонстрирует работу особого когнитивного механизма само-репрезентации (возможно, врожденного), а не описывает результат интеллектуальных усилий субъекта, сознательно думающего о себе [5, 6, 13].

Далее будет показано, как модель субъекта, основанная на рефлексивной метафоре, позволяет выдвинуть единое видение трех различных психологических феноменов, ни один из которых не был до сих пор убедительно объяснен.

Функция готовности

Пусть субъект стоит перед выбором из двух альтернатив: одна играет роль позитивного полюса для него, а другая - негативного. Любое биполярное противопоставление может послужить примером: добро-зло, большой-маленький, белый-черный (14, 15). Переменная X_1 , определенная на интервале $[0,1]$, соответствует субъекту. Значение этой переменной есть готовность субъекта выбрать позитивный полюс. Она может проявляться двояко: (а) как частота выбора субъектом позитивной альтернативы (при заданных условиях); (б) как точка на шкале $[0,1]$ отмечаемая субъектом и отражающая его готовность выбрать позитивную альтернативу. Субъект представляется следующей функцией:

$$X_1 = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)x_3, \quad (1)$$

где $x_1, x_2, x_3 \in [0,1]$ [16]. Переменная x_3 описывает интенцию субъекта выбрать позитивный полюс.

Таким образом, в модели проводится различие между объективной готовностью (X_1) исполнительной системы субъекта сделать выбор и его субъективным желанием сделать это (x_3). Переменные x_1 и x_2 описывают давление которое оказывает окружающая среда в сторону позитивного полюса: x_1 – это актуальное давление в рамках данной ситуации, а x_2 – давление, ожидаемое субъектом на основании его прошлого опыта.

Каждая альтернатива имеет для субъекта свою степень привлекательности, выражаемую в единицах некоторой психологической шкалы. Давления в сторону позитивного полюса связано с привлекательностью альтернативы следующим образом:

$$x_1 = (v_1) / (v_1 + v_2) \text{ и } x_2 = (u_1) / (u_1 + u_2),$$

где v_1 и v_2 представляют объективную привлекательность позитивной и негативной альтернатив в данной ситуации, а u_1 и u_2 показывают их ожидаемую привлекательность. В общем случае привлекательность альтернатив не зависит от их полярности. Негативная альтернатива может оказаться более привлекательной – как в случае когда человек поддается искушению, вместо того чтобы противостоять ему. Функция (1) может быть представлена как композиция $X_1 = F(x_1, (F(x_2, x_3)))$. Это представление единственно и $F(x_2, x_3) = 1 - x_3 + x_2x_3$ (16). Функция $F(x_2, x_3)$ может интерпретироваться как «образ себя» у субъекта. При такой интерпретации переменная x_3 есть образ себя у образа себя; будем называть этот образ второго порядка «моделью себя». Мы видим, что значение x_3 , в дополнение к интенции субъекта играет роль готовности выбрать позитивный полюс в модели себя. Структура композиции $F(x_1, (F(x_2, x_3)))$ соответствует метафоре рис. 1.

Закон само-рефлексии

Очевидное значение интенционального действия заключается в том, что готовность субъекта соответствует его интенции. Переменная X_1 соответствует готовности субъекта, а переменная x_3 – его желанию. Таким образом, интенциональное действие соответствует условию $x_3 = X_1$, где X_1 это субъект, а x_3 его модель себя. Условие $x_3 = X_1$ может быть сформулировано так:

Субъект стремится создавать такие образцы поведения, чтобы установить и сохранять подобие между самим субъектом и его моделью себя.

При $x_3 = X_1$, выражение (1) превращается в

$$X_1 = \frac{X_1}{X_1 + X_2 - X_1 X_2}, \quad (2)$$

где $x_1 + x_2 > 0$ [16]. Заметим, что условие подобия позволяет убрать переменную x_3 , значение которой инструментально неизмеряемо.

Феномен 1. Нелинейное отношение между магнитудной и категориальной оценками одних и тех же стимулов

Магнитудная оценка это выбор числа, соответствующего интенсивности физического стимула. Например, испытуемым показывают по одному стальные стержни и ставится задача определить их длину в дюймах. По полученным данным строится функция G , связывающая субъективные оценки с объективно измеренной длиной стержней. Эта функция используется для построения психологической шкалы интенсивности стимулов.

Категориальная оценка классифицирует стимулы по их интенсивности. Например, испытуемым предъявляется тот же набор стальных стержней, но задача состоит в отнесении каждого стержня к одной из одиннадцати категорий: самый короткий – это первая категория, самый длинный – одиннадцатая; все остальные лежат между ними [17]. В течение долгого времени считалось очевидным, что оценки, полученные этими двумя методами – магнитудным и категориальным – должны иметь линейное отношение. Но в пятидесятые годы было обнаружено, что их отношение нелинейно. [17]. Оказалось также, что форма кривой зависит от распределения сильных и слабых стимулов в наборе: чем более заметен сдвиг в сторону слабых стимулов, тем более выпукла кривая [18] (см. рис. 2а).

Свяжем теперь эти наблюдения с функцией готовности (2). Представим категориальную шкалу как отрезок $[0, 1]$, где категории самого сильного стимула соответствует точка 1, играющая роль позитивного

полюса, а категории самого слабого – точка 0, играющая роль негативного полюса.

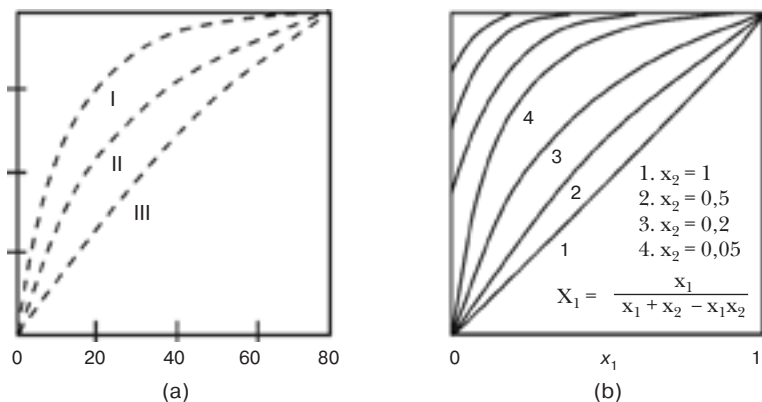

Рис. 2. Соотношение между магнитудной и категориальной оценками:

- (а) Категориальная оценка площади прямоугольников по пятизначной шкале [16]: I – маленькие стимулы предъявляются чаще; II – равномерное распределение; III – большие стимулы предъявляются чаще. Вертикальная ось представляет собой категориальную шкалу; на горизонтальной оси откладываются значения площадей прямоугольников в квадратных дюймах [17].
- (б) Семейство гипербол $X_1 = (x_1)/(x_1 + x_2 - x_1x_2)$, где x_2 – переменный параметр [16].

Все остальные категории соответствуют равноотстоящим отметкам на этом отрезке. Мы полагаем, что когда испытуемый отмечает на шкале точку X_1 , это соответствует категоризации стимула (с точностью до ближайшей метки). Пусть $G_{\min}$ и $G_{\max}$ есть минимальная и максимальная интенсивности в данной экспериментальной серии (на психологической шкале). Тогда $v_1 = G - G_{\min}$ и $v_2 = G_{\max} - G$, где G есть интенсивность предъявляемого стимула. Легко видеть, что чем больше G , тем больше v_1 и тем меньше v_2 . Следовательно,

$$x_1 = \frac{v_1}{v_1 + v_2} = \frac{G - G_{\min}}{G_{\max} - G_{\min}}$$

Пусть данному стимулу предшествовала последовательность стимулов со средним значением интенсивности G^* . Пусть также $u_1 = G^* - G_{\min}$ и $u_2 = G_{\max} - G^*$, тогда

$$x_1 = \frac{u_1}{u_1 + u_2} = \frac{G^* - G_{\min}}{G_{\max} - G_{\min}}$$

Для длинных неупорядоченных последовательностей стимулов величина x_2 не будет заметно меняться после серии предъявлений и может

считаться постоянной. При таких условиях выражение (2) превращается в уравнение гиперболы с переменной x_1 и параметром x_2 [16]. Семейство таких гипербол показано на рисунке 2б.

Теперь мы можем объяснить результаты наблюдений, полученные при категориальной оценке стимулов.

- (а) Соотношение между магнитудной и категориальной оценками нелинейно, потому что уравнение (2) с постоянной x_2 соответствует гиперболе.
- (б) Испытуемые переоценивают интенсивность стимулов при категоризации по сравнению с магнитудной оценкой, потому что гипербола имеет выпуклость.
- (с) Когда интенсивность предъявляемых стимулов сдвинута в сторону самых слабых, выпуклость кривой возрастает, потому что величина параметра x_2 уменьшается.

Существующие объяснения для всего набора явлений, описанных выше, основаны на моделях, включающих свободный параметр [19], в то время как модель, основанная на уравнении (2), не нуждается в свободных параметрах.

***Феномен 2. Избегание точки 0.5 при оценке стимулов,
интенсивности которых лежат посередине между
двумя образцами***

Этот феномен был обнаружен Поултоном и Симондсом [20, 21, 22]. Испытуемым предлагалось оценить степень светлотности серого листа бумаги; она была выбрана ровно посередине между черным и белым образцами на психологической шкале. Каждому испытуемому давалась 100-миллиметровая шкала, один конец которой соответствовал черному образцу, а другой – белому. Фиксировалось только первое касание карандашом бумаги. Пример экспериментальных данных приведен на рисунке 3а: на графике видны два пика с провалом между ними.

Свяжем эти эксперименты с уравнением (2). Предположим, для некоторой части испытуемых белый образец играл роль позитивного полюса, а для других - эту роль выполнял черный. Интенсивность серого образца лежала точно посередине между белым и черным, поэтому $x_1 = 1/2$. Поскольку регистрировалось только самое первое касание карандаша, весь опыт испытуемого заключался в этой единственной оценке, следовательно, $x_2 = x_1 = 1/2$. Подставляя эти значения в уравнение (2), получаем $X_1 = 2/3$. Испытуемые, для которых позитивным полюсом был белый образец, будут группировать оценки на расстоянии $2/3$ от левого конца шкалы, т.е. около точки $2/3$; а те, кто считает черный образец положительным полюсом – на расстоянии $2/3$ от правого

конца шкалы, т.е. около точки $1/3$. В результате получается двугорбое распределение, приведенное на рисунке 3б.

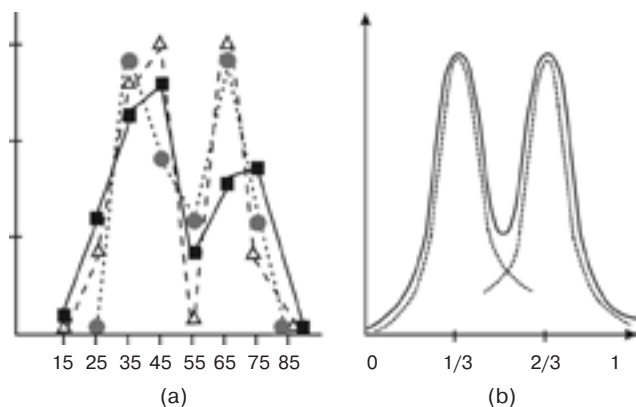

Рис. 3. Избегание середины шкалы при оценке интенсивности стимулов. Горизонтальная ось соответствует 100-миллиметровой шкале; вертикальная ось – числу отметок.

(a) Пример экспериментального распределения для трех групп испытуемых [20].

(b) Распределение, основанное на рефлексивной модели [16].

Единственное иное объяснение этого феномена предполагает сдвиг начальной точки шкалы, что равносильно введению свободных параметров [21]. В уравнении (2), с помощью которого мы объяснили этот феномен, нет свободных параметров, но есть предположение что у части испытуемых шкала ориентирована одним образом, а у части противоположным.

Феномен 3. Закон соответствия (Matching Law)

Этот феномен, открытый Херренштейном (Herrenstein) в начале шестидесятых годов проявляет себя в экспериментах как с голубями и крысами, так и с человеком [23, 24, 25].

Стандартный эксперимент такого типа проходит следующим образом. Голубю в клетку помещаются два ключа, соединенные с кормушкой. Клевоч в любой из них может вызвать появление маленького зернышка. Для каждого ключа существует своя программа подкрепления, которая может быть изменена в ходе эксперимента. Подкрепление, например, может появляться случайно, но голубь должен сделать в среднем k клевоч в один ключ, чтобы получить одно зерно. Изменяя программу подкрепления для каждого ключа, экспериментатору удастся изменить частоту клевоч в каждый ключ. Анализируя экспериментальные данные, Херренштейн обнаружил, что сохраняется

отношение $(N_2/N_1) = (n_2/n_1)$, где N_1 и N_2 число клевков в каждый ключ, а n_1 и n_2 – число подкреплений, относящихся к каждому ключу. Более точный закон был сформулирован Баумом (Baum) в середине семидесятых годов:

$$\frac{N_2}{N_1} = p \frac{n_2^S}{n_1^S} \quad (3)$$

где p и S – свободные параметры, значения которых могут меняться для разных испытуемых [26, 27]. Во многих экспериментах значение S близко к 1.

Свяжем теперь выражение (3) с функцией готовности для случая $S = 1$. Не нарушая общности рассмотрения, выбираем нумерацию ключей таким образом, что $p \neq 1$. Уравнение (2) может быть переписано в виде:

$$\frac{1 - X_1}{X_1} = x_2 \frac{1 - x_1}{x_1} \quad (4)$$

где $x_1 > 0$. Пусть $X_1 = \frac{N_1}{N_1 + N_2}$, $x_1 = \frac{n_1}{n_1 + n_2}$ и $x_2 = \frac{u_1}{u_1 + u_2}$, где u_1 –

ожидаемая субъективная привлекательность первого ключа, и u_2 – второго. Согласно рефлексивной модели, на первом этапе эксперимента у каждого испытуемого появляется поляризация ключей: один принимает на себя роль позитивного полюса, а другой – негативного. В то же время формируются ожидаемые привлекательности: u_1 и u_2 и значение x_2 играющее роль p в выражении (3). Мы видим, что закон само-рефлексии позволяет получить выражение (3) и наделить параметр p психологическим смыслом для случая $S = 1$ [28].

В отличие от феноменов 1 и 2, закон соответствия связан не с оценочной деятельностью испытуемого, а с его экономичным поведением. Кажется естественным предположить, что этот закон отражает тенденцию организма получить как можно больше полезности. Эта идея лежит в основе всех попыток объяснить данный феномен, хотя Хейман (Heyman) и Льюс (Luce) показали, что закон соответствия не является логическим следствием максимизации частоты подкрепления [29]. Несмотря на это, многие исследователи не исключают возможности, что испытуемый стремится максимизировать полезность, понимаемую в более широком смысле [30].

Может быть испытуемый стремится сократить пробежку между ключом и кормушкой или сберечь энергию, необходимую для оперирования с ключом и т.п.? Баум и Аппарачио (Apparacio) отмечали по этому поводу: «Несмотря на обратные утверждения, все ведущие

рии относительно подкрепляемого выбора выглядят как модели оптимизации.» [31, с. 75]. Идея максимизации полезности не помогла, однако, вывести уравнение (3) [32]. Рефлексивная модель позволяет дать иное объяснение закона соответствия: уравнение (3) справедливо не потому, что испытуемый стремится получить как можно больше полезности любого типа, а потому, что он генерирует такие образцы поведения, при которых устанавливается и сохраняется отношение подобия между субъектом и его моделью себя.

Если рефлексивная модель сможет объяснить, почему необходимо вводить свободный параметр S в уравнение (3), это станет важным шагом вперед в обосновании этой гипотезы.

Литература

1. J. Locke. An Essay Concerning Human Understanding (1690). Amherst: Prometheus Books (1995).
2. E. Cassirer. The Philosophy of the Enlightenment. Princeton NJ: Princeton University Press (1951).
3. P. S. Churchland. Self-Representation in Nervous Systems. *Science*, 296, 308 (2002).
4. V. A. Lefebvre. A Formal Approach to the Problems of Good and Evil. *General Systems*, 22, 183 (1977).
5. V. A. Lefebvre. An Algebraic Model of Ethical Cognition. *Journal of Mathematical Psychology*, 22, 83 (1980).
6. V. A. Lefebvre. Algebra of Conscience, Dordrecht: D.Reidel (1982). Second enlarged edition, Dordrecht: Kluwer (2001).
7. J. Adams-Webber. Comment on Lefebvre's Model from the Perspective of Personal Construct Theory. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 177 (1987).
8. J. A. Schreider. Fuzzy Sets and the Structure of Human Reflexion. *Applied Ergonomics*, 1, 19 (1994).
9. V. Yu. Krylov. On One Model of Reflexive Behavior Distinct from Lefebvre's Model. *Applied Ergonomics*, 1, 21 (1994).
10. J. Adams-Webber. Self-Reflexion in Evaluating Others. *American Journal of Psychology*, 110, 527 (1997).
11. L. D. Miller & M. F. Sulkoski. Reflexive Model of Human Behavior. Proceedings of Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior, Los Alamos: Army Research Laboratory (1998).
12. T. A. Taran. Many-Valued Boolean Model of the Reflexive Agent. *Multi-Valued Logic*, 7, 97 (2001).
13. V. A. Lefebvre. The Golden Section and an Algebraic Model of Ethical Cognition. *Journal of Mathematical Psychology*, 29, 289 (1985).
14. G. A. Kelly. The Psychology of Personal Constructs, New York: Norton (1955).
15. C. E. Osgood, G. J. Suci, & P. H. Tannenbaum. The Measurement of Meaning, Urbana, IL: University of Illinois Press (1957).
16. V. A. Lefebvre. A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity, Lewiston: The Edwin Mellen Press (1992).
17. S. S. Stevens & E. H. Galanter. Ratio Scales and Category Scales for a Dozen Perceptual Continua. *Journal of Experimental Psychology*, 54, 377 (1957).
18. A. Parducci. Direction of Shift in the Judgment of Single Stimuli. *Journal of Experimental Psychology*, 51, 169 (1956).

19. A. Parducci. Category Judgment: A Range-Frequency Model. *Psychological Review*, 72, 407 (1965).
20. E. C. Poulton, D. C. V. Simmonds, R. M. Warren. Response Bias in Very First Judgments of the Reflectance of Grays. *Perception & Psychophysics*, 3(2A), 112 (1968).
21. E. C. Poulton & D. C. V. Simmonds. Subjective Zeros, Subjectively Equal Stimulus Spacing, and Contraction Biases in Very First Judgments of Lightness. *Perception & Psychophysics*, 37, 420 (1985).
22. E. C. Poulton. Bias in Quantifying Judgments, NJ: Erlbaum (1989).
23. R. J. Herrnstein. Relative and Absolute Strength of Response as a Function of Frequency Reinforcement. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 4, 267 (1961).
24. G. M. Heyman & R. J. Herrnstein. More on Concurrent Interval-Ratio Schedule: A Replication and Review. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 46, 331 (1986).
25. B. A. Williams. Reinforcement, Choice, and Response Strength. In: R. C. Atkinson, R. J. Herrnstein, G. Lindzey, & R. D. Luce (Eds.), *Steven's Handbook of Experimental Psychology* (Vol.2), New York: John Wiley & Sons (1988).
26. W. M. Baum. On Two Types of Deviation from the Matching Law: Bias and Undermatching. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 22, 231 (1974).
27. W. M. Baum. Matching, Undermatching, and Overmatching in Studies of Choice. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 32, 269 (1979).
28. V. A. Lefebvre. Categorization, Operant Matching, and Moral Choice. Institute for Mathematical and Behavioral Sciences, MBS, 99-14, UCI (1999).
29. G. M. Heyman & R. D. Luce. Operant Matching Is Not a Logical Consequence of Maximizing Reinforcement Rate. *Animal Learning Behavior*, 7, 133 (1979).
30. D. W. Stephens & J. R. Krebs. *Foraging Theory*, Princeton, NJ: Princeton University Press (1986).
31. W. M. Baum & C. F. Aparicio. Optimality and Concurrent Variable-Interval Variable-Ratio Schedule. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 71, 75 (1999).
32. G. M. Heyman. Optimization Theory: A Too Narrow Path. *Behavioral and Brain Sciences*, 11, 136 (1988).

МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫБОРА: ТРАНСАКТНАЯ ВЕРСИЯ

© В.А. Петровский (Россия), Т.А. Таран (Украина)

Российская академия образования,
профессор,
доктор психологических наук

Национальный технический университет
Украины «КПИ», профессор,
доктор технических наук

Введение

В работах Лефевра [1-3] рассматривается выбор субъекта между альтернативами, одна из которых оценивается позитивно, а другая - негативно. Готовность субъекта к выбору описывается функцией, учитывающей интенции субъекта, влияние внешней среды и представление субъекта об этом влиянии. Логическая модель рефлексивного выбора формализована в булевой алгебре, где 1 соответствует позитивному полюсу шкалы выбора, а 0 – негативному. В работах [4-6] рассматривается поведение субъекта, подчиненное системе культурных норм. Возможные альтернативы оцениваются на множестве биполярных шкал (конструктов). Каждая шкала представляет собой некоторую норму, отражающую как моральные, так и утилитарные ценности в ситуации выбора. Комбинация шкал образует пространство оценок, представимое булевой решеткой норм. Поведение, регулируемое системой норм, называется нормированным поведением.

Введение в рассмотрение системы культурных норм, на которых оцениваются влияние среды, психологическая установка субъекта, сформированная его прошлым опытом, его готовность к выбору, желания и интенции (намерения), позволили сформулировать новые теоретические конструкты, а также уточнить ранее описанные («самооценка», «реалистический выбор», «нормативное поведение», «рефлексивное программирование», «реактивный способ существования» и др.). Следствия, выводимые формально из модели выбора [5], доказали свою значимость для разработки проблем рефлексивного управления [6].

Однако, этим не ограничивается сфера возможного использования многозначной модели рефлексивного выбора. Вопрос состоит в том, насколько приемлемы и действенны те же формальные посылки и следствия в области практической психологии личности – прежде всего в тех областях, где главенствует принцип несовпадения рефлексивных и до-рефлексивных уровней построения поведения и сознания субъекта (с проблемами такого рода постоянно сталкиваются педагоги, психологи-консультанты, психотерапевты).

Существуют, как минимум, два возможных пути дальнейшей работы с моделью. Первый из них - это поиск фактов, которые иллюстрировали бы оправданность выводов, полученных формальным путём. Другой путь – это взаимосопряжение базовой модели рефлексивного выбора с другой, уже существующей в науке, но также нуждающейся в своём развитии, модели интерпретации поведения человека в условиях выбора.

Мы избираем для себя второй путь, на котором постараемся выяснить, какие психологические реалии, фигурирующие в составе психологической теории транзактного анализа Э. Берна, вырисовываются за терминами рефлексивной теории В. Лефевра и многозначной булевой модели нормированного поведения. В данной статье раскрываются теоретические предпосылки и конкретизируются основные черты транзактной модели рефлексивного выбора, первый эскиз которой представлен в работе В. А. Петровского [17].

Базовая модель рефлексивного выбора

Многозначную модель рефлексивного поведения [5, 6] будем в дальнейшем именовать «базовой моделью рефлексивного выбора», или, для краткости, «базовой моделью».

В отличие от элементарного бинарного выбора между позитивной и негативной альтернативами, в базовой модели рассматривается выбор, оцениваемый на множестве биполярных шкал-конструктов, характеризующих текущую ситуацию. Полное пространство оценок описывается множеством всех возможных комбинаций полюсов шкал, т.е. декартовым произведением шкал, которое образует частично упорядоченное множество – булеву решетку (рис. 1). Каждый элемент этого множества представим булевым вектором, в котором 1 соответствует позитивному, а 0 – негативному полюсу соответствующей шкалы. Тогда каждая такая комбинация позитивных и негативных полюсов (один булев вектор) называется слабой нормой на многозначной шкале норм. Норма $(0, 0, \dots, 0)$, соответствующая всем негативным признакам (нуль решетки, т.е. «наихудшая» из слабых норм) называется Антинормой и обозначается 0, а норма $(1, 1, \dots, 1)$, включающая только позитивные

признаки («наилучшая» из норм, единица решетки) – общей Нормой (обозначается I). Отношение порядка $\leq$, индуцированное на решетке норм, интерпретируется так: если $x \leq y$, то норма x – более слабая норма, чем y , т.е. норма y сильнее нормы x .

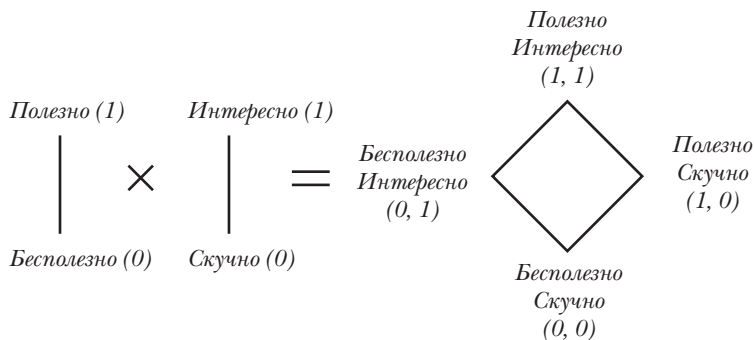

Рис. 1. Многозначная булева решетка норм

На булевой решетке норм определены три операции: операция выбора наиболее сильной из двух норм: $x \vee y \equiv \sup\{x, y\}$, операция выбора наиболее слабой из двух норм: $x \& y \equiv \inf\{x, y\}$ и операция нахождения нормы, противоположной данной: $\neg x$ (дополнение в булевой решетке). Помимо этих трех операций, образующих булеву алгебру на решетке норм, определим операцию импликации (следования) как $x \rightarrow y = \neg x \vee y = \sup\{\neg x, y\}$. Импликация будет принимать значение, равное общей Норме I , во всех случаях, когда выполнено условие: из более слабой нормы x следует более сильная норма y , т.е. $|x \rightarrow y| = I$, если и только если $x \leq y$. Каждое действие, которое субъект может выбрать в некоторой ситуации, получает оценку на шкале норм. Модель рефлексивного поведения отражает готовность субъекта к выбору действия, удовлетворяющего определенному подмножеству норм. Поэтому в дальнейшем под альтернативой понимается некоторая норма на булевой шкале норм [5].

Базовая модель представляет собой оригинальную версию капитальной идеи В. Лефевра, описывающей готовность субъекта к выбору. Согласно Лефевру [1, 2], общая модель рефлексии описывается логической функцией

$$A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1.$$

Переменная $a1$ интерпретируется как давление среды к выбору одной из альтернатив: Нормы, Антинормы или какой-либо из слабых норм. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной $a2$. Это психологическая

установка, которая складывается на основании предыдущего опыта субъекта. Переменная a_3 описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. Выражение $A_2 = a_3 \rightarrow a_2$ интерпретируется как «образ себя». Это самооценка субъекта, которая складывается из ожидаемого давления мира (опыта субъекта) a_2 и его интенций a_3 в момент выбора. Функция A_1 описывает готовность субъекта к выбору. Это та альтернатива (оценка действия на шкале норм), которую субъект готов выбрать. Предполагается, что переменные формулы готовности субъекта могут принимать любые значения на булевой решетке норм независимо друг от друга.

Трансактная модель личности

Разрабатывая психологическую интерпретацию базовой модели, мы исходим из двух посылок. Первая состоит в том, что такая интерпретация должна быть переосмыслением формальных отношений в составе теории транзактного анализа Э. Берна. Вторая посылка – это условие семантической совместимости психологической версии базовой модели и исходной интерпретации основных ее терминов в теории В. Лефевра и модели Т. Таран. Иными словами, поставленная нами задача заключается отнюдь не в том, чтобы дать психологическую интерпретацию функции готовности и входящих в нее переменных, а в том, чтобы сохранить смысл этой формулы в ее оригинальном варианте, – как описания выбора субъекта, обладающего интенциями, ожиданиями

и испытывающего на себе воздействие среды. В частности, необходимо ответить на вопрос: чем – психологически – могли бы являться основные конструкты базовой модели выбора в транзактном анализе Эрика Берна.

С нашей точки зрения, эго-структура личности по Э. Берну является психологической моделью, которая могла бы вступить в продуктивный диалог с базовой моделью рефлексивного выбора. Мы предполагаем, что читателям известны основные положения теории Бёрна (в противном случае можно обратиться к [7–10]).

Рис. 2. Органы психики и эго-состояния личности

Трансактная интерпретация элементов базовой модели рефлексивного выбора

Для построения трансактной версии модели рефлексивного выбора определим некоторые новые способы осмысления символов, фигурирующих в базовой модели. Заметим, что при этом логическая форма модели, механизм выведения следствий, общий смысл построений остаются неизменными.

Мы будем говорить о «ценностях», «интересах», «притязаниях», реализуя в них фундаментальную идею «нормы» базовой модели; использовать здесь обобщающий термин «запрос», имея в виду многомерный вектор активности эго-состояний субъекта и говоря, соответственно, о булевой решетке запросов. По аналогии с «более сильными» и «более слабыми нормами», мы будем говорить также о более развитых и менее развитых запросах; в качестве синонимов могут использоваться такие слова, как «более активные», («более выраженные», «более интенсивные») и «менее активные» («более пассивные», «более скромные») запросы. В соответствии с этим, о самом субъекте запроса мы говорим как о более активном (притязательном, амбициозном) и менее активном (непритязательном, менее амбициозном, более пассивном). Сравнивая запросы субъектов, мы говорим также, что один запрос превосходит другой или уступает ему. О запросах субъектов, соответствующих несравнимым элементам на булевой решетке норм, будем констатировать, что запросы этих субъектов расходятся. Ситуацию несравнимости элементов, в соответствии с [12], обозначим символом « $| \vee$ »). Импликация « $\rightarrow$ » содержательно интерпретируется здесь как отношение «приемлемости» (или «реализуемости»): $A \rightarrow B$ означает, что запрос, продуцируемый B, приемлем с позиции A (или, что A реализует себя посредством B) (В.А. Петровский [18]).

Рассмотрим теперь подробнее интерпретацию основных элементов базовой модели выбора, и того, что выше было обозначено как запросы Ребенка, Родителя и Взрослого.

Наиболее общая идея настоящей работы заключается в том, что «запросы» Ребенка сопоставимы с «реальным давлением среды» (a1), запросы Родителя – с «представлениями о давлении среды» (a2), а запросы Взрослого – с «интенциями субъекта» (a3). В настоящей работе мы только наметим теоретико-психологическое и формально-логическое обоснование данного положения.

«Давление среды» – «Запросы Ребенка». Эго-состояние Ребенок у Берна полнится импульсами, влечениями; Ребенок не задумывается о последствиях своих реакций, – он не рефлексивен, а рефлекторен. Вот почему, в частности, запросам Ребенка (в дальнейшем – D^1) мы

ставим в соответствие символ « aI » базовой модели. Обоснованием данной интерпретации служит то, что «давление среды» феноменологически есть *переживаемое* субъектом в качестве исходящего из среды, действующего на субъекта извне, но при этом – как воплощающегося в ответное действие индивида на среду. Интерпретируя aI как то, что обнаруживается Ребенком, мы, таким образом, логически включаем в «давление» среды свойства того, кому адресованы «воздействия среды» (через кого эти воздействия проявляются, тогда predispositions Ребенка варьируют между полюсами: $aI_{max} = (1,1,1)$ – «активный» («открытый», «инициативный») Ребенок и $aI_{min} = (0,0,0)$ – «пассивный» («защищающийся», «апатичный») Ребёнок.

«*Представление о давлении среды*» – «*Запросы Родителя*». Берновский Родитель – носитель «совершенного» знания. Первые представления ребенка о себе производны от того, что говорят о нём и как видят его родители. Представление о давлении среды на субъекта охватывает два противостоящих друг другу момента: «образ среды» и – «образ себя» (в качестве объекта воздействия или в качестве субъекта, противостоящего этому воздействию). Но «образ себя» всегда предполагает взгляд на себя «со стороны», с позиции кого-то другого. Онтогенетически (в аспекте развития ребенка) другой человек, с позиции которого реализуется «сторонний взгляд», – это тот, кто воспитывает ребёнка: родители. Родителям свойственна еще одна роль: предвидение будущего (или так, по крайней мере, кажется самому ребёнку). Инерция того, что «кто-то знает» сохраняется на протяжении всей человеческой жизни, хотя интеллектуально (с позиции Взрослого, «умом») некоторые люди способны преодолеть такую иллюзию. Вот почему – (если предположить, что представление о том, чего требует среда, имеет своего субъекта) – того, «кто знает», логично соотнести его с родительской фигурой, запечатленной в психике субъекта (заимствованный опыт того, кто воспитывал).

«*Интенции*» – «*Запросы Взрослого*». Берновский Взрослый исповедует принцип реальности. Взрослому свойственна объективность, автономия, бытие «здесь и теперь». Способность Взрослого быть «здесь и теперь», конечно, не означает, что кругозор Взрослого ограничен сиюминутным, наоборот, Взрослый – целеполагающее существо: тестируя реальность, он прогнозирует и проектирует будущее. Эго-состояние Взрослый характеризует центр самосознания личности, источник разумной воли. Это позволяет нам утверждать, что запросам Взрослого в базовой модели выбора соответствует переменная $a3$,

¹ В транзактном анализе принято использовать аббревиатуру Д («Дитя») вместо Р («Ребенок»), чтобы в записи не возникало смешения с Р («Родителем»).

описывающая планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем» [5]. Действительно, именно эта переменная описывает цели субъекта, позволяя выявить и описать математически механизм целеполагания в ситуации выбора.

Таким образом, в предлагаемой транзактной версии запросы субъекта (запросы его Взрослого, Родителя, Ребенка), логическим прототипом которых выступают символы a_3 , a_2 , a_1 базовой модели выбора, – суть явления *одного и того же порядка*, что позволяет измерять их на булевой решетке запросов. Именно поэтому они могут вступать в конкурентные или коалиционные отношения друг с другом. И именно эти отношения образуют смысл построения транзактной версии базовой модели выбора, ибо нас интересуют «выборы» человека в условиях столкновения интересов, присущих тем или иным «частям» его личности, – «субъектам», из которых она «состоит». Факт, что эти запросы, как мы выясним далее, качественно своеобразны, что их роль в регуляции поведения неодинакова, что они принадлежат разным стратам сознания субъекта, вполне совместим с утверждением, что они идентичны в главном: быть вектором активности, исходящей из эго-состояний личности (от субъекта – вовне).

Остановимся теперь на характеристике рассмотренных эго-состояний, делая акцент на запросах, им свойственных: в чём специфика этих запросов? К чему стремится каждая из указанных «подсистем» субъекта активности?

Интерпретация запросов Взрослого, Родителя, Ребенка

Взрослый нацелен на эффективность; он развивает новые способности, преодолевает препятствия, выдвигает задачи, обогащающие его жизнь. Ведущая мотивация Взрослого – «могу», «способен», «достигну», «научусь», «узнаю», «сделаю», а также – «это эффективно», «полезно», «целесообразно» и т.п. Определяющий признак всех ценностей Взрослого – расширение возможностей жить, действовать, постигать, творить. Все это служит цели саморазвития и развития другого, в том числе и тех, кто «живет» внутри, – обогащения сферы «могу», «можешь». Каждая ценность, которую осваивает Взрослый, – это еще один инструмент его бытия и бытия другого, новый источник опыта. Определяющим признаком всех ценностей Взрослого является обретение субъектом новых возможностей *движения деятельности и общения*, выхода за пределы освоенного (см. [14]). Одна из задач Взрослого – гармонизация взаимоотношений между собой (эго-состояние Взрослый) и другими инстанциями личности (эго-состояния Родителя и Ребенка).

Запросы Взрослого можно обозначить конструктами: «есть нужда в этом – нет нужды», «приемлемо – сомнительно», «возможно – проблематично», «необходимо – необязательно», «было бы разумно так сделать – можно обойтись без этого» и т.д. Когда мы спрашиваем: «Да надо ли Вам это?», – то обращаемся к запросам Взрослого. Точно так же, когда транзактный аналитик говорит клиенту: «Вы действительно этого хотите?», – он обращается к Взрослой части его личности.

Родитель отслеживает притязания Ребенка, осуществляет контроль над его нуждами, а также содействует их осуществлению. Выделяются две разновидности Родителя: Контролирующий Родитель и Опекающий Родитель (см. рис. 3).

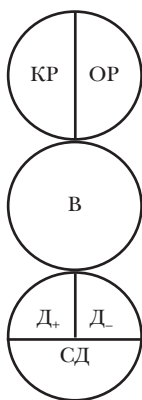

Рис. 3. Уточненная структура эго-состояний субъекта

Контролирующий Родитель (КР) стремится властвовать над другими. Определяющий признак всех его ценностей – *долженствование*, требование, чтобы кто-то обладал чем-то, исполнял что-то (наставления). Он требует, чтобы окружающие соответствовали его представлениям о должном; мотив – «долг», требование – «ты обязан быть таким, каким я хочу тебя видеть» (запрещено что-то иное). Таков позитивный полюс шкалы. Негативный полюс – *разрешения* («позволено», «можешь не делать этого, не иметь этого» и т.п.).

Таким образом, запросы **Контролирующего Родителя** всегда либо превосходят запросы Ребенка, либо просто не

совпадают с ними, поэтому поставим им в соответствие символ a_2 базовой модели выбора, помня о том, что a_2 в этом случае превосходит a_1 ($a_2 > a_1$) или a_2 несравнимо с a_1 ($a_2 \parallel a_1$).

Опекающий Родитель (ОР) стремится поддерживать других, он поощряет окружающих в осуществлении их нужд, исходит не столько из объективного интереса, сколько из субъективных потребностей тех, о ком заботится (его мотив: «помогу», «научу», «сделаю для тебя», «поделюсь с тобой» и т.п.). При этом Опекающему Родителю, если иметь в виду позитивный полюс его запросов, свойственна та же требовательность и настойчивость, что и Контролирующему Родителю: «ты должен делать то, что ты хочешь», «тебе нужно воспользоваться тем, что тебе поможет»; негативный полюс – те же *разрешения* («позволено», «можешь»), что и в случае Контролирующего Родителя.

Запросам Опекающего Родителя поставим в соответствие элемент a_2 базовой модели при условии, что a_2 меньше или равно a_1 ($a_2 \leq a_1$).

Авторитарный Родитель (АР). Рассмотрим импликацию $B \rightarrow P$, которой в базовой модели соответствует элемент $a3 \rightarrow a2$. Напомним, что в базовой модели он имеет смысл самооценки субъекта, которая складывается из его желаний $a3$ и ожиданий $a2$. Самооценка будет соответствовать Норме: $|a3 \rightarrow a2| = I$, если желания ниже ожиданий, либо они адекватны: $a3 \leq a2$. Если же $a3 > a2$, т.е. желания превышают ожидания, то самооценка субъекта ниже Нормы, – тогда можно говорить о заниженной самооценке.

В данном контексте импликацию $B \rightarrow P$ можно рассматривать как *влияние* Взрослого на Родителя и при варьировании запросов В и Р описать ее в терминах *подтверждения (возгонки)* и *сдерживания (снижения)* амбиций Родителя под влиянием Взрослого. Мы рассмотрим три возможных случая, чтобы решить, какие предложения должен предъявлять Взрослый для сдерживания амбиции Контролирующего Родителя.

1. Если $B \leq P$, то $|B \rightarrow P| = I$. Если запросы Взрослого соответствуют запросам Родителя, не превосходя их и не расходясь с ними, то Родитель, заручившись даже минимальной поддержкой Взрослого, чувствует неограниченный рост своей власти и проявляет предельную требовательность в отношении Естественного Ребенка. То же самое можно выразить и иначе: Взрослый, ни в чем не оспаривая права Родителя, дает тому, по сути, разрешение «быть строгим», то есть требовать от Ребенка, как говорят, «по полной программе»². Не удивительно, что в такой ситуации Естественный Ребенок будет вести себя так, как ему заблагорассудится, реализуя свои запросы: $I \rightarrow D = D$ (более подробно об этом ниже).

2. $B > P$. Если предложения Взрослого превышают запросы Родителя, то последний, как правило, также повышает свои притязания. Выделяются два случая: а) если $B \neq I$, то запросы Взрослого умеренны, – тогда из $B > P$ следует $|B \rightarrow P| > P$, т.е. амбиции Родителя, при введении дополнительных стимулов со стороны Взрослого, растут; б) если $B = I$, то запросы Взрослого максимальны, тогда из $B = I$ и $B > P$, следует, что $|B \rightarrow P| = \sup\{-B, P\} = \sup\{0, P\} = P$: поскольку Взрослый пытается занять здесь позицию абсолютного доминирования над Родителем, тому не остается ничего лучшего, как просто подтвердить свои притязания.

3. $B || P$. Запросы Взрослого *расходятся* с запросами Родителя. В этом случае импликация $B \rightarrow P$ приводит к двум вариантам исходов: $\sup\{-B, P\} = P$; $\sup\{-B, P\} > P$. В первом случае амбиции Родителя сохраняются, во втором случае растут.

² Вот почему, если говорить о социальных параллелях, в обществе всегда должны быть силы, оппонирующие властям.

Если попытаться осмыслить динамику Родителя под влиянием Взрослого, результат таких воздействий может быть обобщён в понятии *Авторитарный Родитель*. Он возникает как результат *выбора* между исходным уровнем родительских амбиций и «иррациональными» силами (–В), образующими альтернативу Взрослому, причем этот выбор никогда не снижает амбиций Родителя.

Ребенок («Дитя») – ранее сложившийся у индивида опыт переживания и поведения. Выделяется несколько разновидностей Ребенка. Говоря о «Ребенке» до сих пор мы имели в виду то, что в транзактном анализе обозначается как Естественный Ребенок. Именно с Естественным Ребенком мы соотнесли выше элемент *a1* базовой модели выбора. Охарактеризуем данное эго-состояние подробнее.

Естественный Ребенок действует не вопреки и не в соответствии, а поверх (помимо) требований Родителя. Естественный Ребенок, так же как и Взрослый, стремится к расширению своих владений, но для него самое важное – само обладание чем-то; его мотивы – «хочу, чтобы это у меня было», «я буду делать это, потому что меня притягивает сама возможность делать это». Парадоксально, но «обладать» для Естественного Ребенка – не значит «практически использовать». И в этом – резкое отличие от Взрослого. Запросы Ребенка – это просто: «хочу – не хочу».

Наряду с Естественным Ребенком определим особый конструкт, имя которого присутствует в транзактном анализе, а содержание требует дополнительного уточнения. Мы говорим о «Свободном Ребенке»³. Мы предлагаем следующее понимание, проясняющее соотношение между Естественным и Свободным Ребенком (а в дальнейшем и Адаптированным Ребенком):

1) *Свободный Ребенок* (СД) – оборотная сторона Родительских влияний, представленная *силами сопротивления* (в ответ на запросы Контролирующего Родителя) и *силами роста* (в ответ на запросы Опекającego Родителя). Ограничения, накладываемые кем-либо извне на активность индивидуума, пробуждают противодействующие силы – «эффект бумеранга» (см. случай 1). Однако, из клинической и воспитательской практики известно, что недирективные формы обще-

---

³ Соотношение Свободного Ребенка и Естественного Ребенка, если отталкиваться от анализа текстов Эрика Берна и его последователей, может рассматриваться как повод для дискуссий. Э. Берн относит к обнаружениям Естественного Ребенка, наряду с «проявлениями творческого порыва», такие реакции, как «непослушание» и «бунт». Современные транзактные аналитики [20] в отдельных фрагментах своих текстов характеризуют «Свободного Ребенка» в точности так же, как Берн описывал своего «естественного Ребенка»; но у тех же авторов, в других фрагментах текстов, протестующие реакции индивида рассматриваются как проявления Адаптированного Ребенка («негативный адаптированный Ребенок», «Бунтующий Ребенок»).

ния с другим человеком, эмоциональная его поддержка («понимание и принятие» в терминах Карла Роджерса), обеспечивают поразительный рост его возможностей и притязаний, – эффекты самораскрытия индивидуальности. Сказанное позволяет соотнести конструкт «Свободный Ребенок» с выражением $\neg P$ ($CD = \neg P$), соответствующим элементу $\neg a_2$ базовой модели, различая силы «реактивного сопротивления» (если Родитель квалифицируется как Контролирующий, $KP > D$ или $KP || D$) и «силы роста» (в случае Опекающего Родителя, $OP \leq D$).

2) *Адаптированный Ребенок* (АД). Характеризуя приспособившегося (адаптированного) Ребенка, Э. Берн пишет, что «влияние Родителя выступает как причина, а приспособившийся Ребенок – как следствие». Ситуацию «Родительского влияния на Ребенка» и ее результат в виде устремлений Адаптированного Ребенка логично отождествить с равенством:

$$P \rightarrow ED = \sup\{\neg P, ED\} = \sup\{CD, ED\} \sim АД.$$

Левая часть этого равенства символизирует Родительское влияние на Естественного Ребенка, результатом которого является правая часть: то, чем в конечном счете является Адаптированный Ребенок.

Конструкция $P \rightarrow ED$ в базовой модели соответствует очень важная импликация $a_2 \rightarrow a_1$, характеризующаяся как «примитивный выбор», т.е. выбор, в котором не участвуют осознанные желания субъекта. Этот выбор осуществляется без участия рефлексии – как результат влияния психологической установки на воспринимаемое давление среды. Иными словами, это адаптированное восприятие давления среды под влиянием психологической установки субъекта, его прежнего опыта.

Далее могут быть выделены следующие разновидности Адаптированного Ребенка: Негативный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Контролирующего Родителя и Позитивный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Опекающего Родителя (рис. 3)

Позитивный Адаптированный Ребенок (AD_+) – это результат того, что Родитель культивирует Естественного Ребенка, исходя из его интересов, выступая как Опекающий Родитель. Тогда выполнимо неравенство $P \leq D$, и, таким образом, получается, что Позитивный Адаптированный Ребенок есть существо «идеальное»: $P \rightarrow ED = I$. Это психологически неочевидное следствие из принятой формальной модели означает, что взрослые, когда они воспитывают ребенка, предлагают лишь то, чего, по сути, хочет ребенок, и не требуют того, чего он не хочет сам. В этих условиях раскрываются «силы роста» личности. Когда родители говорят о своем ребенке: «Он (она) *идеально* слушается, ну просто «подарочный» ребенок» и т.п., – это означает только одно: не ребенок

подлаживает свои запросы под родителей, а родители подстраиваются под интересы ребенка.

Негативный Адаптированный Ребенок ($АД_-$) может заявлять о себе *пассивным* и *активным сопротивлением* Контролирующему Родителю. Мы называем *пассивным сопротивлением* такую реакцию Естественного Ребенка на Контролирующего Родителя, при которой первый сохраняет свои запросы неизменными, т.е. $АД_- = ЕД$. Отличительная черта *активного сопротивления* – это расширение интересов Естественного Ребенка в ответ на регламентирующие воздействия Контролирующего Родителя, т.е. $АД_- > ЕД$.

Существуют две ситуации, в которых обнаруживается пассивное сопротивление Естественного Ребенка: когда Контролирующий Родитель предъявляет «совершенные требования» ($КР = I$); в этом случае Естественный Ребенок лишь подтверждает свои прежние устремления, сопротивляясь давлению: $КР \rightarrow ЕД = СД \vee ЕД = \neg КР \vee ЕД = 0 \vee ЕД = ЕД$. Другой случай – полярная противоположность запросов Родителя и Естественного Ребенка ($КР = \neg ЕД$), в этом случае $КР \rightarrow ЕД = \neg КР \vee ЕД = \neg \neg ЕД \vee ЕД = ЕД$. Эти ситуации – источник многих берновских «игр», например, «Я всего только пытался Вам помочь», и «ответных» «игр», таких как «Да, но...», «Неимуший», «Калека», «Дурачок». Последний из рассмотренных случаев (поляризация запросов Родителя и Дитя) поясняет феномен удивительного упрямства, свойственного мужьям, которых «перевоспитывают» их жены, и специфической логики, проявляемой женами, когда их пытаются «переделать» мужья...

Во всех других ситуациях Естественный Ребенок активно сопротивляется распоряжениям Контролирующего Родителя, причем он никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя, «адаптация» не означает механического копирования интересов последнего. Иначе говоря, Адаптированный Ребенок представляет собой особую инстанцию личности, в которой синтезированы интересы Естественного и Свободного Ребенка.

Следующий конструкт, на который наталкивает нас работа с базовой моделью выбора, описывает Взрослого и позволяет нам охарактеризовать интегральный запрос субъекта как результат композиции запросов Взрослого, Родителя и Ребенка.

Раскрепощенный Взрослый (РВ). Возможность и желательность введения этого нового для транзактного анализа конструкта обусловлена формальными возможностями базовой модели выбора. При преобразовании исходной функции $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ к виду $A1 = a3 \& \neg a2 \vee a1$, появляется новое выражение « $a3 \& \neg a2$ », которое подсказывает психологу необходимость содержательно осмыслить это знакосочетание. В транзактной версии выражение « $a3 \& \neg a2$ »

имеет вид $B \& \neg P = B \& CD$. Перед нами то, что может быть названо союзом *Взрослого и Свободного Ребенком*: когда $P > D$ или $P \parallel D$ – имеется в виду *согласование запросов Взрослого и сил сопротивления Ребенка*; при $P \leq D$ – согласовываются запросы *Взрослого* и *силы роста Ребенка*. Речь, по сути, идёт о субъекте «надситуативной активности» (см. В.А. Петровский [14]). В силу того, что $a3 \& \neg a2 = \neg(a3 \rightarrow a2)$, т.е. $B \& \neg P = \neg(B \rightarrow P)$, получаем: *Раскрепощенный Взрослый* – противоположность *Авторитарному Родителю* – чем слабее Авторитарный Родитель, тем сильнее Раскрепощенный Взрослый.

Это понятие, рожденное в ходе, казалось бы, чисто технической работы по выведению значимых следствий из формальной модели, приобретает совершенно особый статус в рамках транзактной версии. Оно позволяет, в конечном счете, ответить на фундаментальный вопрос: что психологически представляет собой «*функция готовности субъекта к выбору*», символизируемая выражением $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$? Тождественно преобразуя $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ в $a3 \& \neg a2 \vee a1$, мы можем интерпретировать $A1$ как **совместный запрос Раскрепощенного Взрослого и Естественного Ребёнка**. Содержательное осмысление символа $A1$ приводит нас таким образом к идее целостного запроса Личности (Л), что может быть выражено формулой:

$$Л = (B \rightarrow P) \rightarrow D = PB \vee ED.$$

Все ранее сказанное представляло собой первую попытку перевести символы базисной модели выбора $a1, a2, a3, \neg a2, \neg a3, a3 \rightarrow a2, a2 \rightarrow a1$ на транзактный язык и осветить непосредственные результаты подобной интерпретации. Здесь уместно привести таблицу, суммирующую введенные интерпретации.

Проблема действенности запросов субъекта

Опираясь на опыт предпринятого в [5, 6] исследования базовой модели выбора, выявим значимые последствия ее транзактного осмысления для понимания личности и содействия ее росту.

Основным конструктом интерпретации базовой модели является «реалистический выбор» субъекта, – такой выбор, при котором он может реализовать свои интенции, осуществить свои планы и желания [6]. Условие реалистичности выбора – выполнение равенства: $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a3$. Фундаментальное положение, вытекающее из базовой модели рефлексивного выбора, заключается в том, что «субъект имеет возможности сделать реалистический выбор, если его интенции лежат между реальным давлением мира и выбором примитивного субъекта: $a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1$ » [5].

Условие реалистического выбора в транзактной версии может быть «расшифровано» так: **Взрослый тогда реализует свои собственные за-**

Конструкции базовой модели	Интерпретация в базовой модели	Интерпретация транзактного анализа	Обозначения в транзактной версии
a1	Давление среды	Запросы Ребенка (Естественного ребенка)	Д, ЕД
a2	Представление о давлении среды	Запросы Родителя	Р, КР, ОР
a3	Интенции (желания субъекта)	Запросы Взрослого	В
$a2 > a1$ $a2 \parallel a1$	Завышенные или неадекватные ожидания	Запросы Контролирующего Родителя	КР: $P > D$, $P \parallel D$
$a2 \leq a1$	Заниженные и адекватные ожидания	Запросы Опекającego Родителя	ОР: $P \leq D$
$a2 \leq a1$	Заниженные и адекватные ожидания	Запросы Опекającego Родителя	ОР: $P \leq D$
$\neg a2$		Свободный ребенок	СД = $\neg P$
$\neg a3$		Иррациональные силы судьбы	$\neg V$
$a3 \rightarrow a2$	Самооценка	Авторитарный Родитель	$V \rightarrow P$
$a2 \rightarrow a1$	Примитивный выбор	Адаптированный Ребенок	$AD = P \rightarrow ED = \sup\{\neg P, ED\} = \sup\{CD, ED\}$
$a3 \& \neg a2$	Значения, противоположные самооценке	Раскрепощенный Взрослый	$PV = V \& CD$
A1	Готовность к выбору	Запрос Личности	$L = (V \rightarrow P) \rightarrow D$

просы, когда они не превышают запросов Адаптированного Ребенка и не уступают запросам Естественного Ребенка: $ED \leq V \leq AD$.

Для транзактного аналитика императив, вытекающий из этого положения, мог бы прозвучать как совет пациенту: «Никогда не вступайте в борьбу со своими естественными склонностями, но не притязайте на то, что превосходит ваши представления о допустимом, – и тогда вы обязательно добьетесь своего».

Проблема реалистичности интенций приобретает более широкий смысл, когда мы вводим понятие *действенности* запроса. Речь идет о реализуемости (реалистичности) запросов каждого из эго-состояний личности. Формально эти возможности также исследованы в работе [5]. Один из результатов, полученных при исследовании базовой модели таков: субъект подчиняется давлению мира, если это совпадает с его желаниями, т.е. $A1 = (a1 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1$. Отсюда следует, что Родитель не способен противостоять Взрослому и Ребенку, если они

имеют одинаковые запросы («сговорились»). Действительно, имеем: $(D \rightarrow P) \rightarrow D = (D \& \neg P) \vee D = D$ (согласно правилу поглощения [11]). В случае совпадения запросов Взрослого и Ребенка, они оба добиваются своего, совершенно независимо от запросов Родителя. По сути, союз Взрослого и Ребенка лишает Родителя права голоса.

Чисто психологически, впечатление того, что Родитель «исключен» из игры, усиливается, если помнить: $\neg P$ (Родитель-«наоборот») – это Свободный Ребенок, и, следовательно, выражение $D \& \neg P$ означает то же, что и выражение $E D \& C D$ выявляется пересечение запросов «Естественного Ребенка» и «Свободного Ребенка».

Итак, достаточно захотеть того, чего хочет ваш внутренний Ребенок, и вы всегда добьетесь своего, что бы ни думал по этому поводу и как бы ни критиковал вас при этом внутренний Родитель! Любопытно, что Родителю может казаться при этом, что он действительно противостоит Ребенку ($P \parallel D$) или преодолевает Ребенка ($P > D$), но Ребенок, объединившийся со Взрослым, все равно «берет свое».

Рассмотрим, при каких условиях выбор субъекта совпадает с запросами его Родителя. Речь идет о выполнимости условия: $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a2$, или, в транзактной версии: $(B \rightarrow P) \rightarrow D = P$. Из результатов формального анализа, проведенного в [5] на базовой модели выбора, следует, что это возможно, когда $B \leq D$, и $D = P$. Иными словами, субъект делает то, чего хочет его Родительская часть, если его Взрослые запросы не превышают Родительские, а Родительские – совпадают с запросами Ребенка. Кратко это можно выразить и так: Опекающий Родитель, который «договорился» с Ребенком, вполне устраивает Взрослого, – только в этом случае Родитель оказывается состоятельным.

Если запросы Взрослого и Родителя совпадают ($B=P$), то $(B \rightarrow P) \rightarrow D = (B \rightarrow B) \rightarrow D = I \rightarrow D = D$. Отсюда следует, что Взрослый и Родитель смогут добиться желаемого ($A1 = B = P$), если $D = B = P$. Итак, во-первых, равенство запросов Взрослого и Ребенка порождает готовность субъекта обнаруживать интересы Ребенка, и, во-вторых, если при равенстве запросов Взрослого и Родителя они претендуют на то, чтобы в итоге добиться желаемого, то это возможно лишь в случае совпадения их запросов с тем, к чему стремится Ребенок.

Условия наилучшего и наихудшего из выборов

Будем называть *наилучшим* («совершенным») такой выбор, которому соответствует наиболее развитый запрос на булевой решетке запросов – Единица ($A1 = I$), и соответственно *наихудшим* («пустым») – наименее развитый запрос, которому соответствует Нуль решетки ($A1 = 0$). Рассмотрим следующие вопросы.

А) Если Ребенок субъекта осуществляет наилучший выбор, то можно ли рассчитывать, что такова будет воля субъекта в целом? Ответ: не только «можно рассчитывать», но иного и быть не может, поскольку $(B \rightarrow P) \rightarrow I = I$, так как любое значение $B \rightarrow P \leq I$.

Этот вывод обыденному сознанию может показаться натяжкой или, в лучшем случае, вызвать снисходительно-скептическую улыбку, но в практике психологического консультирования данное утверждение получает существенную поддержку⁴.

При анализе базовой модели [5] отмечается то обстоятельство, что $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = I$ тогда и только тогда, когда $a3 \rightarrow a2 \leq a1$. При транзактном осмыслении этого неравенства, мы должны сделать вывод о том, что субъект осуществляет наилучший выбор тогда и только тогда, когда запросы Авторитарного Родителя ($B \rightarrow P$) не превосходят запросов Ребенка, т.е. когда иррациональные силы судьбы ($\neg B$) при объединении с запросами Родителя не перевешивают запросы Ребенка: $B \rightarrow P = \neg B \vee \leq D$. Отсюда важное следствие: если Авторитарный Родитель подавляет Дитя, т.е. если $B \rightarrow P > D$, то ничем не оправданы ожидания, будто субъект сможет «стать идеальным» (в этих условиях $A1 \neq I$); более того, в этом случае Авторитарный Родитель провоцирует субъекта вести себя совершенно «по-детски» (хотя и пытается навязать Ребенку нечто более респектабельное).

Б) При каких условиях субъект способен выбрать наихудшую альтернативу?

1) Если Естественный Ребенок склоняется к наихудшему выбору ($D = 0$), а Родитель навязывает ему наилучший выбор ($P = I$), то субъект всегда ведет себя «как Ребенок», т.е. делает наихудший выбор. Следовательно, чтобы спровоцировать человека, которому «ничего не хочется» (пассивный Ребенок) – так-таки ничего хорошего для себя и не делать, – нужно, чтобы Родитель его «был безупречен». (Таков, надо думать, исток знаменитой игры «Почему бы вам не?...» – «Да, но...», описанной Эриком Бёрном, но только проигрываемой индивидом с самим собой).

2) Полученный результат является частным проявлением более общего случая, когда Авторитарный Родитель принимает свои запро-

---

⁴ В транзактном анализе, при заключении «контракта на изменение клиента» терапевт принимает для себя следующие правила: «Цель контракта должна исходить из Взрослого при сотрудничестве Свободного Ребенка. Другими словами, она должна соответствовать нашему пониманию ситуации и способности взрослого человека и помогать удовлетворять потребности ... Ребёнка (клиента), а не отрицать их. Контракт, заключенный из Адаптивного Ребенка, будет почти во всех случаях способствовать усилению ...сценария. Поэтому контрактов из Адаптивного Ребенка следует избегать» ([20], стр. 281). Кроме того, необходимо задаться вопросом: «Понятна ли сформулированная вами цель восьмилетнему ребенку?» (там же).

сы за наилучшие ($B \rightarrow P = I$), а ребенок исходит из наихудших запросов ($D = 0$). Действительно, в такой ситуации «иррациональное» ($\neg B$) объединяется с «заимствованным» (P) и все это предъявляется Ребенку как некий идеал; поскольку же Ребенок абсолютно пассивен, это приводит лишь к «ничегонеделанию», дезадаптации, игнорированию возможностей нового опыта (само собой разумеется, такое случается, когда $B < P$).

Общий вывод таков: субъект будет предпочитать наихудшую альтернативу – пассивность, в полном соответствии с запросами его непритязательного Ребенка ($A1 = D = 0$), если запросы его Взрослого скромнее запросов его Родителя ($B < P$). Иными словами, нужно развивать своего Взрослого, если хочешь вырваться из болота апатии⁵.

В) Наконец, рассмотрим ситуацию, которая в базовой модели соответствует полной свободе выбора субъекта: при $a2 = 0$, $a1 = 0$, $A1 = (a3 \rightarrow 0) \rightarrow 0 \equiv a3$. Тогда субъект может реализовать любое свое желание, т.е. $0 \leq A1 \leq I$. Полная свобода – это неопределенность выбора, которая ведет к непредсказуемости поведения субъекта. Трансактная интерпретация этого неравенства такова: если пассивны как Ребенок, так и Родитель, то Взрослый полностью свободен. Он не ограничен в своих запросах: от полной пассивности до самых наивысших стремлений. Это тоже свобода выбора, это та же непредсказуемость и, возможно, хаотичность поведения.

Перспективы разработки трансактной модели рефлексивного выбора

Можно предположить, что Взрослый, Родитель и Дитя способны враждовать, сотрудничать и даже подражать каждый каждому. В этом случае перед нами противники или партнеры, вступающие в отношения взаиморефлексии и, соответственно, управления друг другом. Можно выделить до-рефлексивное (исходное) и пост-рефлексивное состояния субъекта. Имитации, конфронтации, компромиссы и обострения во взаимоотношениях между эго-состояниями личности составляют существо перехода из до-рефлексивного в пост-рефлексивное состояние.

Прослеживая последовательность рефлексивных подстановок, коалиций и конфронтаций во взаимоотношениях между элементами B , P и D [17], мы проясняем логику построения и функционирования «Интегрированного Взрослого» [8], [20]. Это – центральное образования человеческой личности, понятие о котором, в силу, казалось бы, его непобедимой неопределенности и расплывчатости, образует особую проблему психологической теории.

---

⁵ Один психотерапевт высказался замечательно: «Не надо силой клиента тащить из болота. А вдруг там его дом?!»

В заключение отметим: сохраняя неприкосновенной общую форму базовой модели рефлексивного выбора, основанную на схеме двойной импликации, предложенной В.А. Лефевром, можно осуществить несколько вариантов замещения ее переменных транзактными «элементами» В, Р, Д, тем самым порождаются многообразные модели «рационального» («сверхсовершенного») и «иррационального» человека (психопатические, психотические и др. расстройства) [18].

Литература

1. *Lefebvre V.* The Fundamental Structures of Human Reflexion. /The Structure of Human Reflexion: The Reflexional Psychology of Vladimir Lefebvre. Peter Lang Publishing, 1990, pp. 5–69.
2. *Lefebvre V.* Algebra of Conscience. Dordrecht/Boston/London.: Kluwer Academic Publ. – 2001.
3. *Лефевр В.* Космический субъект. – М.: Ин-квартио. 1996.
4. *Taran T. A.* Many-Valued Boolean Model of the Reflexive Agent // J. Multi. Val. Logic. OPA N.V. Gordon and Breach Science Publ. 2001. Vol. 7. pp. 97–127.
5. *Таран Т.А.* Многозначные булевы модели рефлексивного выбора / Рефлексивное управление / Сб. статей. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. с. 122–132.
6. *Таран Т.А.* Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. №10. с. 103–117.
7. *Берн Э.* Групповая психотерапия. – М.: Академический Проект. 2000.
8. *Берн Э.* Транзактный анализ в психотерапии. – М.: Академический Проект. 2001.
9. *Берн Э.* Секс в человеческой любви. – Институт общегуманитарных исследований, М., 1997.
10. *Гулдинг Р., Гулдинг М.* Психотерапия нового решения. М., 1997.
11. *Биркгоф Г.* Теория решеток. – М.: Наука, 1984.
12. *Гретцер Г.* Общая теория решеток. – М.: «Мир», 1982.
13. *Перлз Ф.* Гештальт семинары. – Институт общегуманитарных исследований, – М. 1998.
14. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. – М.: РОУ, ТОО «Горбунок», 1992.
15. *Петровский В.А.* Философия «Я»: транзактный подход / Послесловие к книге Э. Берна «Групповая психотерапия». – М.: Академический Проект. 2000.
16. *Петровский В.А.* Метасловарь транзактного анализа / Предисловие к книге Э. Бёрна: «Транзактный анализ в психотерапии». – М.: Академический Проект, 2001.
17. *Петровский В.А.* Транзактная модель рефлексивного выбора / Рефлексивные процессы и управление. Тезисы III Международного симпозиума 8-10 октября 2001 г., Москва.
18. *Петровский В.А.* Э. Берн и В. Лефевр: опыт соотнесения двух моделей субъектности / Тезисы конференции по практической психологии. Москва, МГУ, 2002.
19. *Петровский В.А.* «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору / Тезисы конференции по практической психологии. Москва, МГУ, 2002.
20. *Стьюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. – С.-Пб., 1996.

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЧЛЕНОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСИИ

© Тим Б. Кайзер, Стефан Е. Шмидт (*Германия*)

Тим Б. Кайзер
Physical Science Laboratory,
New Mexico State University
and Darmstadt University of
Technology

Стефан Е. Шмидт
Physical Science Laboratory,
New Mexico State University
and University of Mainz

Введение

При моделировании процесса рекрутирования новобранцев-террористов мы неизбежно сталкиваемся с проблемой учета психики человека. Традиционно принятие решений человеком рассматривается как процесс оптимизации полезности, основанный на рациональных соображениях, однако при этом полностью игнорируются моральные аспекты поведения, что не позволяет адекватно описать ситуацию для случая привлечения новых членов в террористические организации. Например, миссия, связанная с самоубийством, требует от исполнителя полной готовности добровольно принести себя в жертву, а это уже выходит далеко за пределы концепции homo economicus.

Теория рефлексии [3, 4] дает возможность моделировать поведение человека, принимая во внимание как внешние, так и внутренние, моральные, аспекты. Именно по этой причине мы решили использовать понятия рефлексивного подхода, чтобы попытаться формально описать процессы набора и вступления в ряды террористических организаций. В отличие от принципа оптимизации полезности, принцип рефлексии предполагает, что субъект стремится достичь состояния конгруэнтности между «Я» и внутренним образом себя.

Ниже мы покажем, как на практике осуществляется набор в террористические организации. Затем кратко опишем элементы теории рефлексии, важные для понимания нашей модели, и, наконец, представим саму модель.

Практика рекрутирования в ряды «Алькаида»

В описании процедуры рекрутирования, принятой в «Алькаиде», мы воспользуемся данными статьи Дж. Даймонда и Т. Лоуси «Основа Алькаида – небольшое ядро избранных», опубликованной в *USA Today, Thursday, September 19, 2002* [1], и дополним их рядом интересных наблюдений, которые приведены в работах [2, 6].

Система набора террористов

«Алькайда», опасаясь проникновения спецагентов, предпочитает пополнять свои ряды за счет учащихся и выпускников школ при исламистских центрах и мечетях, разбросанных по всему свету. Сначала кандидату в члены организации предлагается поступить в какое-либо заведение при обычной или военизированной мечети. Затем «Алькайда» через работодателей, религиозных лидеров, друзей и родителей собирает все необходимые сведения об интересующем ее кандидате. Если потенциальный кандидат не вызывает доверия, то сотрудник «Алькаида» никогда не откроет ему своей принадлежности к этой организации.

До начала операции вооруженных сил США в Афганистане традиционным местом обучения рекрутов «Алькаида» была школа радикальных исламистов в Пакистане. Выпускников школы переводили в пансион «Алькаида» и далее в один из полудюжины лагерей на территории Афганистана. После шумной приветственной церемонии, сопровождающейся оружейными салютом, будущие террористы приступают к тренировкам. Базовый курс подготовки рассчитан на полгода; некоторые кандидаты продолжают обучение по более сложной программе. Курсы подготовки террористов включают: похищение людей, убийство политических и общественных деятелей, угон воздушных судов и наземных транспортных средств, работа с взрывчатыми веществами, шифровальное дело, финансовые операции с использованием секретных банковских счетов.

Как стать террористом

Хотя тесты способностей и тесты на детекторе лжи не применяются, каждый «охотник за талантами», тем не менее, имеет на вооружении набор строгих и жестких методов проверки благонадежности кандидатов, включая анализ биографических данных, опрос друзей и родственников, индивидуальное собеседование и пр.

Как свидетельствуют официальные лица, знакомые с методами «Алькаиды», правило # 1 рекрутирования гласит: «Мы не принимаем добровольцев – «Алькайда», так или иначе, сама найдет Вас».

По данным ЦРУ, «Алькайда» использует различные методы и прилагает все усилия к тому, чтобы предотвратить проникновение вражеских агентов в свои ряды. Рекомендательные отзывы, как и при поступлении в американские университеты, имеют большое значение. Кандидаты должны отвечать минимальным стандартным требованиям, во время обучения они пользуются различными льготами и привилегиями, включая встречи с высшим руководством организации.

Подобно тому, как это имеет место в мафии, будущие члены «Алькаиды» дают письменную клятву быть преданным организации и хранить в тайне любые сведения о ней. Разведывательным службам США удалось достать образцы подобной клятвы. В гангстерском сообществе такую клятву называют «омерта», или закон молчания. В «Алькаиде» принято название «байят» – это письменное обязательство следовать всегда и во всем за Осамой бин Ладеном. Отступника ждет смерть.

Состав кандидатов

«Алькайда» имеет тысячи сторонников и активистов нижнего уровня, которые действуют во многих странах мира. Американцы – члены группы «Лакаванна» – особенно ценны для «Алькаиды», так как их заграничные паспорта позволяют беспрепятственно передвигаться из страны в страну, перевозя инструкции и деньги для местных ячеек организации, и снова возвращаться в США. Ядро всей организации, однако, на удивление мало – не более двухсот человек, обладающих всеми властными правами.

Кто может стать кандидатом

Вот некоторые требования, предъявляемые к кандидатам в члены «Алькаиды»:

- мужчина, мусульманин, в возрасте от 18 до 30 лет;
- готовность умереть;
- способность исполнять приказы;
- настойчивость, терпеливость и дисциплинированность;
- «холодная голова».

Для американцев вступление в организацию особенно затруднено из-за боязни проникновения агентов ЦРУ. Если в отношении кандидата возникли какие-то сомнения, то «Алькайда» немедленно организует наблюдение за ним, чтобы убедиться, что его поведение и связи не представляют опасности для организации. Некоторые представители правоохранительных органов (например, г-н Линдх) и шесть членов группы «Лакаванна» имели возможность видеть бин Ладена в одном

из афганских лагерей «Алькаиды». Все они в один голос утверждают, что американцам никогда не добраться до ядра организации, хотя им и удалось преодолеть некоторые незначительные барьеры.

Квадратическая модель

Начнем с мотивационного обоснования квадратической модели (сравни с [5, гл. 15]) и введем понятие динамической независимости. Пусть f есть действительная функция n переменных $x_1, \dots, x_n$. Мы утверждаем, что x_i динамически независима от f , если i -я частная производная f существует и не зависит от x_i .

Пусть R есть функция, отображающая *готовность* (действовать) субъекта. В теории рефлексии R является функцией трех переменных a_1, a_2 и x на единичном интервале, где a_1 описывает давление мира на субъекта в данный момент, a_2 – представление субъекта о давлении мира, x – *интенция* субъекта. Далее, пусть t есть субъективная модель будущего, которая отображает интенцию x на элемент единичного интервала; $t(x)$ интерпретируется как субъективная *оценка будущего*.

В теории рефлексии постулируется динамическая независимость переменных a_1 и a_2 (давлений мира) функции готовности R , и соответственно $R(1, a_2, x) = 1$, $R(0, 1, x) = 0$, и $R(0, 0, x) = t(x)$ для всех a_2, x . Из этого вытекает следующее выражение для R (ср. с [4, с. 3-7]):

$$R(a_1, a_2, x) = a_1 + (1 - a_1)(1 - a_2)t(x).$$

Наша модель базируется на предположении о том, что $t(x)$ является квадратическим многочленом от x , который удовлетворяет граничному условию, а именно: t отображает множество экстремальных значений $(0, 1)$ на $(0, 1)$. Это порождает четыре типа моделей, соответствующих субъективным бинарным оценкам будущего. Введем α как *показатель оптимизма* субъекта в ситуации с невыраженной интенцией, то есть $\alpha = t(0,5)$. В контексте описания террористической деятельности этот показатель мы будем называть показателем фанатизма.

Аксиома существования и единственности: Для любого α на единичном интервале и любых двух бинарных величин β и γ на множестве $(0, 1)$ существует единственная модель будущего, обозначаемая t и удовлетворяющая $t(0,5) = \alpha$, $t(0) = \beta$ и $t(1) = \gamma$. Пара $K = (\beta, \gamma)$ описывает тип t ; для t мы также будем пользоваться записью ta_K . Лефевр [5] называет четыре возможных типа моделей: I = (0,0), II = (1,1), III = (0,1) и IV = (1,0). С учетом ранее сказанного, можно утверждать, что субъективная модель будущего целиком зависит от оценок будущего субъектом и степени его фанатизма.

При данном давлении мира a_1 и представлении о давлении мира a_2 субъект в состоянии сделать *намеренный выбор*, если его намерение (интенция) совпадает с его готовностью, то есть $X = R(a_1, a_2, X)$.

А теперь посмотрим, как можно интерпретировать эти четыре типа моделей в ситуации принятия решения террористом.

- I. Совершу я террористический акт или не совершу, я все равно погибну: $m(1) = m(0) = 0$.
- II. Совершу я террористический акт или не совершу, я все равно выживу: $m(1) = m(0) = 1$.
- III. Если я совершу террористический акт, я выживу; если не совершу – погибну: $m(1) = 1, m(0) = 0$.
- IV. Если я совершу террористический акт, я погибну; если не совершу – выживу: $m(1) = 0, m(0) = 1$.

В общем случае модель типа I описывает ситуацию выбора при выполнении смертельного задания на вражеской территории. В моделях III и IV никакие вычисления невозможны, пока не определена оценка $m(x)$ для некоторых сочетаний показателя фанатизма и готовности субъекта. Эти случаи можно интерпретировать как такие психологические состояния субъекта, в которых он не может сделать намеренного выбора, и поэтому его выбор непредсказуем (см. заштрихованные области на рис. 1 и 2).

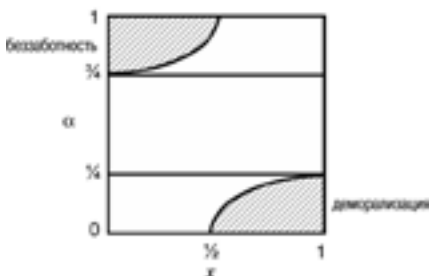

Рис. 1

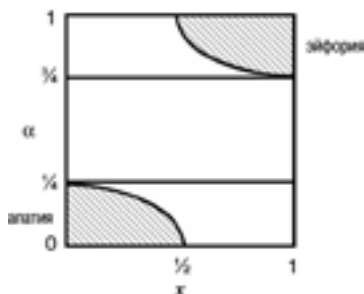

Рис. 2

Используем намеренный выбор как начало рекурсивной процедуры: значение интенции на первом шаге рекурсии задается $x_0 = X$, где $X = R(a_1, a_2, X)$ при фиксированных значениях a_1 и a_2 . Значение интенции в каждый последующий момент равно значению готовности в предшествующий момент:

$$x_{n+1} = R(a_1, a_2, x_n).$$

Моделирование процесса рекрутирования

Наша модель делится на три составные части: *пропаганда и индивидуальный выбор*, *основная проверка* и *проверка на стабильность*. Связи и взаимодействие этих частей показаны на рис. 3 (блоки а, б и с).

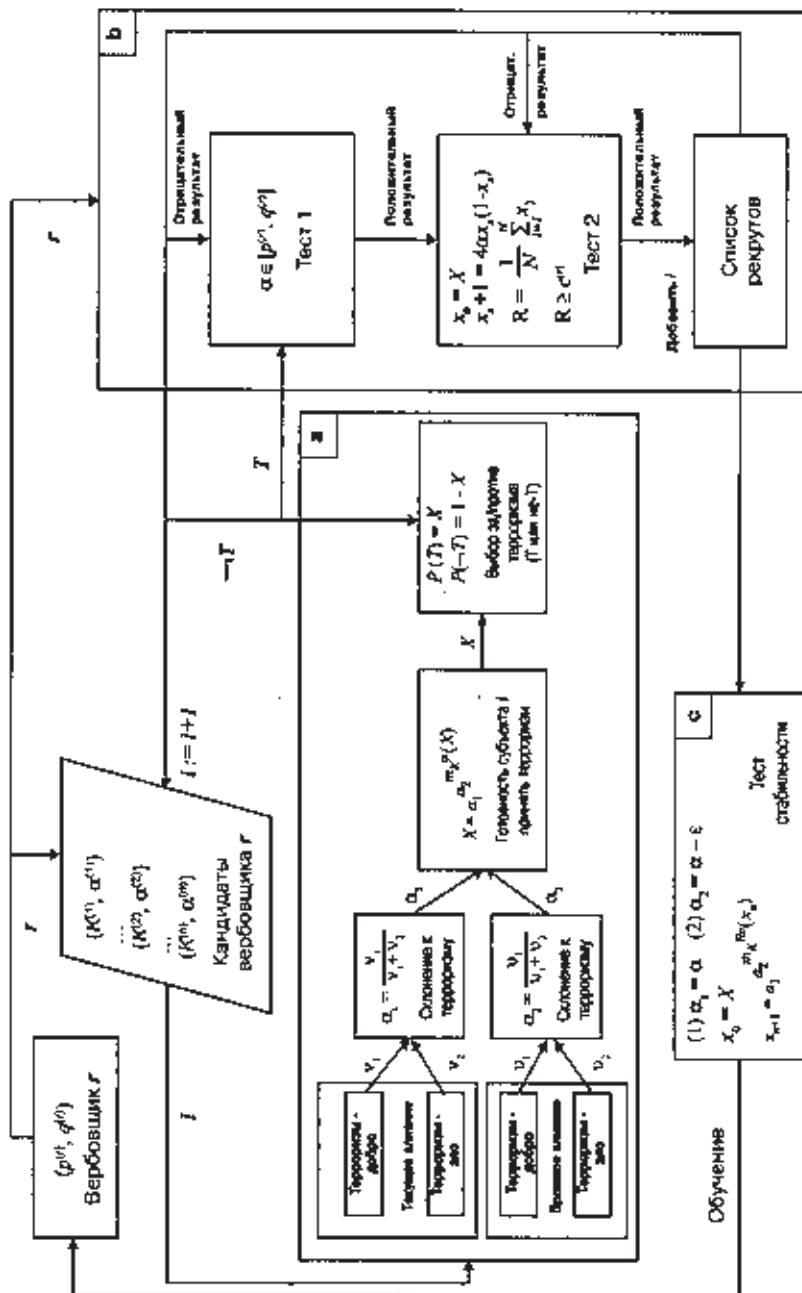

Рис. 3. Блок-схема процедуры рекрутирования

Пропаганда и индивидуальный выбор

Наша рефлексивная модель рекрутирования содержит элементы, которые мы называем источниками влияния на каждого потенциального кандидата: это пропаганда терроризма и антитерроризма, имевшая и имеющая место как в прошлом, так и в настоящем. Интенсивность пропагандистского воздействия зависит от взаимоотношений субъекта с близкими родственниками, друзьями и окружающим миром. Схематично социальное окружение показано в виде двух центров, оказывающих два типа давления на субъекта: первый тип склоняет к принятию терроризма как позитивной ценности, второй – как негативной ценности. По силе воздействия этих центров мы судим о прошлом и настоящем давлении в сторону терроризма.

В определенные моменты времени мы активизируем процессы индивидуального выбора на подмножествах сообщества субъектов. Моменты выбора могут быть детерминированы политическими событиями, а подмножества субъектов можно различать по их специфическим характеристикам, например, таким, как показатель фанатизма. Фиксированная точка X уравнения $X = R(a_1, a_2, X)$ представляет собой готовность выбора позиции, одобряющей терроризм. Если готовность каждого отдельного субъекта данного подмножества к выбору терроризма интерпретировать как вероятность, то значение этой вероятности можно оценить и трансформировать в фактическую позицию субъекта.

Основная проверка

Мы исходим из того, что рекрут еще до того, как он будет вовлечен в процедуру предварительного отбора, уже имеет некоторый показатель фанатизма (α). Малое значение α соответствует пассивному, пессимистическому отношению к терроризму, в то время как большое значение α свидетельствует о высоком уровне фанатизма, характерном для так называемых «горячих голов». Как пишут авторы статьи в *USA Today* [1], «Алькайда» не стремится рекрутировать исполнителей с очень высоким показателем фанатизма α , отдавая предпочтение тем, у кого этот показатель находится в некотором определенном диапазоне, указывающем на терпеливость, настойчивость и дисциплинированность кандидата.

Субъект с приемлемым уровнем α подвергается интенсивной проверке. Эту ситуацию мы моделируем как дискретный динамический процесс, в котором субъект ставится перед моральным выбором (модель типа I) и при этом испытывает сильное давление в сторону негативного полюса ($a_1 = a_2 = 0$). Таким образом, мы имеем рекурсивное выражение при $x_0 = X$ и $x_{n+1} = R(0, 0, x_n) = 4\alpha x_n(1 - x_n)$, где $n = 0, \dots, N-1$

(N – число проверок). Как уже говорилось, значение интенции в каждый последующий момент равно значению готовности в предшествующий момент. Кандидат считается выдержавшим проверку, если его средняя готовность выше некоторого заданного порога. Кандидаты, успешно преодолевшие все проверки, отправляются в *тренировочный лагерь*.

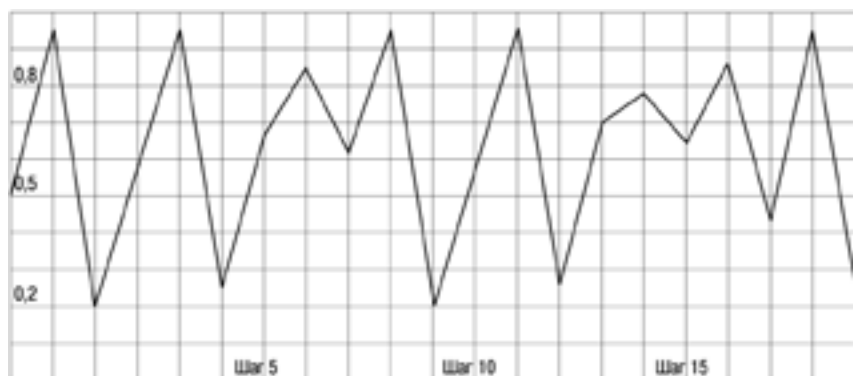

Рис. 4

На рис. 4 показан динамический процесс для кандидата с показателем фанатизма $\alpha = 0,95$ и начальной интенцией $X = 0,5$. По горизонтальной оси графика отложены номера проверок (всего 20 тестов), по вертикальной – баллы (на единичном интервале), набранные кандидатом в каждом тесте.

Проверка на стабильность

Последний этап проверки – оценка надежности кандидата в экстремальных тренировочных условиях. Исходя из предположения, что показатель фанатичности кандидата претерпевает некоторые изменения в процессе тренировок, мы изменили исходное значение α на α' . Затем мы одновременно запустили динамические процессы

$$\begin{aligned} x_{n+1} &= R(0, 0, x_n) = m(x_n) \text{ при } \alpha = m(0,5) \text{ и} \\ x'_{n+1} &= R'(0, 0, x'_n) = m'(x'_n) \text{ при } \alpha' = m'(0,5). \end{aligned}$$

Кандидаты, у которых значение рекурсивного выражения выходило за границы единичного интервала, исключались из рассмотрения. Для остальных кандидатов вычислялась сумма $s \mid x_n - x'_n \mid$ ($n = 0, \dots, N-1$) как мера нестабильности. Величина $\min(s, 1)$ интерпретируется как вероятность отсеивания кандидата. Если кандидат проходил испытание на стабильность, то он становился членом террористической организации.

Это первая модель процесса рекрутирования террористов, разработанная нами в рамках теории рефлексии. Мы надеемся, что после некоторых доработок она станет эффективным инструментом анализа и моделирования процессов рекрутирования в террористические организации. Заканчивая статью, мы хотели бы показать несколько экранных распечаток компьютерной программы (рис. 6), реализующей описанную выше модель.

Три больших квадрата слева – это места вербовки террористов, маленькие квадратики – кандидаты на прием в террористическую организацию. Оттенком обозначен статус кандидатов. Тренировочный лагерь – место, где проводится проверка на стабильность.

Литература

1. *Diamond, J. and Locy, T.* (2002). Al-Qaeda has a small, selective core // USA Today. Thursday, September 19, 2002.
2. *Hudson, R.A.* (1999). Who becomes a terrorist and why. The Lyons Press.
3. *Lefebvre, V.A.* (1982/2001). Algebra of Conscience. Reidel/Kluwer.
4. *Lefebvre, V.A.* (1992). A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity. Edwin Mellen Press.
5. *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер. с англ. – М., Когито-центр. 2003, 426 с.
6. *Williams, P.L.* (2002). Al-Qaeda. Brotherhood of Terror. Alpha.

ЧЕЛОВЕК, ИГРАЮЩИЙ В ПОЧТИ ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО: «В КАЗИНО ЧУЖИЕ ВСЕ»

© В.Л. Рабинович (Россия)

Институт человека РАН,
главный научный сотрудник,
доктор философских наук,
профессор

Что я имею в виду? Конечно же, *Homo ludens* Йохана Хёйзинги (1872-1945), опубликовавшего своего *Человека играющего* в 1938 году - спустя 72 года после того, как увидел свет «Игрок» Достоевского. И потому *человек играющий* нидерландского историка никак не может быть объемлем романным пространством русского автора. Причем не только *человек играющий*, но и *просто* играющий человек не есть *игрок*, как веселие радости несовместно с потным азартом одержимости. Ни в каком смысле.

А этимологически – и вправду *почти*. А раз *почти*, то не воспроизведу ли я в этом моем названии банальнейшее и всех, какие только есть, *ведов*, облегчающее им их унылую жизнь? В частности, *достоеведов*. Достоевский и Толстой и – далее везде: ...и Мережковский, ... и Бердяев, ... и Гроссман, ...и Бахтин; Достоевский и Волгин наконец! Но не то же ли в моём случае – Достоевский и Хёйзинга? Решительно нет! Это всего лишь *настройка на тему*. И лишь для того, чтобы отличить *играющего* от *игрока*.

И все же *почти* как начало речи. Но *почти* не есть *и*, потому что ближе к тождеству с едва заметным отличием, а, значит, даже и не близким, но никаким *и* не сближаемым. Потому что ни одно сущее в костыле не нуждается. В том числе и Достоевского «Игрок». Не нуждается этот самый «Игрок» и в ближайших тематических первоисточках: «Эликсиры сатаны» и «Счастье игрока» Гюфмана, «Маскараде» и «Тамбовской казначейше» Лермонтова, «Шагреневого коже» и «Отце Горио» Бальзака, «Пиковой даме» Пушкина наконец! И даже в биографических «совпадениях», позволяющих услышать в Полине из «Игрока» горделивую Аполлинарию.

«Игрок» самоценен, как самоценно все значительное. Но лень ума связывает. Связывает пусто и скучно. Не трата труда, и потому без интеллектуальных преград, но с умыслом, потому что веды хотят *ведать*. А у человека *играющего* умысла нет. У *игрока* же только он – умысел и есть. И лишь одна аналогия возможна: *Висбаден – Рулетенбург* в томлении по Монте-Карло, ждущему своего часа...

Итак, *только* «Игрок» и *только* Достоевского. И ничто иное. Но... в ответах *другой игры* – культуротворящей. Словотворящей и словотворимой, метафорически отпечатленной в латиноподобии Homo ludens. Игры, вброшенной в темень фашизма, начавшего не *призрачно бродить*, а реально маршировать по мостовым европейских стран под сенью (точнее – тенью) того самого *бесовства* того самого *светоча тьмы*. (Напомню еще раз: книга Хёйзинги вышла в 1938 году.)

Итак: Достоевский – автор без *и*, «Игрок» без *и*, Достоевский без самого себя *бытующего*. *Никого не будет, кроме...* «Игрока» Достоевского. Но – в сумеречно-светлом *бытийстве* культуры, которая будет здесь маркирована как радостная и веселая игра (вся целиком?) и воодушевлена ее субъектом – *Человеком играющим* (только ли им одним?), а потому не без Хёйзинги – точнее, не без его Homo ludens'a. Но не через *и*. А в свете-отсвете-отзвуке... Между *прочим*. Между *делом*. Но таким прочим, которое *упрочит* все иное, наличествующее в культуре, становящееся единственным (?) *делом* – веселым и радостным. Упрочит, но и разыграет. Растворит... И тогда этому самому спасительно-удобному и не проскочить меж.

А и Б сидели на трубе... Так приладим же А к Б. Без этого и. И тогда, может быть, что-то сделается.

ABgemacht!..*

*

А теперь с Homo Ludens и начнем, настраиваясь и – надеюсь! – *настраивая на тему*. В едва просвечивающемся зазоре этого мучительнейшего *почти...*

Речь о философской антропологии или, точнее, культурантропологии при понимании культуры как неизбывной игры в ней. Или, может быть, не столько в ней, сколько культуры как тотальной игры. И тогда *игра в культуре* или *культура как игра* в каждом своем производительном акте?

Для Хёйзинги это *почти* зеноновская апория, теоретически не разрешимая. Зато именно в силу своей апорийности эта исходная бивалентность дает возможность автору – историку по преимуществу – оставаться не столько теоретиком культуры, сколько ее морфологом,

---

* Нем: решено! (прим. редакции).

подмечающим в истории культуры все: и ее до-логическую онтологичность, и игровую ее составляющую в виду *неигрового* («серьезного») ее содержания. *Только* в виду *неигрового* возможно игровое. Но игра – это серьезно. Ведь *только* она дарует радость истории, могущую быть только на свободе.

Но представить всю культуру игрой заманчиво, как заманчиво быть всецело свободным. А если *всё* – игра и *всё* – свобода, то нет ни той, ни другой. И впрямь: игра и свобода самоопределимы *только* на фоне *не* игры и *не* свободы. Однако рассуждения уже вне текста Хёйзинги. Но имеются в виду: пафос тотален, а этос податлив. Концепты и факты всегда не в ладу. Лишь жизнь умиротворяет эти *разломы* – *разлады*. И не просто жизнь, а жизнь историка Хёйзинги. *Почти* игра, но столь же *почти* и *не*игра. «История – значит почти видеть людей былых времен» (И. Тэн). Для Хёйзинги в этом «почти» суть исторического видения.

А уж если игра, то действительно игра! Она празднична, загоризонтна. Душевно полна. Всклени и через край...

Но игра со священным – серьезна до боли, как у Франциска Ассизского (1182-1226), который играл с фигурой Бедности. Так *то ли это?*..

«Та иль эта?» / Я не разбираю. / Все они / Красотою, как звездочки, блещут», – напевает Герцог из «Травиаты». И пусть себе напевает, потому что все зыбко. И эта зыбкость – тоже игра *Человека играющего*, придуманного Хёйзингой, который сам подстать своему герою – играющему всерьез.

«На разрыв аорты» (Мандельштам), в виду «полной гибели» (Пастернак).

Для фашиста, подступающего к каждому такому Номо с наручниками и кандалами, такая вот свободная игра – «как нож козлу».

Игра – неспособность к игре. Эта антиномия синонимична иной, хотя и подобной, паре: *быть в культуре – не быть в ней*. При этом неспособность к игре, что очевидно, не означает серьезности. Если неспособность к игре внекультурна, то серьезность как *неигровое* *со-возможно*. (Если, конечно, серьезность не абсолютна. Тогда она просто «ложный символ».)

Игра у Хёйзинги непринудительна, потому что допускает возможность выбора – *не* играть, то есть быть *не* игровым («серьезным»?) И в этом – залог *не*фанатизма. Противоположное (фанатизм) – *memento mori** культуры, а в ней и *человека играющего*.

Нечаянная радость игры и ее *веселие*. Кошка играет собственным хвостом как с существом, живущим самостоятельной жизнью. Дарвинисты скажут, что так она тренирует себя для будущих охот на настоящих мышей. Может быть... Но ведь играет! Вот сейчас, на узком подокон-

* Лат: помни о смерти (прим. редакции).

нике. Просто так. Живет... Но миг становится серьезной при виде собаки – своего классового врага. Зрачки чернеют, заливая чернотой секунду назад янтарные, а теперь остекленевшие от праведного гнева, глаза. А ведь только что был хвост и радость игры с ним. Две – вослед одна другой – кошачьих жизни: *в игре и вне игры*. Неопровержимое возражение Герману из «Пиковой ...» (оперы), драматическим тенором возгласившему: «Что наша жизнь? – Игра...» (И далее, что все помнят: «Добро и зло – одне мечты...»).

Подбираемся к иным – достоевским – играм. Но пока – Хёйзинга об этих *иных играх*. Без их детских радостей, наивных непосредственностей звонко-колокольчатых и небесно-васильковых веселий.

XIX век. Время развития коммерческих начал в европейской жизни, глубоко связанной со становлением капиталистических отношений. Каково там было с игрой?

Вот что он пишет: «Игра в карты отличается от игр на доске тем, что в картах не исключена роль случая. В той мере, в какой эта игра является азартной, она по своему настроению и как род духовного занятия граничит с игрой в кости, мало подходящей для организации клуба или публичного соревнования. И, напротив, там, где карточная игра требует работы мысли, она вполне допускает такой ход развития».

Итак, азарт и мысль, случай и мысль... Но азарт и случай – ступор мысли. А *игрок* (теперь уже едва ли *только играющий*) хочет стреножить риск азарта и своеволие случая. Но мысль не для стреноживания. А испробовать ее для этого желается. До седьмого пота желается. Но пот безрадостен. Если только это не футбол. Да и то... Коллизия *игры–к-смерти*. Игры для дела. Игра как дело? Возможно ли? Игра как снятие игры. Так ли?

Деловые игры...

Далее он же об игре в бридж: «Бридж, с его участниками и системами, крупными профессиональными тренерами, стал *убийственно серьезным делом*. (курсив мой. – В.Р.) Место, которое бридж занимает в сегодняшней жизни, должно означать, по-видимому, неслыханное усиление игрового элемента в нашей культуре. На самом деле это не так. Чтобы действительно играть, человек должен, пока он играет, снова быть ребенком. Можно ли утверждать это относительно увлечения подобной крайне рафинированной игрой? Если нет, тогда здесь игре не хватает самого существенного качества».¹

¹ Цит. по: Йохан Хёйзинга. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., «Прогресс-Академия», 1992. С. 223, 224. Перевод с нидерландского и примечания В.В. Ошиса. С замечательным послесловием Г.М. Тавризян.

Абсолютная серьезность (при *абсолютности* выбора нет: *не* играть нельзя!) А детская радость игры не абсолютна (и потому выбор есть: можно и *не* поиграть).

Но... в путь – к «Игроку» и «русской рулетке»...

*

Русская рулетка... Не денежная. Смертная – «у жизни на краю» - игра. Не на жизнь – на смерть.

О такой вот рулетке в мои литинститутские 60–е годы рассказал мне мой учитель Илья Львович Сельвинский (1899-1968), в мастер-классе которого я тогда учился.

Это было в начале 20-х. Трое молодых дураков – рассказчик, Семен Кирсанов (1906-1972), третий не запомнился (мне) – на каком-то замоскворецком пустыре решили сыграть в смерть *на троих*. И сыграли. У кого-то из них был револьвер системы *наган* (изобретенный одноименным бельгийцем) образца 1895 года с вращающимся барабанным магазином на семь патронов и калибром 7,62 мм. (Почему-то все эти технические параметры остались в памяти, и вот уже лет сорок как в ней.)

Что было дальше, догадаться нетрудно. Зарядили одним патроном, вложив его в одно из семи гнезд, до того надежно пустых. Крутанули. По жребии установили очередь: первым выпало Сельвинскому, второму – тому, кого не запомнил (не Маяковскому ли? Но точно все равно не помню), а третьему – Кирсанову. Русская рулетка началась. Первый выстрел (все выстрелы условились производить в правый висок и самолично в свой) оказался выигрышным – пустым. Второй – тоже. Шансы уйти в смерть возрастали. Третьим испытать судьбу предстояло Кирсанову. Получив из рук второго револьвер системы *наган* образца 1895 года с вращающимся барабанным магазином о семи гнездах и калибром 7,62 мм, очередник тут же его бросил наземь. «Не буду», – заявил он. «После сего – рассказывал Илья Львович, – товарищи по рулетке долго и подробно били Семку Кирсанова. И перестали только тогда, когда проверили, чем бы закончился для Семки его несостоявшийся выстрел, если бы таковой состоялся. Выяснилось, что плачевно. Пожалели наперед и бить перестали».

Вот какие они были дураки. Но третий, так сказать, по мере поступления поумнел, хотя и оказался большой скотиной.

Игра в смерть. С выбором *не играть*. И даже по ходу самой игры. Правда, ценою получить товарищеских фингалей. (Могут справедливо возразить: фингалей не дают, а навешивают. Согласен... Простите.)

Но... игра на фоне случая, вероятность которого истаивала по ходу дела, однако все же оставалась, потому что барабан был на семь гнезд, а патрон все-таки один...

«Блаженный ужас» (воспользуюсь оксюмороном Бл. Августина) с холодной испариной на челе каждого из играющих в виду смертельной пули с грохотом и дымком.

Кто же они: *человеки играющие* или *игроки*? Дети неразумные или пытатели судьбы? Зато – бесшабашно, как случится, за здорово живешь – умрешь...

Vita mortua. Смертная жизнь игры...

Зато – *рулетка русская*...

*

Рулетенбург. Город вокруг игорного заведения. Рулетка – эпицентр этого города. Более того: центр – рулетка, концентрические вокруг центра круги, все точки окружностей этих кругов с центростремительной силой влекутся к центру (=рулетке). Вся инфраструктура этого бурга – инфраструктура все того же игорного стола, на котором вращающийся круг с нумерованными гнездами. (Не забыли еще вращающийся барабан револьвера системы *наган*?) Так вот. Тот, кто хочет сыграть ставит на номер, маркирующий гнездо. В него-то и должен попасть наобум игрока (=Лазаря) брошенный шарик (по-французски *roulette*, что буквально означает *колёсико*). Так сказать, *колёсико Фортуны*. И сколь бы крупным по первости не был выигрыш, все равно *колёсико*, а не *колесо*, по мелкости души и мизерности чувства, потому что чувство нежно и тонко, и в своей тонкой нежности значительно, а страсть выиграть груба и носорожна, но всесжигающая, и в первую очередь того, кто... И оттого ничтожна (=уничтожна).

Но не город вокруг рулетки, а рулетка объемлет город. Но теперь уже обратной – центробежной силой: от центра-*колёсика* к кругам периферии. Пульсар сжимающийся-расширяющийся...

Всё в этом игорном *бурге* – жизнь и ее прожигатели (прожигатели?) – подчинено игре. Тогда и в самом деле прав Герман из оперной версии «Пиковой...» насчет жизни, которая вся игра. И *все* в ней *играют* одну-единственную *роль* – *игроков* в той или иной мере: от тех, кто играет (включая родных и близких), обслуживающих персоналов в разном роде, рулетенбуржцев и гостей этой игорной столицы до приживал-халявщиков при игорном доме (так сказать, лиц восточно-европейской национальности). *Всё* и *вся* в этом городе – рулетка. Иначе – *Все!* А рулетка – это каждый из этих всех; каждое в этом все и *вся*. Но *каждый* в своей теперь уже тотальной неотличимости от других *каждых*. *Всё* – игра. *Все* – игроки. *Всё* – для игры. А для не-игры – ничего? Оставляю до поры это вопрошание без ответа. Оно нам еще пригодится...

Вселенная игры, центр которой – везде, а периферия нигде (если, повинившись, перефразировать Николая Кузанского, 1401-1464).

«Игрок» Достоевского делает первую ставку.

Что было до первой ставки? До... была *только* любовь интеллигентного русского учителя Алексея Ивановича, обучавшего русскую же - бесприданницу Полину. Любовь – единственный устой в его жизни. Может быть, вообще в жизни. Ее ни выиграть, ни проиграть. Не сыграть и просто так: бесцельно – культуросотворяюще. Решительно *вне игры!*

Но вокруг этого внеигрового чувства, данного, казалось бы, на веки вечные, – игра рулеточной круговерти-коловерти. И весь этот русский, если можно так выразиться, *тейп* – каждый его член – на стрёме: вокруг деньги, могущие свалиться просто так – как снег (=меч) на голову. И каждому они смертельно нужны: генералу Загорянскому от старой baboulink'и, смерти которой – старой и больной – генерал ждет, как *манны с неба*. И не зла ради, а для дела под названием *любовь* (может быть, последняя) к кокотке Бланш. (Со старыми генералами, но и с чинами пониже тоже такое бывает. Главное, что со старыми...) Нужны они и Полине, чтобы вернуть генеральские закладные прохвосту и мерзавцу Де-Грие, поправшему первую ее любовь и, в качестве платы за любовь, пославшему ей генеральские закладные.

Если генерал хочет денег, чтобы купить любовь Бланш (и та их, конечно же, коль скоро они будут, не задумываясь возьмет), то Полине, падчерице генерала, деньги Де-Грие жгут руки (и она их готова вернуть-швырнуть в рожу тому, кто оскорбил ее ими).

Но и домашний учитель Алексей Иванович, дворянин и кандидат университета, но бедный человек (дважды бедный: тем, что безденежен, и тем, что любит безответно), тоже хочет выиграть много денег, чтобы встать в социальный ровень с Полиной. Может быть, тогда она полюбит его, бедного Алексея Ивановича, который любит ее до забвения себя самого.

Деньги *вокруг да около*. И ближе всего рулеточные деньги. Но... вокруг того, что за деньги не купишь и за деньги же не продашь – *Любви* (если только она неподдельная и вне игры). Повторюсь: ни проиграть – ни выиграть. Полина любила, хоть подонка и пошляка. Генерал любит, хоть и кокотку. Алексей Иванович *просто любит* без всяких *хоть...* И все – безответно. И всем – всем! – нужны деньги. И даже baboulink'е, у которой они есть, но хочется, чтобы их было больше. Не потому ли смерть до поры ее обошла и позволила ей, хоть и на коляске, прикатить в Рулетенбург из Петербурга и, выиграв поначалу, проигратся в дым – *обдергиваясь и обдергиваясь?*..

Деньги для *Любви*. Игра для *Любви*. Для *Любви*, что вне денег, и потому *вне игры*. А играют... Игра втягивает магнитно из дальних пространств, даже не сопредельных с Рулетенбургом. Из другого *бурга* – Петрова. А всего лишь *колёсико Фортуны* – roulette, с магнитной силою в черт знает сколько магнетонов. И не в пределах атома или атомного

ядра, а в глобальности иных пространств – в треугольнике *Париж – Рулетенбург* (он же Висбаден) – *Петербург* вокруг колёсика roulette – источника всех этих Достоевских – выматывающих душу – магнитных моментов.

Деньги – магнит. Рулетка – магнит. А Любовь – нет: в ней, *Любви*, – притяжения не магнитной, а симпатической природы. Вне цены...

Неужели и в самом деле *Любовь* ни на что не обменять?..

Бланш за любовь порастрясет богатенького – на раз, после шального выигрыша – Алексея Ивановича. Генерал Загорянский, чающий смерти baboulink'и ради наследства, наверняка выменяет любовь Бланш. Baboulenk'a за любовь ко всем луидорам всего Рулетенбурга израсходует всю свою предсмертную энергию. Де-Грие за любовь истинную «расплатится» с Полиною генеральскими закладными.

И только Полина и, как ни странно, генерал ни на что свое чувство не поменяют: им нечего предложить. Полина чужим – Алексей-Ивановичевым – не воспользуется. Ведь деньги не пахнут: деньги Де-Грие и деньги удачливого, опять-таки на раз, Алексея Ивановича – всё деньги. Они – память об унижении подлинного чувства, чьи бы ни были эти деньги. В рожу дающему – *те* деньги и *эти*! Правда, со своей нерастраченной любовью остается несчастный генерал. Но его чувство подпорчено желанием смерти другому человеку – baboulink'е, пусть и стоящей у порога.

Для Полины любовь ушла, будучи перед тем обгаженной. Для Де-Грие и Бланш она только так любовью называлась. Да и для Алексея Ивановича, влекомого к Бланш, любовью в этом случае она тоже не была, а была похотливым влечением. А для бабушки – всего лишь рулеточная блажь.

Любовь напрочь вытеснена из жизни Рулетенбурга. Точнее, из жизни рулеточной морфологии этого русского семейства и его окружения в этой жесткой висбаденщине, когда даже такое теплое и фланелевое слово baboulink'a пишется без мягкого знака, латиницей не предусмотренного и звучит по-европейски жестко и твердо, как слово *возму*, тоже без мягкого знака. Хотя и зверски желанно звучит это без мягкого знака *возму*...

Если Любовь – это жизнь, то все без нее – смерть, хотя и суетная смерть при всеобщности игры, этой мертвенной страсти. Потому что игры при такой вот игре тоже нет. Но *Любовь* (и синонимичная ей *смерть*) – тоже *не* игра. Она – всерьез. В Любовь и в Смерть не играют. (Вновь вспомним револьверно-наганную русскую рулетку!)

Любви нет, а смерть есть. Потому что когда рулетка объемлет *все* формы жизни, тогда *все* ее формы – формы смерти. В этом случае Любовь ей не синонимична. Да и смерть тогда и не смерть даже. А так...

ничто, ничего не порождающее. Стагнация ума-сердца-души...

Теперь остается разобраться с главным лицом в этой истории – Алексеем Ивановичем *Игроком*, всецело им ставшим. (Всецело ли? – Поглядим...) А пока что с ним разберемся. Впрочем, он уже сам с собой разобрался. И все-таки попробуем с ним вместе...

Рулетка – цель или средство?..

Как все начиналось у Алексея Ивановича?

Ни шатко, ни валко, – когда играл на Полинины деньги. А тут на свои и с высокою целью – спасти честь любимой, замыслившей вернуть «плату за любовь». Здесь-то и нисходит интуиция. И вот под благоприятным присмотром Судьбы – 200 тысяч франков в кармане. Интуиция сговорилась с Судьбой, а Судьба благоволит лишь тому, кто вдохновлен благородной целью и ею живет.

Но азарт, страсть, одержимость коварны. И у азарта своя логика: мефистофельски сбить, увлечь, со-влечь с мертвящим металлом. Хотя и *драг*. Вот как описывает Алексей Иванович первое свое такое состояние: «Со мною в этот вечер... случилось происшествие чудесное... Не помню, вздумал ли я в это время хоть раз о Полине. Я тогда ощущал какое-то непреодолимое наслаждение хватать и загребать банковые билеты, нараставшие кучею предо мной».²

Любовь ушла. И пусть лишь только начала уходить. Сделала назад всего шаг. Но уж коли начала – уйдет обязательно. Обязательно уйдет. А «хватать и загребать» не уйдут никогда. И даже при падении на дно, в миг касания этого дна, когда ниже не бывает, *хватать* и *загребать* в засасывающей воронке игры и тогда останутся. Выбор сделан в пользу «играть». А любовь – не-игра. Всегда. (Когда Инна Кабыш спросила меня, после того, как я рассказал все это на Симпозиуме о Достоевском в Москве 19 декабря 2001 года: «Так игра или не игра *Любовь*?» – я ей ответил: «*Не* игра...» Оказалось, что именно так она и думала, тонко почувствовав в моем рассказе недосказанное мною тогда. Значит, так оно и есть.)

Интуиция и Судьба Алексея Ивановича больше никогда его не жаловали. Разве что по мелочам... Но интуиция и Судьба здесь уже не причем. Так... *колёсико фортуны*.

Ушла цель. Осталось средство, ставшее целью. *Самоцелью*. *Всем существом* Алексея Ивановича. Выигравшего – на раз! – деньги, но проигравшего Любовь – *навсегда*... И не то чтобы разлюбил Полину, а полюбил игру. Так сказать, «перевлюбился» (Р. Назиров).

---

² Здесь и далее цитирую по случайно, но и счастливо, попавшему мне в руки изданию: Ф.М. Достоевский. Игрок. Из записок молодого человека. Ижевск, Издательство «Удмуртия», 1981. С тоже замечательным послесловием Р.Г. Назирова.

И вовсе не жадность или корысть, а просто азарт и одержимость влекли Алексея Ивановича. А дальше – по-есенински: «отряхает мозги алкоголь». Но не этилово-спиртовой, а рулеточно-игровой. И даже не игровой, потому что в условиях не-игры (ведь любовь уходит-ушла) нет и игры. И тогда рулетка – не игра! Она – иное. Как сказали бы знатоки второго начала термодинамики – тепловая высокоэнтропийная смерть *Вселенной* по имени Рулетенбург, а в ней – всех. И особенно Алексея Ивановича – лирического героя и лирического же автора, представленного официальным автором Ф.М. Достоевским.

Зашкалило? – Посмотрим...

«Завтра, завтра все кончится!» – Это *последнее слово* Алексея Ивановича, *сказавшего*, по его мнению, всё...

Но... не кончится никогда, потому что игра имеет свойство кончаться, а не-игра под видом игры заканчивается лишь с *физической смертью* игрока. Сама же *не-игра под видом...* – цивилизационное – иносказание смерти метафизической, мертвящей *всё* в перманентно расширяющемся круге игорного стола, в котором *goulette*–колёсико раздается до неохватности *колеса истории* – *колеса не-судьбы всех*, которое не повернуть никакому всечеловечеству без личных волений *каждого* в отдельности. Каждого!..

Но неужели игра поправа не-игрою (под видом игры) Игрока Алексея Ивановича вместе с Любовью, изначально игрой не являющейся? Игроком Алексеем Ивановичем как лирическим *героем* собственных записок – да! Но не их, этих записок, лирическим *автором*. Рассчитываю на это. Иначе кто бы их сейчас читал, да еще и «философствовал» по их поводу?! Никто бы не читал. А вот читают. Проверим это предположение. А тогда – вновь к тексту!

Теперь уже, кажется, ясно, что по жизни, как она идет для *каждого и всех – всех и каждого* – в Рулетенбурге, *игры нет*. Есть лишь потная страсть, которая всё мертвит. И каждого в этом всё тоже мертвит. Всех мертвит в этом *городе мертвых*.

Но можно ли живо описать эту мертвую игру-не-игру? Играючи ее описать? Посмотрим, как это делает в *слове об игре* Алексей Иванович, по жизни уже не живущий. Есть ли в этом слове хоть что-нибудь от *человека играющего*? А если есть, то как оно оказалось возможным?

«Во всяком случае я определил сначала присмотреться и не начинать ничего серьезного в этот вечер. В этот вечер, если б что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка, и я так и положил. К тому же надо было и самую игру изучить», – читаем в записках Алексея Ивановича.

«Ничего серьезного», «нечаянно и слегка».... Все располагает к тексту об игре – *поэтически игровому*. (Может быть, прав Александр Кушнер, считающий Достоевского *поэтом прозы*?)

«Между тем я наблюдал и замечал: мне показалось, что собственно расчет довольно мало что значит и вовсе не имеет той важности, которую ему придают многие игроки. Они сидят с разграфленными бумажками, замечают удары, считают, выводят шансы, рассчитывают, наконец ставят и – проигрывают точно так же, как и мы, простые смертные, играющие без расчета. Но зато я вывел одно заключение, которое, кажется, верно: действительно, в течение случайных шансов бывает хоть и не система, но как будто какой-то порядок, – что, конечно, очень странно. Например, бывает, что после двенадцати средних цифр наступает двенадцать последних...»

Расчет? Нет, частный случай! Но... иногда и упорядоченный. Что странно... Как рифма, хоть и приبلудная, но на редкость точная. В масть!..

Все раззадоривается – по ходу алчно-мертвой жизни. Вздвигивается и взвеселивается от случайной удачи. Взыгрывается: «Я думаю, у меня сошлось в руках около четырехсот фридрихсдоров в какие-нибудь пять минут. Тут бы мне и отойти, но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык».

Весело и задорно. Об игре удушающей поэтически свежо, шутовски легко, по-скоморошьи празднично. Так, по крайней мере, пишет. А живет – по наклонной и вниз. Но текст этому низу не дает ощутиться. Игровой текст – *с щелчком и высунутым языком...*

Но и о другом тоже *игрово* пишет: «Шарик долго летал по колесу, наконец, стал прыгать по зазубринам. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдруг – хлоп!

– Zero, – провозгласил крупер.»

Перестук-перезвук колёсика-шарика. Ритм. Чечётка. Танец... Празднество ритмических переборов-переходов. Узорчатых переносов *из пустого в... непорожнее*. К концовке стиха. Удачной!..

А вот как она же проигрывает: сначала бабушка не поняла, но когда увидела, « что крупер... загреб ее четыре тысячи гульденов... и узнала, что Zero, который так долго не выходил и на котором мы поставили почти двести фридрихсдоров, выскочил, как нарочно, тогда, когда бабушка только что его обругала и спросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругом даже засмеялись.

– Батюшки! Он тут-то, проклятый, и выскочил! – вопила бабушка, – ведь эдакой, эдакой окаянный!»

Одним словом (хоть и через дефис) – *такой-сякой* этот zero. И снова весело и задорно. (Правда, в тексте про бабушку, а не для самой бабушки.) В *слове...*

Но игровое червоточит. Мертвеет...

«...Иногда самая дикая мысль, самая с виду невозможная мысль до того сильно укрепляется в голове, что ее принимаешь, наконец, за что-то осуществимое...» И далее: «...если идея соединяется с сильным, страстным желанием, то, пожалуй, иной раз примешь ее, наконец... за нечто такое, что уже не может не быть и не случиться! Может быть, тут есть еще что-нибудь... комбинация предчувствий... усилие воли, самоотравление собственной фантазией... я помышлял об этом... не как о случае, который может быть в числе прочих (а стало быть, может и не быть), но как о чем-то таком, что никак уж не может не случиться!»

Вот и обязательно «случился» крупный выигрыш. Зазор-просвет-пробел... Это и есть то самое *почти* как условие кошачье-хвостатой непосредственности игры, которое исчезло. Все сделалось смертно всерьез. Живая речь идеологемно стреножилась.

Но и «своенравие случая» тоже бывает. И тогда потребен риск, чтобы на после тринадцатикратной выпавшей красной снова – на нее же поставить и ... выиграть. Так случилось с Алексеем Ивановичем, обуюнным «безумным риском», «самолюбием» для удивления зрителей, *поэтическим* (и потому «странным») «своенравием». *Игровое* взяло свое.

Он и взаправду поэт, потому, что не скуп, как не скуп пушкинский «Скупой рыцарь»: «О, не деньги мне дороги. Я уверен, что разбазарил бы их опять какой-нибудь Blanche и опять ездил бы в Париже три недели на паре собственных лошадей в шестнадцать тысяч франков... я не скуп... я расточителен...» Но: «С какою алчностью смотрю я на игорный стол, по которому разбросаны луидоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики золота, когда они от лопатки крупёра рассыпаются в горящие, как жар, кучи, или на длинные, в аршин, столбы серебра, лежащие вокруг колеса. Еще подходя к игорной зале, за две комнаты, только что я слышу дзеньканье пересыпающихся денег, – со мною почти делаются судороги»

Речь поэта, играющего *в слово, в слове, словом...* Но и вновь – *почти*. Меж игровым словом и *судорогами-к-болезни, конвульсиям-к-смерти*.

А игра длится. И откуда берется вдохновение для игры творческой скрюченного *игрой-к-смерти* игрока Алексея Ивановича?

А жизнь мрачит и раздражает. Злит...

«В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии, за табльдотами так много полячишек и им сочувствующих французигов, что нет возможности вымолвить, если вы только русский» (*Алексей Иванович*).

«Сволочь действительно играет очень грязно. Я даже не прочь от мысли, что тут, у стола, происходит много самого обыкновенного воровства... Вот еще сволочь-то! Это большею частью французы» (*он же*).

«Де-Грие был, как все французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселым и

любезным переставала необходимость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета. Если, например, видит необходимость быть фантастичным, оригинальным, понеобыденнее, то фантазия его, самая глупая и неестественная, слагается из заранее принятых и давно уже опошлившихся форм. Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обыденной положительности, – одним словом, скучнейшее существо в мире. По-моему, только новички и особенно русские барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчас же заметна и нестерпима эта казенщина раз устоявшихся форм салонной любезности, развязности и веселости» (еще раз *он же*).

Не жизнь, а ужас какой-то! Бедные французы... Неужели из-за Де-Грие пустякового? Да, но не только. А «полячишек» тогда за что? А просто за то, что не наши. Искренне и от души. От чистого, так сказать, сердца. По правде и за дело. Без игры? – Посмотрим...

Вот что скажет Алексею Ивановичу на прощанье вполне приличный англичанин Астлей: «...вы погубили себя. Вы имели некоторые способности, живой характер и были человек не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое так нуждается в людях, но вы останетесь здесь и ваша жизнь кончена. Я вас не виню. На мой взгляд, все русские таковы или склонны быть таковыми. Если не рулетка, так другое, подобное ей. Исключения слишком редки. Не первый вы не понимаете, что такое труд (я не о народе вашем говорю). Рулетка – это игра по преимуществу русская».

Вот, оказывается, как. Оба хороши. Только Астлей поумней: «Я не о народе вашем...»

И что же в ответ на сие подумал наш русский? А подумал он вот что: «Нет, он не прав! Если я был резок и глуп насчет Полины и Де-Грие, то он резок и скор насчет русских. Про себя я ничего не говорю».

Про поляков и французов можно, а про русских, выходит, нельзя? Выходит, что нельзя, а про французов можно. И Алексей Иванович все про себя помнит и знает. А вот когда говорит, то играет, шутует. Придуривается... Даже здесь – в разговоре начистоту о святом, то есть о русском, – игра продолжилась.

Но откуда же ей – игре – было взяться в этом *мертвом* городе одержимых *игроков*, когда *Любовь* умерла (эта единственно возможная неигровая – вкупе со смертью – субстанция)? Но... взялась. (Хотя только в тексте). И только у одного из рулетенбуржцев – у Алексея Ивановича, который все же любил, и теперь, хоть и «перевлюбился», но *память о Любви* осталась. Она-то и поддерживает его как человека все еще *играющего*, удерживающего себя в памяти о своей любви в ее неигро-

вой метафизической устойчивости. Онтологической основательности. Здесь-то и надежда – «завтра, завтра все кончится!»

Нет или да? Хочу, чтобы да. И автор хочет тоже. Потому и – «Из записок молодого человека», а не просто «Записки...»

Что же осталось за пределами *записок*? – Можно только догадываться...

*

Но кошка, самозабвенно играющая собственным хвостом, живущим самостоятельной жизнью. Вольно и весело...

Случится ли чудо *воскрешения* божьего человека Алексея из мертвых?..

Александр Кушнер о близком (100 лет спустя в книге «Ночной дозор»):

Танцует тот, кто не танцует,
Ножом по рюмочке стучит.
Гарцует тот, кто не гарцует,
С трибуны машет и кричит.

А кто танцует в самом деле
И кто гарцует на коне,
Тем эти пляски надоели,
А эти лошади – вдвойне.

А теперь *почти* то же, только народное:

Тот, кто пляшет и поет,
Тот поет и пляшет.
А кто пашет и кует,
Тот кует и пашет.

Между прочим, на всех гравюрах художника Т.В. Прибыловской в цитируемом удмуртском издании «Игрока» Алексей Иванович похож, как мне кажется, на Ф.М. Достоевского, изображенного на фронтисписе ее же работы и в этом же издании.

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ,
грант # 01-03-85011а/у*

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Семинр

«Рефлексивные процессы и управление»

17 января 2002 года в Дипломатической Академии МИД России при участии Института психологии РАН и Института человека РАН был проведен Круглый стол **«Рефлексивные аспекты совершенствования подготовки дипломатических работников»**. Ведущие: проректор по учебной работе ДА МИД России В.Б.Лаптев и заместитель директора Института человека РАН В.Е.Лепский

С приветственным обращением к участникам Круглого стола выступил ректор ДА МИД России **Ю.Е. Фокин**.

Были представлены следующие сообщения:

Лепский В.Е. (Институт человека РАН, ИП РАН, ДА МИД России, д.психол.н.) Основные направления совершенствования подготовки дипломатических работников: рефлексивные аспекты.

Анисимов О.С. (Российская академия госслужбы при Президенте РФ, д.психол.н.) Согласование и коррекция стратегии как содержание подготовки к переговорному процессу.

Кара-Мурза С.Г. (Министерство промышленности, науки и технологий РФ, д.химич.н.) Утрата рефлексии при разрушении категориально-понятийного аппарата.

Рабинович В.Л. (Институт человека РАН, д.филос.н.) Имитаторы культуры. По образу и подобию.

Крупнов Ю.В. (Минобразования РФ) Рефлексивная поддержка процессов идентификации у дипломатических работников.

Матвеева Л.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова, ДА МИД России, д.психол.н.) Проблемы личностной рефлексии в подготовке дипломатических работников

Задохин А.Г. (ДА МИД России, д.полит.н.) Рефлексивный диссонанс образов стран в национальном сознании и его влияние на международные отношения.

Панарин И.Н. (Центризбирком, ДА МИД России, д.полит.н.) Рефлексивные аспекты информационных войн.

Приведем тезисы отдельных выступлений.

Лепский В.Е. (Институт человека РАН, ИП РАН, ДА МИД России, д.психол.н.) «Основные направления совершенствования подготовки дипломатических работников: рефлексивные аспекты».

В дипломатии искусство моделирования и управления внутренними мирами различных типов субъектов всегда было в центре внимания. Роль рефлексивных аспектов резко возрастает в связи с бурным развитием информационной среды. Но сегодня нельзя полагаться только на искусство, необходимо использовать сложные «высокие гуманитарные технологии». В этом смысле дипломатов несколько обошли военные, которые уделяют большее внимание использованию новых технологий для организации рефлексивных процессов и управления (смотри статью Тимоти Томаса в №1 за 2002 год данного журнала).

В ДА МИД России рефлексивным аспектам подготовки дипломатических работников уделяется все большее внимание, в этом в первую очередь заслуга ректора Ю.Е. Фокина.

К сожалению, сегодня дипломатическим работникам приходится сталкиваться с громадными проблемами при попытках вскрытия и организации процессов рефлексивного управления. Главная причина связана не с используемыми технологиями, не с уровнем подготовки и способностями, а с нечеткими стратегическими ориентирами российского развития. Размытость целевых установок большой социальной системы (государство, общество) делает практически неразрешимой задачу формирования дипломатических работников как рефлексивных элементов этих систем, а также усложняет задачу их профессиональной идентификации и самоопределения.

В выступлении были рассмотрены также методические и технологические проблемы рефлексивного анализа ситуаций, вскрытия и организации рефлексивного управления, формирования рефлексивной культуры принятия решений, рефлексивной культуры групповой работы, управления рефлексивными процессами в интернет-сообществах. С позиций теории рефлексивных процессов актуален анализ механизмов миротворчества и народной дипломатии и др.

Анисимов О.С. (Российская академия госслужбы при Президенте РФ, д.психол.н.)

«Согласование и коррекция стратегии как содержание подготовки к переговорному процессу»

В процессе подготовки к переговорам с партнерами международных отношений особую значимость приобретает определенность и максимальная внутренняя значимость содержательной позиции, которую можно и нужно предложить для партнера. Ее наличие создает «лицо» участника переговорного процесса, определяет точку отсчета в выработке отношения со стороны партнера, нахождения способов проведения им своей позиции или ее коррекции.

Однако содержанием позиции является то или иное проявление целостности страны, направленное на повышение уровня благоприятствования внешних условий для внутреннего ее бытия. Неопределенность в этом плане ведет к обесцениванию воздействий на партнеров, каких-либо осмысленных согласований и т.п. Определенность внутреннего бытия оформляется введением стратегии как средства придания определенности всем слоям и частям жизни целостности за счет управленческого влияния и корректирования «естественных» процессов.

Поэтому любой серьезный выход за пределы внутренней самоорганизации и вхождение в отношения с внешними партнерами, несущими энергию и содержание своих интересов, инерций, стереотипов, должен сопровождаться дополнительной проверкой наличия стратегической рамки для своей целостности, а также выявлением или дополнительным анализом имеющихся у партнеров стратегий.

Переговорный процесс всегда выступает как осознанное или недостаточно осознанное соприкосновение стратегий по фиксированному поводу. В качестве повода может служить различие в оценках того или иного конфликта, в понимании способа приемлемого для двух или «всех» сторон потребления того или иного ресурса, в представлениях о путях сближения ранее противопоставленных по-

литических, экономических, социокультурных, этнических и др. систем, и так далее. Но любой повод обращен не только и не столько к самим целостностям и даже не столько к ответственным управленческим структурам, имеющим право и обязанность защищать внутренние интересы и выносить защиту в цивилизованную плоскость переговоров, но и, прежде всего, к реализуемой лидерами управленческих структур стратегии. Она же выступает основанием выработки позиции по конкретному поводу как «частного» проявления стратегии в конкретных условиях. Вариативность позиции, готовность к ее модификациям – без чего переговоры теряют свою осмысленность и приобретают фиктивность, иллюзорность и т.п. – должны быть допустимы, встроенными в стратегию.

Следовательно, готовясь к переговорам, и даже в ходе достаточно длительных переговоров, необходимо ощущать давление стратегии. Это невозможно вне точной ее фиксации, приобретения способности видеть все глазами носителя стратегии. Особым случаем стратегического слежения и значимого планирования переговоров, их динамики является выявление перспектив коррекции стратегии. Это касается ее доопределения, дополнения и переопределения благодаря усмотрению ранее не замеченных факторов, адекватное реагирование на которые в рамках реализуемой стратегии невозможно, а игнорирование которых ведет к росту угрозы для целостности. Сама по себе стратегия в ходе подготовки и проведения переговоров не может меняться, так как переговорщик не имеет для этого полномочий. Но выработка осмысленных предложений о коррекции для руководства страны, для лиц, принимающих решения относительно целостности, является важной стороной аналитического сопровождения. Вместе с тем появляется возможность подготавливать партнера к тому, что понадобится в реализации скорректированной стратегии, но в рамках, допускаемых «старой» стратегией.

Наиболее надежным и эффективным способом стратегического мониторинга в переговорном процессе выступает использование игромоделирования. В его ходе воссоздается бытие стратегической инфраструктуры, ее влияние на воспроизводство внутренней жизни, ее реагирование на заимствованные, выявляемые, прогнозируемые, проектируемые обстоятельства, на поведение внешних систем и партнера в процессе переговоров. Подобное моделирование является, прежде всего, мыслительным взаимодействием многих персонажей в пространстве внутреннего управления и при внесении внешних поводов и установок. Поэтому иллюзорной является надежда на обычную подготовку и компетентность представителей дипломатической службы и соприкасающихся служб, а также всех тех, кто может представлять интересы управленческих структур государства. Должна быть профессиональная команда игротехников, способная не только предоставить возможность модельного течения взаимодействия всех, входящих в персонажное бытие, но и поправлять, корректировать мыслительные действия, в логике игромоделирования, совершенствовать мыслительную самоорганизацию. Наиболее сложным слоем всего игромодельного процесса и управления им выступает модельное поведение стратегической инфраструктуры, демонстративное проявление имеющейся стратегии, ее реагирование на предлагаемые обстоятельства и модифицирование. Соответственно этому должно быть обеспечено рефлексивное слежение за ходом всех взаимодействий с акцентировкой на «поведение стратегий». Тем самым подобное игромоделирование предстает как частная реализация идеи рефлексивного управления, обращенная к стратегическому проектированию, реализации стра-

тегии и перепроектированию. В последнее время мы осуществляем разработки игромодельного типа, соотносенные с вышеуказанными проблемами, в центре которых лежит согласование параллельно производимых принятий решений стратегического характера.

Рабинович В.Л. (Институт человека РАН, д.филос.н.)

«Имитаторы культуры. По образу и подобию»

Каким может быть предуведомление, ориентированное на возможное вхождение человека, готовящего себя к поприщу дипломата?

Смысл этой профессии – представлять на чужбине интересы своего государства (не народа и не страны!). Безлично. В целом. В среднем. Но каждый раз – все-таки честно. В конкретной – уникальной – ситуации. Компромиссно. И потому умиротворяющее оптимально. И потому же интеллигентно – по правилам хорошего тона, во всеоружии джентльменского набора. Культурно. Точнее говоря, цивилизованно. Чтобы все было, как у людей – приличных, вышколенных, воспитанных. То есть, как ни крути, – усредненных.

Но форс-мажор уникален. И потому поведенческий жест в форс-мажорной ситуации (слава богу, что редко) обязан выпадать из ранжира, выходить из ряда вон.

И все это – пандан культуре: всеобщей как укорененной в традиции и предельно личностной как исполненной капризами разнотений. Подобному жесту – из ряда вон – не научить, но иметь его в виду в дипломатической жизни (как впрочем и во всякой иной) следует.

Далее следует реконструкция культуры как имитаторы в ветхозаветном пафосе по образу и подобию.

Имитатора – неологизм кентаврической природы (точнее сказать, породы) и звуко-слуховой своей памятью отсылает к имитации и метафоре сразу. Но не последовательно – сначала к имитации, потом к метафоре, а именно сразу: потому и кентавр, не подлежащий оперированию, как не подлежат рассечению (если рассчитывать на витальный исход) сиамские близнецы. Культура как творчество кентаврична: традиционна (=имитационна) и супротивна (=инновационна) купно.

Вторая часть названия – по образу и подобию – как бы повторяет первую его часть, но заглядывает в ветхозаветную глубину – к первосотворению Богом человека, которому творить и творить по той же мерке (?), по которой сотворен и он сам, – весь свой нескончаемый Седьмой день: «по образу и подобию... из праха... вдохнул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». И теперь уже без божества (?), но с вдохновением. На весь свой нескончаемый Седьмой день.

Тему Творения, как она дана в Книге Бытия, можно рассматривать в контексте русской поэтической культуры начала XX века. В качестве основных теоретических источников, обосновывающих эту поэтическую культуру, взяты символистские, акмеистические и футуристические экспликации основных концептов этих проектов (Вяч. Иванов, Осип Мандельштам – «Утро акмеизма», основоположения о слове творящем и творимом Велимира Хлебникова). Соответственно в качестве основного материала, свидетельствующего об этих поэтических культурах, взяты сопутствующие поэтические практики: «Образ твой мучительный

и зыбкий...» и «Notre Dame» Осипа Мандельштама и образцы футуристической зауми Хлебникова – Крученых. Компаративистский анализ концепта «по образу и подобию» и перечисленных здесь представлений этого концепта в поэтических традициях символизма, акмеизма и футуризма актуализирует ветхозаветный текст (творение бытия) в нынешней культурной ситуации, в которой намечается движение от массовой культуры к культурам индивидуальных миров.

Таким образом, дипломат образует сам себя – даже в системе вузовской подготовки – на границе образа и подобия, имитации как традиции подражания имитаторы, порождающей новые смыслы в повседневной жизни, но и в собственных дипломатических практиках.

Крупнов Ю.В. (Минобразования РФ)

«Рефлексивная поддержка процессов идентификации у дипломатических работников»

Последние десять-пятнадцать лет мы являемся свидетелями идентификационной катастрофы российского населения. Она проявляется в неспособности российских отдельных граждан и коллективов осуществлять идентификацию, т.е. находить свой собственный образ и определять себя, полагать предельные основания собственных решений, вырабатывать и занимать в ситуации мировой политики ясную позицию, подтверждать ее правильность и эффективность.

К сожалению, тотальный идентификационный дефолт затрагивает не только массовое население, но и профессиональных дипломатических работников – т.е. ту избранную и кадровую категорию российского населения, для которой правильная идентификация в быстро изменяющемся мире является основой профессионального эффективного действия с учетом интересов России.

Среди различных причин и факторов, определяющих устойчивое продолжение идентификационной катастрофы, одним из ключевых является несформированность у кадровых дипломатов системы идентификации и обеспечивающей её рефлексивной структуры сознания.

Система идентификации состоит из процессов порождения образа, выверки, удостоверения или аутентификации осмысленности и эффективности данного образа, его реализации в мирополитическом действии.

В дипломатической практике правильная идентификация выражается в ответе на вопрос о месте, роли и целях России в мире, включая позицию собственной государственности по отношению к предельно конкретной ситуации в данном месте работы дипломатического работника – будь то ООН, центральный аппарат МИД, посольство или рутинный визит к коллегам в стране пребывания.

При этом именно рефлексивная структура сознания или рефлексия позволяет выходить в объективный, а потому достоверный план построения идентификации и организации действия и, вместе с тем, полностью сохранять действие как предельно субъективное и личностное. Только через рефлекссию как целевую направленность сознания на самого себя возможно выявлять и объективировать средства организации личных мышления и действия и, следовательно, удерживать и контролировать смысл, направленность и эффективность собственного действия, соответствие целей и средств их реализации.

Критический характер наличия/отсутствия рефлексивной поддержки проявляется в мирополитических ситуациях, когда необходимо замыслить, простроить

и осуществить действие на воспроизводство, развитие или слом мирового порядка.

Именно тогда необходима рефлексия процессов идентификации через их ключевые элементы: позиций, предельных оснований действия, целей, стратегий, программ и проектов действий, средств организации действия, образа и именованной собственной позиции.

Рефлексия не является технологизируемой, т.е. искусственно вызываемой и однозначно прогнозируемой, способностью. Спонтанность сознания в ситуации рефлексии не только не отрицает, а, наоборот, требует организации изощрённой инфраструктуры поддержки рефлексии.

Для обеспечения рефлексивной поддержки необходимо создание единой инфраструктуры, которая бы включала в себя: систему анализа ситуации, систему позиционной разведки чужих целей и замыслов, позиционную библиотеку, отражающую мировоззренческие и иные основания мирополитического действия в истории, систему комплексной мирополитической экспертизы, систему нестандартных СМИ (медиа-дипломатическую систему).

Предельной формой такой инфраструктуры мог бы стать Корпоративный университет МИД РФ, обеспечивающий персональное включение в выработку процессов идентификации, принятия решений и коллективной междисциплинарной рефлексии каждого кадрового дипломата.

Основные положения выступления А.Г. Задохина опубликованы в журнале (№ 2, 2002), остальные выступающие готовят статьи, которые будут напечатаны в ближайших номерах.

По итогам работы Круглого стола разработаны конкретные рекомендации по совершенствованию подготовки слушателей Дипломатической академии МИД России. Дальнейшее обсуждение данной темы с привлечением широкого круга специалистов планируется в рамках IV Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» (6-8 октября 2003 г., Москва).

РЕЙТИНГ ПОСЕТИТЕЛЕЙ САЙТА WWW.REFLEXION.RU (май 2003)

1. ru = Russian Federation	12. gov = US Government
2. net = US Network	13. de = Germany
3. com = US Commercial	14. ca = Canada
4. ua = Ukraine	15. fi = Finland
5. by = Belarus	16. gr = Greece
6. edu = US Educational	17. nl = Netherlands
7. se = Sweden	18. au = Australia
8. fr = France	19. ee = Estonia
9. mil = US Military	20. ge = Georgia
10. org = US Organization	21. hr = Croatia (Hrvatska)
11. it = Italy	22. ae = United Arab Emirates
	23. jp = Japan

II Международная конференция «КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ И УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СИТУАЦИЙ»

Институт проблем управления РАН
4-6 ноября 2002 г.

В рамках конференции была организована секция **«Проблемы когнитологии. Рефлексия. Знания»**, руководитель Таран Т.А. (Украина). Были представлены доклады: Таран Т.А., Королев П.М., Марача В. Г., Попова О.А., Филимонов В.А., Бахур А.Б., Николаева Е.С., Ракчеева Т.А., Смолянинов В.В. и др.

Научный Конгресс с международным участием ЭКОЭТИКА - XXI век

Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана, 23-27 декабря 2002 г.

В программе Конгресса была представлена рефлексивная тематика: в тематических направлениях – «Рефлексивная психология и управление», в пленарном докладе В.Е.Лепского на тему **«Психологические аспекты стратегии безопасного развития России»**, в выступлениях В.Н.Волченко, А.М.Степанова и других, в обсуждениях на Круглых столах.

IV международный научно-практический междисциплинарный симпозиум «РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ»

Москва, 6-8 октября 2003 г.

Устроители: Институт психологии РАН, Институт человека РАН, Дипломатическая академия МИД России, Институт рефлексивных процессов и управления.

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

1. Субъекты как рефлексивные системы.
2. Рефлексия и идентичность. Рефлексия и этика. Рефлексия и творчество. Рефлексия и науковедение.
3. Развитие рефлексивных способностей, стимулирование и поддержка рефлексивных процессов у различных типов субъектов.
4. Математические модели рефлексивных процессов и рефлексивного управления. Рефлексивные процессы и синергетика. Рефлексивные процессы и искусственный интеллект.
5. Рефлексивные процессы в различных сферах деятельности и управления:
  - социальное проектирование и развитие, управление обществом, политика, экономика;
  - информационные войны, информационная и информационно-психологическая безопасность, массовые коммуникации;
  - информатизация общества, системы поддержки принятия решений, организация и поддержка сообществ в Интернет;
  - культура и образование, религиозная деятельность и межрелигиозные отношения;

- установление взаимопонимания и доверия между представителями различных народов;
- прогнозирование и нейтрализация различных типов конфликтов в обществе, миротворческая деятельность и др.

6. Стратегия российского развития (рефлексивные аспекты).

7. Горячие точки и горячие проблемы планеты (рефлексивный анализ).

Планируется проведение секций, круглых столов, презентаций (организаций, проектов, изданий, разработок и др.).

Оперативно обновляемая информация представлена в Интернет по адресу:
<http://www.reflexion.ru/>.

В симпозиуме планируют принять участие специалисты из России, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Украины, Германии, Канады, США и ряда других стран.

Рабочие языки симпозиума: русский и английский.

Контакты с участниками по E-mail:lepsyk@online.ru (lepsyk@psychol.ras.ru)

Нам помогает

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАСЧЕТНЫЙ БАНК

КБ «Национальный Расчетный Банк» осуществляет:

- расчетно-кассовое обслуживание предприятий и организаций различных форм собственности и видов деятельности, а также физических лиц;
- валютное обслуживание внешнеэкономической деятельности клиентов;
- куплю-продажу иностранной валюты в наличной форме, валютный дилинг;
- переводы в иностранной валюте без открытия счета;
- операции с драгоценными металлами;
- инкассацию денежных средств, платежных и расчетных документов;
- документарные операции;
- предоставление в аренду индивидуальных сейфов и абонентских ячеек;
- кредитные операции (кредитование в рублях и иностранной валюте под залог, вексельное кредитование, кредитование поставки товаров клиенту по факту отгрузки, страхование рисков, операции «РЕПО», «овердрафт»);
- неторговые операции (в том числе организация схем обслуживания клиентов торговых организаций через открытие операционных касс и пунктов обмена валюты на территории клиента);
- операции с векселями, в том числе выпуск и продажа собственных векселей;
- все виды операций с различными видами ценных бумаг;
- моделирование оптимальных финансово-расчетных схем;
- финансовый консалтинг, оптимизация налогообложения клиентов.

Тел.: (095) 917-05-00
Факс: (095) 917-06-90

Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. — М., «Когито-Центр», 2003. 426 с.

Книга является переводом со второго английского издания 2001 года с дополнениями (переводчики Викторина Лефевр и Елена Юдина). Идея написания книги и ее основные положения были представлены в предыдущих номерах журнала. Книгу можно приобрести в книжном киоске в здании Института психологии РАН по адресу: Москва, ул. Ярославская, д. 13, телефон 282 01 00. Здесь же продаются номера журнала «Рефлексивные процессы и управление».

Александр Пятигорский. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. Liepnieks & Ritups. Рига. 2002. 172 с.

В книге излагается ряд положений собственной философии автора, названной им «обсервационной», то есть наблюдательной. Изложение разворачивается в созданном автором поле, где присутствуют классическая феноменология, теория сознания, некоторые философские школы буддизма махаяна. Важное место в ней занимает проблематика рефлексии. Она определяется как «мышление, обращенное на себя самое; мышление, которое по крайней мере во время рефлексии мыслится как не имеющее своего объекта... «Может ли рефлексия изменить характер или содержание мышления, над которым она рефлексивирует? Может, но в «обратном порядке», поскольку рефлексивируемое мышление предполагается (пусть сколь угодно гипотетически или ошибочно) «предшествующим» рефлексии» (с. 28, 30).

Автор написал книгу на материале лекций, прочитанных студентам Школы востоковедения Лондонского университета, а издана она на русском языке в Риге — даже это повод для предельно широкой рефлексии.

Супертерроризм: новый вызов нового века / Под ред. А. В. Федорова. — М.: Права человека. 2002. 392 с.

Вышедшая книга подготовлена коллективом авторов под руководством А. В. Федорова; в их числе юрист и психолог, послы и аналитики. Книга вышла непосредственно перед событиями на Дубровке, но ее авторы до этого мысленно определили момент становления супертерроризма, впервые испробовавшего свою мощь как раз на сверхдержавах: США и России (одна — казалось бы, в прошлом, но бывших сверхдержав нет...).

Предпринятые террористические акты характеризовались полной неожиданностью. Есть ли в принципе возможность их предвидения? — Авторы убеждены, что есть, а поэтому убеждают в возможности сохранения устоев жизни без терроризма.

«Под супертерроризмом понимается использование (угроза использования) в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающее массовое поражение населения или нанесение ощутимого (на уровне государства) экономического или экологического ущерба. Таковыми на сегодняшний день являются элементы оружия массового уничтожения — ядерные, химические и бактериологические (токсинные) средства, а также средства воздействия на экосферу и информационное пространство. Возможным членом этого ряда может оказаться «психотерроризм» (с. 59). Член ряда возможный, считают авторы, но цели супертерроризма — как раз массовое психологическое устрашение, право первого хода на ужас — уже реальны.

А поэтому столь важны предупредительные меры против всех видов террора на уровне наций (о чем пишется в третьей главе), в первую очередь России и США. Книга несомненно вызовет интерес у всех, кто обеспокоен возможностью мирного развития человечества.

И.Е.Задорожнюк

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Институт рефлексивных процессов и управления

В соответствии с рекомендациями III Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» в апреле 2003 года в Москве зарегистрирован Институт рефлексивных процессов и управления (автономная некоммерческая организация).

Целью Института (выписка из Устава) является: предоставление услуг в области образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры спорта по следующим направлениям:

- Разработка рефлексивных технологий установления взаимопонимания и доверия различных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- Разработка рефлексивных технологий стратегического управления и развития с участием и учетом интересов разнообразных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- Разработка рефлексивных технологий обеспечения защиты субъектов и отношений между субъектами (в частности, государствами) от скрытого вмешательства других субъектов.
- Разработка технологий «пробуждения» и поддержки рефлексии различных типов субъектов, в том числе граждан; формирование рефлексивной культуры различных типов субъектов (индивиды, группы, сообщества, организации и др.).
- Разработка гуманитарных технологий информатизации общества (включая СМИ) на основе рефлексивного подхода.
- Осуществление экспертизы (рефлексивного анализа) ситуаций, конфликтов, документов и др.
- Координация работ в области рефлексивных исследований и разработки рефлексивных технологий.

Для достижения своих целей Институт осуществляет следующие виды деятельности:

- Научные исследования.
- Информационно-аналитическая деятельность.
- Проектные, опытно-конструкторские и технологические разработки.
- Инжиниринг.
- Деятельность в сфере обеспечения безопасности (национальной, информационной, экономической, социальной и др.).
- Консультационная и маркетинговая деятельность.
- Экспертная деятельность.
- Сертификация разработок и видов деятельности.
- Координационная деятельность.
- Рекламная деятельность.
- Образовательная и просветительская деятельность.
- Издательская и полиграфическая деятельность.
- Охрана здоровья.
- Организационно-управленческая деятельность по реализации проектов и программ.

- Оказание посреднических услуг в области культуры, науки, образования.
- Правовая деятельность.
- Организация и участие в работе международных, межрегиональных, региональных научно-практических и специализированных конференций, выставок, симпозиумов, семинаров и других научно-технических и культурных мероприятий.
- Учреждение грандов, стипендий, поощрительных премий.
- Приобретение, отчуждение, аренда и сдача в аренду зданий, сооружений, предприятий, транспортных средств и иного движимого и недвижимого имущества.
- Привлечение необходимых для деятельности Института средств юридических лиц, российских и иностранных граждан, в том числе, в иностранной валюте.

Генеральный директор Института
В.Е.Лепский
www.reflexion.ru
lepsky@online.ru

Журнал Российской Ассоциации Искусственного Интеллекта «НОВОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Начиная с 1991 г., Российская (первоначально Советская) ассоциация искусственного интеллекта (РАИИ), издает журнал «Новости искусственного интеллекта». Журнал основан по инициативе крупнейшего специалиста в области искусственного интеллекта (ИИ), первого президента Советской ассоциации искусственного интеллекта - академика РАЕН, д.т.н., проф. Д.А. Пospelова, который с 1991 по 2001 г. был его главным редактором. С 2001 г. главным редактором журнала является академик РАЕН, д.т.н., проф. Э.В. Попов.

В состав редколлегии журнала входят известные специалисты в теоретических и прикладных вопросах ИИ: президент РАИИ член-корр. РАЕН, д.ф.-м.н., проф. Осипов Г.С., председатель Совета РАИИ академик РАЕН, д.т.н., проф. Кузнецов О.П., академик РАН Ларичев О.И., академики и член-корр. РАЕН, доктора наук, профессора Гав-

рилова Т.А., Голенков В.В., Емельянов В.В., Еремеев А.П., Курейчик В.В., Пospelов Д.А., Стефанюк В.Л., Фоминых И.Б., Финн В.К., Хорошевский В.Ф., Эрлих А.И., Янковская А.Е.

За время издания журнала вышли в свет более 60 номеров, включая тематические выпуски и спецвыпуски, посвященные памяти выдающихся отечественных специалистов в области информатики и ИИ - Г.С. Пospelова (1998 г.), М.Г. Гаазе-Рапопорта (1997 г.), А.Н. Мелихова (1997 г.), Р.Х. Зарипова (1995 г.), А.Ф.Блишуна (1991 г.), а также юбилейные выпуски - к 60-летию В.К.Финна (1993 г.), В.Л. Стефанюка (2000 г.), к 70-летию Д.А. Пospelова (2002 г.).

В журнале публикуются научные обзоры, дискуссии специалистов, материалы по истории и развитию ИИ, а также смежных научных дисциплин в России и за рубежом, официальные сообщения и планы мероприятий

РАИИ, информация о конференциях и семинарах, посвященных теоретическим и прикладным вопросам ИИ. Важное место в структуре журнала занимают рубрики: «Из неопубликованных книг», «Развитие идей ИИ», «Интеллектуальный анализ данных и инженерия знаний», «Практические приложения ИИ», в частности, «Искусственный интеллект и бизнес», «Интеллектуальные системы поддержки принятия решений и управления», «Интеллектуальные (экспертные) системы в медицине», «Интеллектуальные обучающие системы», «Динамические интеллектуальные системы», «Системы управления знаниями», «Естественно-языковые системы» и др. Публикуются воспоминания о научных школах в области информатики и ИИ, информация о подготовке кадров по ИИ в ведущих вузах, объявления и реклама новых информационных и коммуникационных технологий.

С 2001 г. в связи с большой популярностью журнала его периодичность увеличена до 6 номеров в год, а тираж - до 1000 экземпляров с использованием более совершенной полиграфической базы. Распространение журнала организовано через подписку (подписной индекс в Роспечати - 81216) и розничную продажу.

Приглашаем к сотрудничеству по подготовке материалов, выпуску и распространению журнала, а также рекламодателей. С предложениями просьба обращаться в редакцию (тел. 288 1685, e-mail: popov77@land.ru - Попов Э.В.; 362 7962, e-mail: eremeev@mpei.ac.ru - Еремеев А.П., Головина Е.Ю.) или Совет РАИИ. Информацию о журнале, возможности его приобретения, а также о других направлениях деятельности РАИИ можно получить на сайте РАИИ по адресу www.raai.botik.ru и по адресам www.ainews.ru, www.anakharsis.ru.

Главный редактор журнала
«Новости искусственного интеллекта»
Э.В. Попов

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы от авторов принимаются только в электронном виде по e-mail или на дискете. Объем статьи – до 12 страниц (редактор Word, шрифт Times New Roman, размер 12, через 1,5 интервала, рисунки отдельными файлами). Литература в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте.

К статье прилагается также краткая информация об авторе, фотография автора (файл в формате TIFF), адрес, телефон, факс, адрес электронной почты (e-mail обязателен).

Контакты с авторами в процессе доработки статьи осуществляются в основном по электронной почте.

Преимущество отдается статьям, в которых получены новые результаты.

ПРИБРЕТЕНИЕ ЖУРНАЛА

Подписка на второе полугодие. Подписной индекс 82328 в каталоге РОСПЕЧАТЬ на 2-е полугодие 2003 года.

Журнал можно приобрести в книжном киоске в здании Института психологии РАН по адресу: Москва, ул. Ярославская, д. 13, телефон 282 01 00.

За дополнительной информацией следует обращаться в редакцию журнала или на сайт www.reflexion.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

**X. H. Kramer, T. B. Kaiser, S. E. Schmidt, J. E. Davidson,
and V. A. Lefebvre** (*США и Германия*)

От пророчеств к рефлексивному управлению

Кара-Мурза С.Г. (*Россия*)

Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление

Белозеров С.М. (*Россия*)

Новое поколение психологических IT в частной жизни и управлении

и др.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 3. Январь–июнь 2003. No 1

Издательство «Когито-Центр»

ИД No 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 10.05.03

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 8,5

Тираж 1500 экз.

Отпечатано в типографии «УПП Макс-Принт»